

Акад. В. Н. ПЕРЕТЦ

КРАТКИЙ ОЧЕРК
МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОСОБИЕ И СПРАВОЧНИК
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, СТУДЕНТОВ
И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

«АСАДЕМІА»

ПЕТРОГРАД

1922

РВЦ. № 1445.—Отпеч. 4.000 экз.—Зак. № 557.

26-я Государственная типография Петроград, Измайловский просп. № 29.

Посвящаю эту книгу

моим дорогим ученикам

проф. *В. П. Адриановой* (Петроград), проф. *А. В. Багрию* (Екатеринодар), проф. *С. Д. Балухатому* (Самара), проф. *А. П. Баранникову* (Петроград), проф. *С. А. Бугославскому* (Симферополь), проф. *Л. Т. Белецкому* (Прага), *Н. Н. Васильеву*, проф. *С. Е. Гаевскому* (Каменец-Подольск), проф. *А. С. Грузинскому* (Нежин), проф. *Н. К. Гудзю* (Симферополь), проф. *М. А. Драухмарову* (Каменец-Подольск), *С. А. Еремину*, проф. *Г. А. Ильинскому* (Саратов), проф. *М. Я. Калиновичу* (Киев), преп. *К. А. Копержинскому* (Каменец-Подольск), проф. *С. И. Маслову* (Киев), проф. *В. И. Маслову* (Киев), проф. *А. А. Назаревскому* (Киев), *Е. Л. Неверовой*, *С. Л. Неверову*, проф. *Б. В. Нейману* (Екатеринослав), преп. *А. И. Никифорову* (Казань), проф. *И. И. Огиенко* (Прага), проф. *Е. А. Рылику* (Киев), проф. *С. В. Савченко* (Киев), проф. *Е. К. Тимченко* (Киев), *С. Н. Чебану*, *С. Ф. Шевченко*, *И. И. Фетисову*, проф. *С. А. Щегловой* (Самара)

и памяти безвременно погибших—

В. М. Отроковского, проф. *Ф. П. Сушицкого* (Киев)
и *В. П. Красногорского*.

Автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книжку, содержащую краткий очерк вопросов, связанных с историко-литературным анализом и построением, я предназначаю для начинающих студентов. К сведению любителей библиографии, как таковой, сообщаю, что библиографические указания мною даются намеренно скупо. Кто интересуется тем или иным историко-литературным или методологическим вопросом—найдет здесь лишь общие указания, по которым сможет уже самостоятельно выйти на дорогу: библиографические розыскания—вещь полезная и к ним надо привыкать с самого начала работы.

Выпускаю этот краткий очерк, сознавая многочисленные его недостатки. Но в русской научной литературе, к сожалению, нет другой книги, которая бы ориентировала начинающих в вопросах историко-литературной методологии. Этим и оправдывается моя решимость.

§ 1. Необходимость методологии.

Эта книга представляет собою краткое руководство, справочник, назначаемый главным образом для студентов, приступающих к изучению литературы, а также для лиц, желающих путем самообразования расширить свой кругозор в области гуманитарных наук и специально — в области изучения творчества в слове.

Все мы, со школьных лет, привыкаем незаметно к мысли, что «литература» — вещь столь известная, что о способах изучения ее не стоит и говорить. Между тем, если мы всмотримся в обширную критическую литературу, то заметим, что почти каждый продукт творчества в слове оценивается и разными критиками, и читателями различным образом. Мало того, даже весьма уравновешенными и чуждыми «импрессионизма» историками литературы о литературных памятниках, даже весьма отдаленного от нас времени, о целых эпохах — высказываются иногда диаметрально противоположные суждения (сравним напр. суждения Голубинского и хотя бы Шевырева и Ор. Миллера о русской литературе домонгольского периода). Уже одно это обстоятельство наводит нас на мысль поискать, где таится истина, так как логика с одной стороны не может признать научно ценным суждение, зависящее от симпатий или антипатий, и, с другой — не позволяет нам утверждать противуречивое об одном и том же явлении или предмете. Значит, суждения историков литературы, литературных критиков, исследователей отдельных вопросов в области изучения творчества в слове — требуют проверки, выделения личного, субъективного, готовых, повторяемых иногда традиционно мнений. Таким образом, не только научный исследователь, но даже просто трезво мыслящий читатель не может слепо верить в истинность того, что предлагает ему автор — историк. Не говорим уже об исследователе: ему во всяком случае необходимо владеть орудиями исследования и знать качества их и те их свойства, которые в большей или меньшей степени определяют пригодность их для получения — не произвольных фантазий, а научной истины.

Каждая наука не есть груда добытых тем или иным способом фактов; наукою мы называем систему знаний о чем-либо. Система же — предполагает не слепое вдохновение, а про-

цесс мышления, анализирующий явления, классифицирующий, координирующий их и сравнивающий, отвлекающий общее из ряда разрозненных на первый взгляд фактов и устанавливающий генетическую зависимость между ними.

В каждой области знания (науке) мы различаем материал (то, что подлежит изучению), методы, (способы, которыми этот материал изучается, обрабатывается) и результаты изучения, формулируемые в выводах более или менее широкого значения (правила, законы).

Подобно тому, как в зависимости от материала в технике изменяются и орудия и способы его обработки, так и в области науки каждая сторона человеческого знания и творчества для своего раскрытия требует далеко не всегда одних и тех же приемов: универсального метода нет, есть различные методы, путем которых мы изучаем, исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям. Методология каждой науки изучает и выясняет степень пригодности различных методов для получения научной истины. В частности, в нашей области методология истории литературы изучает и выясняет условия, приближающие нас к познанию истины в истории возникновения и развития литературных явлений (явлений словесного творчества). Творческое воображение, являющееся основой создания научных истин, конечно, не создается никакою методологией; но, как без соответствующего инструмента и без знания техники своего производства, даже талантливый от природы работник не сможет достигнуть совершенства в своем деле, так и историк будет долго бродить в потемках и потребует не мало времени и затраты усилий и способностей, пока сам не набредет на соответствующий метод. Кроме того, ни один историк, неизбежно опираясь на работы предшественников — не может признать правильными результаты работ, не подвергнув критике — как эти результаты, так и методы, коими они получены.

Изучение методов исследования и критика их полезны во многих отношениях.

1) путем такого изучения создается привычка критически мыслить;

2) ослабляются и уничтожаются принимаемые многими на веру предпосылки, предвзятые идеи, опирающиеся на наши привычки к определенным представлениям;

3) изучение методов устанавливает общие принципы исследования, благодаря чему люди быстрее понимают мысли друг друга, и делает выводы исследователя убедительными и для других и для него самого;

4) критическое отношение к приемам исследования, коими получен результат, — охраняет как самого исследователя, так и

читателя его трудов от слепой веры в истинность представляющихся взору выводов и ограждает обоих от увлечений темперамента, индивидуальных, групповых, классовых вкусов и тенденций.

Отсюда — ясна необходимость изучения методологии в каждой науке, особенно же в области наук гуманитарных (наук о творчестве человека), где наиболее трудно бывает разграничить субъективное и объективное отношение к изучаемым фактам. Задача методологии — указать пути объективного изучения фактов, подвергнув известные методы критике в целях определения их пригодности для познания научной истины. Знание методов работы и критическое к ним отношение дает возможность достигать лучших результатов с наименьшей затратой времени, сил и способностей. Свободная критика методов исследования помимо прочего представляет важное орудие для освобождения человеческого разума от слепого догматизма, с которым мы встречаемся везде, и в науке и в жизни, особенно на высших ступенях умственной культуры, далеко еще не изжитых русским обществом. От методологии историко-литературного исследования, учащей вести самостоятельную исследовательскую работу по добыванию новых фактов и истолкованию их связей с другими, следует отличать методику преподавания; последняя объединяет в себе совокупность приемов преподавания выработанных наукою истины и оценивает эти приемы с точки зрения соответствия их педагогическому идеалу того или иного времени.

§ 2. «История» и «История литературы».

Область наук естественных изучает творчество природы и результаты этого творчества. Область гуманитарных наук имеет своим предметом изучение жизни и творчества человека, проявляющихся в создании новых явлений, не данных природой. В то время как науки естественные изучают человека, как одно из проявлений творчества природы, как зоологическую особь, — науки гуманитарные исследуют то, что создано им самим, как в области проявлений его жизни, так и мысли, чувства, фантазии, т. е. поступки человека и его мысли, выраженные в слове.

Таким образом, мы различаем и изучаем историю, т. е. проявление мысли в действовании, во внешнем мире (создание форм быта, государственных организаций, экономических отношений и т. п.) и филологию, т. е. проявление человеческого творчества в слове, как таковом (язык, литература).

Отношение историка жизни к ее проявлениям в общих чертах таково: он изучает процессы создания идей и отношений и их объективированные результаты, факты: материа-

дом для него являются поступки отдельных людей и коллективов, и последствия этих поступков, о которых мы узнаем из летописей, мемуаров, дневников, надписей, разного рода актов и документов; ценны для историка жизни также и идеи предшествующих ему поколений, сохранившиеся у философов, ученых, поэтов. Историк сопоставляет показания этих свидетелей о жизни прошлого, оценивает их критически и воссоздает, в зависимости от количества и качества их—более или менее верную картину жизни прошлого.

Историк литературы имеет своею задачей не воссоздание действительной жизни этого прошлого, а воссоздание картины смен литературных вкусов и направлений, «чередование литературных спросов и предложений», по образному выражению А. Н. Веселовского. Он изучает не действительно свершившиеся поступки живых людей, запечатленные для потомства в актах и документах, а жизнь, претворенную фантазией поэта, отраженную в понимании творцов произведений литературы.

Своеобразно различается и отношение к письменным остаткам жизни — историка ее и историка литературы: для историка жизни письменный памятник прошлого является лишь более или менее достоверным свидетелем о событиях этого прошлого; он важен не сам по себе, а лишь в зависимости от степени достоверности его показаний; для историка литературы важен каждый письменный документ, каждая устная песня, сказка, говорящая о настроениях их творцов, среды, признавшей их своими, и притом важны эти памятники слова постольку, доскольку они волнуют сходными переживаниями — читателя и слушателя.

Для историка жизни важно то, что передает письменный источник; для историка литературы—то, как он передает. Пример: древне-русские летописи рассматриваются историком, как источник сведений о быте древне-русских племен и, как таковой, подвергается критике с точки зрения степени достоверности показаний о фактах древней жизни. Те же памятники рассматривает и историк литературы, и изучает их элементы, источники, способ комбинации их, стиль и язык.

§ 3. Наука ли история и история литературы?

Прежде чем приступить к задаче, поставленной нами, следует выяснить вопрос, имеющий для нас основное значение: может ли считаться наукой изучение творчества в слове? Может ли претендовать история литературы — быть наукой?

Различают два пути научного мышления: мышление номотетическое (констатирующее законы) и идиографическое (описывающее явления). Первое — по Виндельбанду — ищет законов совершающегося, второе — стремится дать полное, исчер-

пывающее описание явлений определенной категории. Каждая наука делает и то, и другое, но всякая при этом стремится к обобщению того, что извлечено из опыта и наблюдения. В том числе историко-литературные изучения, отираясь от описания фактов и обследования частных случаев, — стремятся, оторвавшись от конкретной действительности, к обобщению. Историк литературы далеко не ставит себе единственной целью, как полагали в старину, «изображение людей и их судеб во всем сложном их своеобразии» (Дашкевич), а желает изучить и воссоздать процесс литературного творчества, историю стиля, сюжетов, художественных замыслов и композиций. В поисках общих законов развития творчества в слове — историк литературы пользуется теми же общими приемами исследования, что и историк и естествовед: индукцией, дедукцией, абстракцией, детерминацией с их производными, каковы сравнение, классификация. Все эти способы исследования пригодны для науки, имеющей дело не только с чистым умозрением, но и с положительным, реальным фактом.

Против признания исторических наук, а в частности и истории литературы — науками, обычно возражают, ссылаясь на невозможность для них пользоваться экспериментом и вынужденное пользование только наблюдением. Но ведь это — разделяется и наиболее точной из наук, астрономией, которая также экспериментом не пользуется. Указывают на отсутствие неизменных законов в нашей науке; но безусловны ли законы наук о природе? Открытия XIX и XX в.в. показывают, что и здесь многие «законы» прежнего времени рушатся довольно быстро, вместе с поступательным движением науки. Возражают, говоря, что в области наук математических и естественных человек является лишь субъектом наблюдающим, объект же наблюдения — чисто внешний, то, что отдельно существует от человека и не зависит от его настроений, воли, желаний и оценок. В области же наук исторических человек является одновременно и субъектом и объектом наблюдения, и наблюдающим и наблюдаемым. Это — недоразумение: в истории литературы мы наблюдаем развитие идей и их воплощений в памятниках языка, объективно существующих, независимо от нашей воли, от желания или нежелания, одобрения или неодобрения наблюдателя. Опубликованное произведение творчества в слове — для исследователя существует объективно и неизменно; изменяются лишь оценки, даваемые ему читателями.

Отсюда, впрочем, вытекает еще одно возражение: при оценке литературных явлений субъективизм неизбежен, а при субъективизме, — естественно, не может быть никакой точности, постоянства, раз на сцену выдвигаются личные вкусы и взгляды. Это справедливо, но не по отношению к истории литературы. Конечно, все наши суждения о явлениях «субъективны»,

т. е. несут печать личного, индивидуального восприятия факта; но есть весьма существенная разница в степени и виде субъективности: суждение о вещи далеко не всегда есть ее оценка. Возьмем два суждения: 1) песня ритмична; 2) песня весела; или 1) сказка заимствована из литературного источника; 2) сказка не интересна. В первом случае (1) мы, независимо от нашего вкуса, настроения и степени заинтересованности — можем проверить достоверность суждения; во втором (2) — находим одобрение или неодобрение, оценку совершенно индивидуального свойства. Ясно, что оценка равно ничего не прибавляет к пониманию оцениваемого предмета, не расширяет наших знаний о нем. Отсюда заключаем, что одно дело — историка литературы, именно определение свойств литературных произведений, генезиса их, отношения к традиции письменной или устной и пр.; а другое дело любителя делиться впечатлениями — оценка литературных явлений с точек зрения вкусов личных и групповых. Последняя ни для кого обязательной силы не имеет: «сколько голов — столько умов», каждый волен ценить по-своему: И если при недостаточной внимательности, возражая против признания истории литературы наукой, смешивают изображенные выше два способа отношения к памятникам словесного творчества, то это — не вина истории литературы, а недостаток, свойственный, впрочем, и некоторым историкам, подменивающим в угоду интересам времени и личным вкусам — суждения исторические — оценками.

Наша область изучений имеет свой специально принадлежащий ей материал, совокупность специальных методов и стремится к выведению законов исторического развития. Как наука молодая, она еще сделала мало успехов в этой области. Но это отнюдь не значит, что изучение человеческого творчества в слове не может быть научным; в дальнейшем, при анализе методов мы постараемся выделить то, что мешает многим стать на научную точку зрения при изучении литературных фактов и дискредитирует историю литературы как науку.

§ 4. Виды изучений словесного творчества.

Наше отношение к произведениям творчества в слове может быть различно, в зависимости от степени любознательности и общей образованности:

1. Мы, или ознакомившись с тем или другим произведением, или с группой их, обсудив наши впечатления, даем свою оценку прочитанному с точки зрения наших вкусов, вкусов взростившей нас культурной среды, или с точки зрения моральных и общественных идеалов, нами признаваемых за нечто устойчивое, определенное. Мы судим — и самое произведение и

наше впечатление, им созданное, и выражаем наше отношение к автору и его творчеству.

2. Или мы изучаем памятники словесного творчества в исторических условиях их появления, изучаем процесс их создания, роста, видоизменения, исчезновения с литературного горизонта на время или совершенно, влияния одного произведения слова на другие, и устанавливаем путь литературного развития у того или иного народа.

3. Или мы, на основании данных исторического изучения, пробуем представить теоретические основания, объясняющие процесс словесного творчества у отдельного автора или целой группы.

История нашей науки показывает, что примитивным видом изучений была литературная критика. От критика мы не требуем и не можем требовать научно-достоверных суждений, отличающихся хотя бы малой обязательностью для тех, кто читает его статьи. Задача его—истолкование литературных произведений согласно его индивидуальным или групповым вкусам и тенденциям, эстетическим, моральным, общественным. Критик, делящийся с читателем своими впечатлениями—не историк и не обязан быть им: он—сам творец, он по своему воссоздает идеи—образы, данные поэтом, истолковывает их, стремится понять их и объяснить своему читателю на основе и в пределах своих личных вкусов и мировоззрения.

Следующим этапом является литературная история (*Histoire littéraire, Literaturgeschichte*); это—изучение памятника библиографическое и биографическое, в деталях, в связи с жизнью автора, историческими данными эпохи, раскрывающими роль тех или иных факторов, влиявших на него. Литературная история охватывает все, написанное на данном языке, и содержит сведения об авторах, их книгах, их литературных и исторических отношениях.

Далее наступает момент истории литературы (*Histoire de la littérature, Geschichte der Literatur*): «дело историка литературы или историка любого из искусств, указывает Н. П. Кареев, (Историка, с. 223), разобраться в вопросах генезиса изучаемых им произведений, зависимости писателей и художников одних от других, эволюции стилей, манер, школ, или в вопросах о разного рода влияниях социальных, политических, религиозных и т. д., сказавшихся на литературе или на искусстве такого то народа»... Если мы всмотримся в массу произведений мировой литературы, то заметим, что развивается, эволюционирует не только жизнь, но и поэтическое творчество, развертывающееся на ее фоне, его приемы. С ростом общества меняются и его идеи, и те формы, в которые эти идеи отливаются. Одно литературное направление сменяется другим (у нас, напр.: классицизм, сентиментализм, романтизм). Поэты постоянно ищут

новых форм, воплощая в них художественные идеи своего времени. История литературы—есть история этого процесса художественных исканий и их воплощений в словесном творчестве.

На основе исторических изучений вырастает стремление создать обобщения—о процессе творчества в пределах возможных наблюдений над литературой всех эпох и народов. Возникает потребность раскрыть законы творчества—и таким образом, в ответ на эти запросы слагается историческая поэтика.

§ 5. Задачи истории литературы.

История литературы изучает развитие форм, в которые отливается мысль поэта в разные времена. Под «формой» мы разумеем всю совокупность средств художественной объективации—язык, стиль, приемы композиции, сюжеты—вообще все средства, с помощью которых идея поэта получает осязательное бытие и приобретает способность вызывать в читателе и слушателе соответственные (хотя и не тождественные с авторскими) эмоции.

С л о в о—основной элемент в этой цепи творческих средств. Это—неизбежная форма, без которой нет поэтического творчества. От слова зависит самый характер восприятия целого ряда разнообразных переживаний, впечатлений, настроений и идей поэта. Скажет ли он: «дворец, дом, чертог, лачуга, хижина, хата, будка, шалаш, изба»—каждый раз с возникновением в нашем сознании представления о здании, жилище—рождается масса вторичных, но для поэта весьма существенных признаков. При этом—слово живет, но значение его с течением времени меняется; меняются и вызываемые им настроения и впечатления у читателя. Разные эпохи ассоциируют с данным звуковым комплексом разные представления; таковы напр. слова «изумление» (в XVII—XVIII в.—потеря сознания), неистов (=не настоящий), прелесть (=обман); у Карамзина—относиться (=обращаться), ласкать комунибудь (=льстить), у него же сестры милосердия обхаживают больных (=не обманывают, а просто обходят). Все эти и многие другие слова двести и сто лет тому назад имели совершенно иное значение и стали быть ценностью.

С т и л ь, по выражению Эльстера (Prinzipien, II, 8) есть сумма подчиненных объединяющей норме средств выражения, в которых обнаруживаются эстетическая концепция и преобразующая сила творящего». Стиль, живописующий душевные переживания, тончайшие оттенки настроений, первоначально создаваемый индивидуальным творчеством поэта, вместе с тем является характерным показателем поэтического мышления и восприятия эпох. Всякая эпоха есть эпоха господства определенного стиля. Однородность, общность идей, настроений и пе-

реживаний влечет за собою (независимо от намеренного литературного подражания) сходство и даже однородность в манере выражения мира чувствований и идей. Поэтический стиль эпохи проникает все произведения ее, как бы объединяя их в одно целое. Стиль обращает литературу данного периода и данной группы—как бы в создание одного коллективного лица с определенной в каждом случае физиономией: ведь даже малообладательному читателю бросаются в глаза стиль классический и романтический, легко различаются стили Ломоносова и Пушкина, Некрасова, Блока и футуристов. Стиль не остается неизменным, неподвижным; он видоизменяется во времени, и задача историка—обнаружить и проследить эти видоизменения в связи с ростом исторических условий и видоизменением эстетического и идейного содержания эпохи. В развитии литературного стиля мы замечаем и значительное количество устойчивых формул, словесных шаблонов. Они сначала наблюдаются у крупных поэтов, но затем покоряют своей власти поэтов с слабо выраженной творческой индивидуальностью. Эти формулы не ограничиваются пределами родины своего изобретателя, узкими рамками национальной литературы; в международном литературном общении образы, отлившиеся в определенные формулы, повторяются почти автоматически, как более привычная форма, в которую отливается мысль, чувство, настроение поэта с не сильной творческой индивидуальностью. Литературное воспитание поэта—всегда консервативное—создает прочное основание для сохранения старых форм, в частности—стиля. Веками живут такие готовые формулы (как, напр.: «стрелы любви», «раненое сердце», «взять в плен» и т. п.), пока крупный талант не внесет в литературный оборот новые изобразительные средства, освежит новыми приемами традиционное наследие веков.

Каждая эпоха имеет особую любовь к тому или иному литературному виду или жанру литературы, благоприятствует одному и не благоприятствует другому, в зависимости, вероятно, от исторических условий жизни общества и поэта. Мы уже не знаем и не любим величавых эпосов древности; не творится у нас и былевой эпос, замирающий на далеком Севере; исчезла трагедия, вся дидактическая поэзия, столь модная в XVIII в., и многочисленные разновидности эрики, созданные средневековьем и являющиеся галантной жизнью придворного мира XVII—XVIII в.в. Зато в конце XIX ст. пышно расцвел роман и повелла и другие разновидности словесного творчества, ранее неизвестные.

Как образец исторического развития в пределах одного жанра в древней русской литературе, мы можем указать, напр., судьбу житий святых: в древнейшем периоде, до XIV в. господствуют жития с преобладанием фактического содержания (хотя бы и заимствованного из переводных житий); в XV—

XVI в.в. они перерабатываются в новом духе с обильем «добро-словия»; в XVII в. снова упрощаются. Историка «Печерского Патерика» выпукло изображена проф. Д. Н. Абрамовичем; судьба Пролога—проф. Н. И. Петровым. Судьба древнерусских исторических памятников также дает любопытную картину: на глазах историка формируется хронограф в ряде редакций, отвечающих потребностям времени; на почве, подготовленной летописями, возникает Степенная Книга. Имеет свою историю и старинная повесть и ораторство.

Композиционные приемы также имеют свою судьбу. Кто не обращал внимания на любимый прием Тургенева — «приезд», или у Гоголя—намеренная путаница, перебой речи вставками и отвлечениями в сторону, с целью достижения комического впечатления. И эти и подобные приемы—имеют свою историю.

Задача историка литературы сводится к обнаружению исторического развития, процесса появления, роста и видоизменения литературных явлений в области формы, претворяемой под давлением разнообразных условий жизни исторической, быта, литературных влияний и др. факторов.

§ 6. Обстоятельства, благоприятствующие и мешающие историко-литературному исследованию.

Не лишним считаю коснуться некоторых общих условий, содействующих и препятствующих успешности научного историко-литературного исследования.

О необходимости знать методы исследования прежде, чем приниматься за него — сказано выше. Кроме этого, само собою разумеется, необходимо основательное знание источников и пособий. Под источниками мы разумеем самые произведения творчества в слове, дошедшие до нас в печатном, или рукописном виде, или путем устной традиции. Пособиями—в широком смысле этого слова являются для исследователя не только библиографические указатели, справочники, общие, систематические курсы, но и исследования предшественников о различных писателях, целых эпохах и направлениях. Приступая к работе необходимо строго и тщательно разграничивать показания источников и пособий: в последних факты—уже подвергнуты обработке и носят следы индивидуальности обработавшего их автора. С ними следует считаться, в них следует спрашиваться о состоянии разработки того или иного научного вопроса, во отнюдь целиком не основываться на них, минуя источники.

Приступающему к историко-литературному исследованию следует, помимо внимательного изучения деталей вопроса,—приобрести и соответствующий исторический кругозор, приучить себя мыслить об изучаемом писателе не как об изолированном явлении, а как о звене в истории литературы. К сожалению.

это понимают, даже в наше время, далеко не все, размножая и поощряя ремесленничество, неизбежно вытекающее из сужения горизонта молодых ученых.

Обстоятельств, препятствующих обнаружению научной истины путем исследования, мы можем также указать несколько; историк литературы должен помнить, что объективному суждению о литературных явлениях мешают:

1. Воспитание в духе господствующих в окружающей исследователя среде понятий о привилегированности, избранничестве какого либо общественного класса (вспомним презрение образованных людей XVIII в. к «подлой», т. е. низкой мужицкой кесде).

2. Воспитание в духе господствующих понятий о «художественном», «прекрасном»; (вспомним оценку Шекспира в XVIII в. представителями французского классицизма и провал «Чайки» Чехова, в 1896 г.).

3. Воспитание в духе господствующей морали и приличий; вспомним оценку Гоголя в 1830—40 г.г., как «безнравственного» и «неприличного» писателя).

4. Привычка повторять готовые, хотя бы и ошибочные мнения старых руководств (напр., о «романтике» Жуковском). Вследствие косности, свойственной человеческому мышлению, склонность повторять без критики мнения «авторитетов» свойственна иногда крупным представителям гуманитарных наук.

5. Произвольные и суммарные заключения на основании немногочисленных и единичных фактов, под воздействием тенденций, чуждых научному исследованию (напр., личное самлюбие, желание быть во что бы то ни стало правым, политические и религиозные предубеждения).

6. Поспешность в выводах и оценках, не опирающихся на долгое, обстоятельное и всестороннее обследование вопроса.

7. Стремление схематизировать явление, закрывая глаза на то, что при этом порою весьма существенное остается за пределами схемы (напр., характеристика XVIII века в русской литературе, как «века классического», в то время как «классицизмом» в сущности считалась ничтожная часть публики, верхи общества).

8. Тенденция все примирять и искать компромисса для устранения противоречий во мнениях, что, по справедливому замечанию Ланглюа, является «противуположностью научному духу».

9. Едва ли не самое распространенное, самое обычное явление, препятствующее успешной работе в области истории литературы,—это предпочтение ленивой мысли пользоваться чужими мнениями и в ущерб фактам. Отсюда напр.,—сильно разви-

тая у нашей учащейся молодежи тенденция на первых порах пользоваться пособиями вместо источников.

Итак—следует помнить, что в области научного исследования не должно быть места ни несомнительной самоуверенности, ни, с другой стороны,—грубой косности мысли. Исследование опирается на знание материала (источников), здравый смысл и умение пользоваться подходящими орудиями (методами). В основе работы должно лежать критическое отношение к фактам и к мнениям, о них высказанным.

§ 7. Материал для истории литературы.

Обычно круг материалов для истории литературы определяют так: она изучает произведения художественного творчества, выраженные в слове». Но что такое это «художественное»? Каковы объективные признаки «художественного»? Существует ли «художественное» как нечто постоянное и неизменяющееся во времени? Ниже мы детальнее коснемся этого вопроса. Сейчас ограничимся только постановкой вопросов в целях выяснения того, что признание одного произведения слова—«художественным», другого—«не художественным», предполагает заранее сделанную оценку и влечет за собою отбор из массы произведений словесного творчества определенной группы их; но этот отбор всегда будет субъективен и потому произволен, в зависимости от вкусов и эстетического воспитания производящего его лица.

С другой стороны—следует ли, согласно с Паулем, включать в понятие «литература»—в с. с., что только дошло до нас в известной языковой форме? Если так, то современному историку литературы придется вернуться к той примитивной ступени изучения творчества в слове когда в ведение историка зачислялись и медицинские, и юридические и т. п. сочинения. Должен быть найден путь, который бы вывел нас из этого тупика. Попробуем вдуматься в способ воздействия творчества в слове на читателя и слушателя.

Всякое произведение творчества в слове адресуется к нашему сознанию, но далеко не всякое—к области наших чувств. Словесные произведения, вызывающие у нас акты познания—относятся к области научного творчества; их мы называем «прозой»; те же, которые, кроме акта познания, будят в нас ряд сопутствующих эмоций, волнуют нас, заражая настроением творца, внушая переживания, сходные с теми, которые переживал он в процессе творчества—мы называем «поэтическими». Пример: выражение «Макбет убил короля»—констатирует лишь факт; «Макбет зарезал сон»... создает представление о трагическом вероломстве, жертвою которого пал доверчивый старый король. Здесь, как и в массе других случаев, форма передачи

мысли создает различие между выражениями ее, то не вызывая, то вызывая эмоции, сопутствующие акту познания.

Отсюда ясно: что вопрос заключается не столько в материале истории литературы, понимаемом, как определенная категория памятников ее, сколько в точке зрения на этот материал. Многие ученые тщетно старались установить принцип отбора: одни выдвигали эстетическую точку зрения, другие— общественное значение тех или иных произведений слова. Но договориться не удалось—эстетические и общественные идеалы и противоречивы и изменчивы,—а потому цель осталась недостигнутой.

Между тем вопрос о материале для историка литературы выясняется гораздо проще, если мы примем раз навсегда, как основное положение, что предметом истории литературы— является сама литература, а не биография, не история и психология творчества отдельных лиц; что литература— есть поэзия, а поэзия— это то, что будучи выражено в слове,—независимо от целей и намерений автора, внушает нам, «суггестивует», известные настроения, заставляет нас, в силу свойства избранной поэтом формы, в которую облечены его идеи— переживать и чувствовать эти идеи. Таким образом для нас суть заключается не в какой то «черте», отделяющей памятник, имеющий культурно-историческое значение, памятник «прозаический» от памятника литературного, «поэтического», которую когда-то разыскивали последователи культурно-исторической школы, а в том, что история литературы рассматривает и изучает формальную сторону памятников словесного творчества, ее эволюцию, оставляя исторiku культуры — изучение содержания, собственно идейную сторону памятников прошлого, как таковую. Приведем примеры: «Поучение Владимира Мономаха», «Домострой» — интересуют главным образом историка своим содержанием, совокупностью идей, освещающих определенные фазы жизни и понятий древнерусского феодального и буржуазного общества: но история создания этих памятников, их источники, отношение к последним авторов, стиль этих памятников и своеобразие композиции— все это остается предметом изучения историка литературы. И в области литературы XIX в.—А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский представляют— один интерес для историка русской общественности— и совершенно иной для историка русской литературы, в частности— русского романа, русской литературной критики. То же можно сказать и об изучении древнерусских и новых писателей с религиозным уклоном мысли. Н. Кирилл Туровский (XII в.), и Нил Сорский (XV в.), и прот. Аввакум (XVII в.) и Лев Толстой— будут изучаться и богословом, историком религиозной мысли в России,— и историком литературы, но совершенно различно, с разных точек зрения и с различными результатами.

§ 8. Все ли писатели ценны для историка литературы?

Все ли писатели представляют ценность для историка литературы, или только избранные? Если мы заглянем в популярнейшие работы историко-литературного характера и в учебники, то увидим, что излюбленная манера авторов их (пользующихся историко-биографической системой изложения)—шагать от знаменитости к знаменитости, минуя «второстепенных» и «третьестепенных» писателей. Особенно кажется странным такой своеобразный литературный аристократизм у таких демократических историков, как Е. Соловьев (Андреевич) и Иванов-Разумник. Этот прием, наглядно свидетельствующий о косности человеческого ума и об устойчивости старых традиций, имеет свое объяснение: он восходит с одной стороны—к эпохе господства эстетических оценок: некоторые писатели признавались «образцовыми» и суждение об остальных делалось по сравнению с ними. С другой стороны, с начала XIX в. в исторической литературе стало утверждаться убеждение, что «гении», «выдающиеся люди» типичны, характерны для понимания своего времени, своей эпохи и ее идеалов, в том числе и художественных (об этом см. ниже). Но уже в 1850-х годах акад. Ф. П. Буслаев оспаривал эту манеру своих современников при характеристике эпох—«оставляться только на гениальных личностях», в надежде «подслушать ответы на душевные вопросы той эпохи к которой каждая из этих личностей принадлежит». Он настаивал на необходимости изучать также произведения второстепенного значения, «не столь знаменитые, не столь превознесенные эстетической критикою, но столь же исполненные жизненного интереса, чаяний, ожиданий, вполне характеризующие настроение целых народных масс».

В 1880-х годах Эпнекен требовал, чтобы историки литературы, изучая «образцовые» литературные произведения, не обходили молчаньем и те памятники словесного творчества, которыми удовлетворялись в свое время запросы сравнительно небольших групп читателей данной эпохи, но которые в последующие эпохи приобретали значение и влияние на ход литературного развития. Заметим, что обычно—громоздкое количество литературных произведений «средней руки», подражательных и компилятивных—гораздо более отвечает вкусам современников и поэтому гораздо лучше характеризует рост литературных вкусов общества. Шекспир был оценен в Европе через полтора столетия после смерти; наш Пушкин нашел широкое признание также только в конце XIX в.; при его жизни—Марлинский, Булгарин, даже А. А. Орлов пользовались известностью среди читателей не меньшею, если не большею, чем Пушкин.

Человек проявляет творчество не только в крупных, выдающихся, важных по чему либо произведениях словесности. На-

ряду с памятниками, созданными гениями и большими талантами,—масса читает и такие, которые написаны авторами посредственных способностей и даже бездарными, по суждению потомства, писателями. Но для историка было бы неосновательно при своей работе пользоваться одним и пренебрегать другим. Для историка ничто не пропадает бесследно, даже самые слабые и неважные на первый взгляд произведения: с точки зрения литературной эволюции в ее разновидности литературного творчества, все остатки прошлого литературной традиции имеют значение, как показатели этапов развития с одной стороны—мастерства авторов, с другой—вкусов и запросов потребителей памятников словесного творчества. Литература—не случайный продукт игры, она есть факт социальной жизни и для ее историка нет произведений «худших» или «лучших» в смысле эстетическом, а есть лишь более или менее ясно представляющие моменты литературного развития. И в этом смысле для историка приобретает важное значение роль «второстепенных» писателей. По справедливому замечанию А. Горнфельда «каждый из них делает вклад в образование литературного языка, каждый находит свои особенные сферы наблюдения и интересов, каждый дает материал для более широких обобщений»; «их служебная роль значительна и почетна». Миру искусства не чужд тот процесс коллективного творчества, который мы замечаем в поступательном движении науки, где обобщающая мысль гения, лишь опираясь на совокупность мелких раз'единенных наблюдений, вносит единство и гармонию в разобщенные результаты частных исследований. И этой подготовкой новой идеи не исчерпывается труд второстепенных работников: наоборот, появление такой новой идеи знаменует собою лишь новый расцвет и новое направление их муравьиной работы: одни комментируют новую мысль, находя ей новые приложения, другие популяризуют ее... третьи развивают ее далее, дробя в различных категориях и находя для общего ее выражения более нюансированные формулы. Судьбы отдельных поэтических образов и сюжетов дают многочисленные примеры аналогичного движения в истории литературы: и здесь всякое крупное творение есть результат преемственного развития общих мотивов, и здесь—вспомним хотя бы классический пример «предшественников Шекспира» или отношение между Батюшковым и Пушкиным—всякое большое движение выражается не только в бессмертных его представителях, но и в целом ряде писателей второстепенных, о которых не только грешно, но и опасно забывать (О русск. писателях, I, 51).

§ 9. Изучение литературы в древности и в средние века.

Только окинув взором путь, пройденный человечеством, в изучении той или иной отрасли знания, можно оценить сделанное предшествующими веками и наметить то, что еще предстоит

сделать будущим работникам науки. История литературы, как наука, сложилась весьма недавно—в первой четверти XIX ст. Но попытки изучения человеческого творчества в слове относятся к очень отдаленным от нас временам. Как и в областях иных научных знаний, мы наблюдаем и здесь длительный путь исканий, достижения, утраты их, вследствие одичания общества и снова оживление интереса к изучению памятников словесного творчества, в связи с культурным подъемом и достижениями философской и научной мысли вообще.

Культура новых европейских народов тесно и традиционно связана с культурой древнего античного мира. Его остатки были тем зерном, из которого выросла новая наука с момента подъема умственной жизни в Западной Европе, называемого Ренессансом XV—XVI в.в. Обратимся к этой античной древности и постараемся разглядеть в ней зачатки тех приемов изучения памятников словесного творчества, которые позже были усвоены и развиты новой европейской наукой.

Уже в VI в. до Р. X. обнаруживается в Греции интерес к собранию историко-литературного материала (Илиада и Одиссея Гомера); несколько позже—находим у греков отголоски критических оценок литературных произведений (отзывы Аристофана о трагиках в «Лягушках»). Есть сведения, что при Писистрате, в Афинах, уже существовала библиотека; в V в. были библиотеки и у частных лиц; в IV в. славилась библиотека Аристотеля. Накопление книг, опыты оценки их—вот первые шаги любителей литературы. Аристотель в своей «Поэтике» уже интересуется историческими и теоретическими вопросами, впервые разграничивая форму и содержание в словесном творчестве. В «Риторике» он анализирует приемы творчества и стиль прозаических авторов. В III в. до Р. X. центром изучения литературы является Александрия, именно громадная библиотека собранная там царями Птолемеями. Не забудем что тогдашняя литература вся заключалась в рукописях. Вследствие неспорченности текстов, размножавшихся путем ремесленной переписки, явилась потребность в исправлении их, в приурочении памятников к определенным авторам, если надписания исчезали, и т. п. Отсюда ясно, к чему должны были прийти александрийские ученые филологи («грамматки»: 1) к каталогизации известных произведений литературы; 2) к критике их текста в целях исправления вкрапившихся ошибок; 3) к истолкованию темных мест; 4) к розысканию и выяснению авторов безымянных или ненадписанных, или ошибочно надписанных произведений; 5) к толкованию целых произведений и их отдельных мест с точки зрения тогдашних понятий о прекрасном.

Каково было трудолюбие и ученость александрийских ученых—показывают примеры Аристарха, написавшего 800 свитков одних комментариев, не считая самостоятельных моногра-

фий, и Каллимаха (III в.), составившего ученое описание Александрийских библиотек. Позже появляется трактат Луккиана о том, как следует писать историю; здесь он уже отчетливо различает цели истории и поэзии. Эти цели различны: поэзия не связана с действительностью, история не имеет в виду полезное, добываемое из истины, и не нуждается поэтому в вымышленных украшениях.

Рим, покорив Грецию, подчинился ее культурному влиянию; в области изучения словесного творчества он не создал ничего самостоятельного. «Послание к Пизонам» об искусстве словесного творчества, написанное Горацием, (I в. до Р. X.) не столь выдвигает теоретические положения, важные сами по себе, сколь стремится дать практически полезные правила; поэт должен приносить пользу и забавлять, он должен к приятному примешивать полезное. Квинтилиан (I в. по Р. X.), в своде «Основаниях ораторского искусства» преследовал также практические цели—в области прозаического творчества.

Тоже утилитарное отношение к изучению литературных памятников обнаруживают и первые христианские ученые. Ориген (182—351) сопоставляет с древнееврейской библией греческие ее переводы, пользуясь приемами, выработанными александрийскими учеными. Василий Великий (329—378) хотя и советует христианам читать античных авторов, но лишь тогда, когда они пишут согласно с христианской моралью. Езихий (IV в.) составляет «Словарь»—нечто вроде историко-литературно-археологической энциклопедии. В IX в. патриарх Фотий предпринимает свой «Мугиобиблон»—пересказ тысячи прочтенных книг с морально-эстетическими оценками. В X-м в. появляется монументальный Лексикон Свида, изумительный по проявленной автором эрудиции—свод всей учености тогдашних историков и филологов.

Знаменитые писатели античного мира изучались в Византии до XIV в. в школе. Не то было в Западной Римской империи, где культура была не столь глубока, и испытала более сильное воздействие варварских народов эпохи великого переселения. Античный мир с его наукой и литературой был забыт довольно основательно, греческий язык—также. Христианство здесь было гораздо враждебнее к античности, чем на Востоке. Это не могло не отразиться на отношении к литературным изучениям. Опыты монаха Конрада (XII в.), обильные целеностями, наглядно показывают глубокое забвение античных знаний (напр. «Пипдар, славный философ, перевел Гомера на латинский язык» и т. п.). Гелиманд (XII в.), Винцент из Бовэ (XIII в.), Вальтер Бурлей (XIV в.), собирая сведения из древности, имели прежде всего целью назидательность, а потому их труды историко-библиографического характера окрашены религиозным направлением, и к тому же не лишены анекдотического

элемента. В Италии, где связь с античностью была прочнее, чем в прочей Европе—писатели древнего мира частью были забыты, частью имена их обросли фантастическими легендами, а сочинения, переписываемые случайно, по недоразумению «ad maiorem Dei gloriam»—испещрялись грубейшими ошибками. Наука замерла в некультурной среде. Литература, как одно из искусств, завещанных античностью—забыта.

§ 10. Изучение литературы под влиянием Возрождения.

Эпоха возрождения творческой научной деятельности человеческого ума наступила тогда, когда в средневековом обществе появилась группа лиц, высоко поднявшаяся с одной стороны над культурным уровнем своих современников, с другой—осмелившихся занедозрять непогрешимость церковного авторитета в деле науки. В более культурных слоях средневекового общества конца XI в., оплодотворенных идейным содержанием античной греческой литературы, сбереженной для мира Византией,—ожил интерес к человеку и к миру земному, ранее забытому в стремлении к миру небесному. Очарованные уже найденными образцами творчества античных авторов, люди эпохи Возрождения предпринимают поиски памятников древней греческой и латинской литературы. Открываются и получают оценку бывшие в забвении памятники искусства, литературы, философии. Возрастает уважение к писателям и художникам, и центром внимания делается человек. Эпоха Возрождения оставила нам громадное количество биографий замечательных и незамечательных людей. Вместе с этим растет интерес к самым памятникам литературы. Леонардо Бруни (р. 1364 г.) считает наиболее необходимым и для мужчины и для женщины—иметь начитанность. Поэзию он ставит выше философии. Образцом поэзии—являются античные поэты, образцом изящной речи—латинские прозаики. Желание понять точно античных писателей—вызывает к жизни изучение их языка, комментирование древних памятников и критическое изучение их текста, испорченного безграмотными переписчиками. Какова бы ни была эта критика—она сыграла не только филологическую, но и великую культурную роль: вывела на новую дорогу человеческий ум (см. Монье), поставив на первый план при изучении памятников не слепую веру в справедливость всего написанного, а здравый смысл, оперирующий с помощью наблюдений. Важные услуги изучению литературы древних оказали Колуччо Салютати, Бруни, Бенвенуто Рамбальди да Пмола, Поджо, Ауриспа, Лаврентий Валла и др. Таким образом филологам XIV—XVI в.в. пришлось в значительной степени проделать заново ту же работу, что и александрийским грамматикам. Но ученые эпохи Возрождения мало различали поэзию от науки, поэта—от историка. Только ученые

французы Бодуэн и Бени (XVI в.) провели границу между искусством историка и искусством оратора и поэта. Под пером Скалигера—сына (Поэтика, 7 книг, 1651 г.) создалась теория, давшая начало позднему французскому классицизму с его известными «тремя единствами» и прочими аксессуарами.

Успехи ученых эпохи Возрождения повлекли за собою большую специальную литературу библиографических и биографических розысканий и сводов. В ряду трудившихся на этом поприще прежде всего следует упомянуть «отца истории литературы», немецкого ученого Конрада Геснера (1516—1565 г.), составителя «Всеобщей Библиотеки», собравшего в этом труде биографические и библиографические материалы о писателях древних и новых, писавших на латинском, греческом и древне-еврейском языках. Подобного же рода труды-справочники были составлены позже Ламбеком (*Prodromus historiae litterariae*, 1659 г.), Паули (1671 г.), Морхофом, Фрегером (1688 г.). Но эти труды отнюдь не были шагом вперед на пути изучения литературы. Трудолюбие само по себе не могло заменить изобретательности: этим авторам не доставало идей, чтобы осветить смысл и цели историко-литературных изучений. Сами по себе биография с библиографией—не создали науки. Не создали ее и попытки знаменитого иезуита, неизвестного и в России, Антония Поссевина, (1607 г.) приспособить изучение литературы к роли оружия для пропаганды и укрепления католицизма, угрожаемого тогда реформацией. Цель поэзии для Поссевина—усовершенствование человека, соединенное с развлечением, удовольствием; источник поэзии и образец—Св. Библия, в частности—Псалтырь. Утилитарность и тенденциозность этого, для своего времени, весьма ученого автора—обратили в ничто его громадные знания, ни на потуг не подвинув вперед дело создания нашей науки.

Изучения, предпринятые эпохой Возрождения—в XVII в. стали как бы выдыхаться, терять свой смысл, не имея более поступательного движения: они не шли далее подготовительной работы. Нашей науке, на пороге рожденья, грозила мертвая окаменелость средневековой схоластики.

§ 11. Значение идей Бэкона, Декарта и Вико для нашей науки.

Носителями идей, омолодивших область гуманитарных наук, в частности придавших смысл и изучению творчества в слове,—были трое ученых, разделенных между собою почти столетием: англичанин Бэкон, француз Декарт и итальянец Вико. Их идеи, вошедшие в научный оборот, правда, с значительным опозданием,—вызвали знаменитую реакцию в области изучения литературы, как только были усвоены современными учеными.

Три основных принципа лежат в основе философских воззрений Френсиса Бэкона (1561—1626 г.): 1. наш дух должен быть прояснен относительно вспомогательных средств познания, отвергнув смущающие его чистоту призраки; 2. наш дух должен обратиться от дедукции—к опыту и воспринять знания путем наблюдения; 3. наш разум должен от частных умозаключений восходить к наиболее общим не вдруг, но постепенно, чрез промежуточные ступени. Таким образом Бэкон вместо спячки, основанной на вере и вместо бесплодных умозаключений, отпращивающихся от общих суждений к частным, предложил в науке поставить на первый план систематически организованный опыт и наблюдение. Вместо дедуктивных построений путем цепи силлогизмов, исходящих из принятых на веру аксиом,—он поставил объективное опытное исследование, идущее от данного явления к условиям его вызвавшим. По мысли Бэкона науки о человеке (гуманитарные) основываются на трех способностях человека: история—на памяти о прошлом; поэзия—на воображении; философия—на рассудке. Под «поэзией» Бэкон разумеет не стихи, а «вымышленное повествование». Поэзия занимается предметами, созданными в подражание существующим, с преувеличением существующего в природе и соединением того, чего в ней вместе не встречается. Предмет истории—человеческие личности и их деяния. Поэзия—одно из искусств и «нет никакого сомнения, что если бы история мира лишена была этой части, то она значительно походила бы на статую Полифема, потерявшего свой глаз; ибо в таком случае недостающая часть его лица именно и была той, которая лучше всего выражала гений и характер этого человека». По мнению Бэкона, в его время история литературы еще не была написана, и он предлагает правила для ее составления, причем изложение должно быть не полемическое, а объективное и основываться на фактах, как это и должно быть в области и других наук.

Декарт выдвинул важный методологический прием, движущий всякую науку,—без коего она обращается в школьную, педагогическую дисциплину: методически проведенное сомнение. Возможно, что наши представления о мире—истинны; но возможно, что мы живем в мире самообмана. Привычка к самообману образуется сама собой, отвыкание от него достигается путем дисциплины духа и метода. Недостаточно заметить эту необходимость—нужно постоянно помнить о ней, так как привычные мнения постоянно возвращаются к нам и вновь овладевают нашим легковерным чувством. Иногда человек знает, насколько они сомнительны, но все же они по привычке кажутся истинными. Мышление становится критическим. Значит ли это, что Декарт отрицает возможность розыскания истины? Конечно нет: ведь если она до сих пор не найдена, если на пути к ней масса сомнений, то это не значит, что она никогда и не может

быть найдена. Сомнение Декарта — только побудительное средство в упорных поисках научной истины. Приведем его правила исследования:

1. Ничего не признавать за истинное и полагать в основу суждений только то, что ясно признано разумом за таковое, опасаясь всякой торопливости и предвзятости мнений.

2. Всякий вопрос расчленять на столько частей, чтобы решение по возможности этим облегчалось.

3. Начинать всегда с простейшего, легко доступного и постепенно восходить к сложнейшему, чтобы даже и в тех случаях, где нет естественной последовательности, устанавливать определенный порядок.

4. Делать всюду настолько полные обзоры, чтобы быть уверенным, что ничего не упущено из виду.

Эти положения философа-математика следует всегда иметь в виду и историку литературы.

Вико (1668—1744 г.) ограничил стремление Декарта признавать индивидуальный разум за правдоу истины. Он думает, что есть высшая инстанция—голос народа, общее сознание, явившееся без договора и соглашения, в силу требования природных свойств человека. В своей «Новой Науке» (1725 г.) Вико замечает, что в жизни народов есть известная закономерность, какие-то законы, вследствие которых развитие народов идет аналогичным путем. Источником «Новой Науки» является философия и филология, взаимно помогающие друг другу: вторая— есть наука о реальном, она доставляет материал для науки об истинном, философии, основывающей свои теории на достоверности изученных фактов. Вико признал единство человеческой природы, приемов мышления при множестве оттенков. Отсюда он может говорить о человечестве и его общих идеях и моментах в истории его умственного развития. Мудрость человечества в зародыше свойственна человеку на первых ступенях цивилизации. Первобытный человек подобен ребенку, но он способен к творчеству, к поэзии. Поэзия для первых веков человечества была философией без абстракции, состояла всецело из воображения и чувств; язык знаков, язык изображений предшествует языку слов. Наступает период обобщений: истина поэтическая, передающая идеал качества героя, события—кажется более достоверной, чем истина реальная. Формы поэзии созданы народом и восходят к первым временам человечества; поэтический ритм сопоставляется им с пением птиц: в период любви голос изменяется, приближаясь к пению. Стихотворная мерная речь всюду предшествует прозе, подобно тому, как поэзия—философии и науке вообще. Таким образом Вико выдвигает в качестве первопричины возникновения поэзии—несознательную творческую деятельность человека и народных масс. Вопреки эстетическим пред-

убеждениям своего времени он полагает основание изучению народной словесности и указывает пути теории эволюции. Многие из его соображений и догадок кажется нам преждевременным, пожалуй странным и наивным; но многое—оправдалось блестяще научными исследованиями XVIII и XIX века. Его взгляд на Гомера не как на личность, а как на совокупность эпических песен древних греков, совпавший с высказанным и аббатом д'Обиньяком—нашел обоснование в труде Ф. А. Вольфа (1783 г.), после которого изучение народного эпоса стало на новый путь. Что касается других идей Вико—об отношении поэзии и прозы, об эволюции словесного творчества, то ни у Рейманна, автора «Введения в историю литературы», ни у Гейманна, ни у Тирабоски и Андреса, видных представителей истории европейских литератур в XVIII в.—мы не встречаем ни малейшего следа воззрений итальянского философа. Нужны были иные общественные условия, иная степень культуры, чтобы эти воззрения могли быть усвоены и развиты: это случилось лишь в XIX столетии.

§ 12. Роль братьев Гриммов в изучении истории литературы.

В связи с национальным пробуждением в Германии в XVIII в.—и XIX в. стоит появление так называемой романтической школы. Идеологам ее, Гердеру и его последователям, принадлежит заслуга оживления и освежения изучений словесного творчества и впесение новых идей в область филологии. Гаманн и Гердер, отчасти совпадавшие в воззрениях с Вико, и стремившиеся изучить на основании народного творчества—народную душу, вдохновили бр. Гриммов, из коих Якову Гримму принадлежит видная роль в постановке изучения литературных явлений на научную почву. Исследуя средневековую письменность и народную словесность германцев, историю их языков, верований, права, Гриммы создали новый взгляд на задачи истории литературы, перенеся на изучение своего родного, немецкого словесного матерпала—приемы, выработанные филологами-классиками, и одухотворив свою деятельность идейным содержанием. Гриммы отмечали закономерность исторических явлений, полагая, что при одинаковых условиях быта и на одинаковом уровне культуры и результаты словесного народного творчества будут одинаковы, как и совокупность верований. Ссылаясь на единообразие человеческой психики они пытались объяснить сходство поверий, преданий, сказок у разных народов арийского племени, вынесенных из общей прародины. Я. Гримм воскресил интерес к творчеству средних веков, изучал легенды, жития, песни, применяя объективные методы исследования. Для Я. Гримма история литературы являлась уже не собранием био-библиографического материала и не совокупностью эстетических оценок,

а наукой, исследующей духовную творческую деятельность человека и человечества в лице его представителей—писателей. Гриммы несколько сентиментально идеализировали прошлое германских народов и их литературу, что в последствии, у их последователей, (особенно—русских) затормозило отчасти развитие научных воззрений на процесс и взаимоотношение поэтического творчества индивидуального и коллективного; но, конечно, они не ответственны за ошибки и преувеличения своих, не всегда удачных, последователей.

Со времени Гриммов круг ведения истории литературы значительно расширился. На смену прежним задачам выступает новая: изучение процесса роста литературы, взаимоотношения между памятниками, судьба этих последних в зависимости от воздействия среды, в которой они продолжали свое существование. «Теория», которую так любил XVIII в., уступает место «истории». Начиная с первой половины XIX ст. ученые, даже слишком усердно, стараются привязать изучение литературных явлений к истории, до того, что, напр., у Шерра, Карьера, Геттнера и их русских последователей, «история литературы» то сливается с «историей культуры», то всецело поглощается этой последней. Но, как увидим ниже, при обозрении методов историко-литературного исследования, такое смешение недопустимо, что было замечено уже в 1880-х г.г. русскими и европейскими учеными.

§ 13. Методы изучения истории литературы.

Выше было показано, что при изучении творчества в слове, в попытках создать «историю литературы», сообразно понятиям времени,—шли разными путями, от произвольных выводов на основании индивидуальных оценок, кончая попытками истолковывать явления словесного творчества в связи с общей историей народа. Ниже мы увидим, что в этих попытках применялись и те методы, которые свойственны вообще гуманитарным наукам, так и методы, применяемые в области наук биологических. Систематический обзор методов будет нашей ближайшей задачей.

Можно ли, имея перед собою общее задание: «изучение литературы»—заранее выбрать тот или иной метод и слепо идти по его указаниям при изучении всей совокупности памятников творчества в слове? Полагаем, что в ответ на этот вопрос, лишь путем внимательного критического рассмотрения известных методов может быть выведена группа приемов, проверенных на надлежащем материале: тогда ясно будет, чего мы можем достигнуть, пользуясь этими приемами порознь, или комбинируя их. Заранее предугадать, какой метод следует—нельзя, не впадая в антинаучный догматизм или в педагогическую рутину. К кру-

вопросов—не только данной науки, но даже отделов ее, самый материал, которым располагает исследователь—покажут, что метод каждой науки в исследовании отдельных вопросов и областей ее—неизбежно будет своеобразным. В одном случае нужны будут одни приемы, в другом—другие.

Дальнейшее изложение мы расположим так. Методы, которыми изучалась история литературы, можно распределить на две категории: методы аналитические и методы конструктивные; первые имеют целью подготовить материал для построения; вторые—дают основания для построения. И те и другие—могут быть рассмотрены и в другом разрезе: мы различаем методы субъективные и объективные (иначе—догматические и критические). О субъективных оценках литературных явлений и объективных суждениях о них—сказано было выше. Подобно этим оценкам и суждениям одни из методов обнаруживают преобладание в них субъективных, индивидуальных оценок; другие—дают нам суждения о разных сторонах изучаемых явлений. «Субъективные методы» отличаются тою характерною особенностью, что будучи применяемы к изучению литературных явлений, всегда имеют—явно или тайно—своим критерием ту или иную готовую предпосылку, принимаемую за аксиому. Пользуясь объективными методами, мы имеем дело лишь с материалом, служащим нам предметом наблюдения и изучения, и с приемами, помогающими классификации и анализу этого материала по заключающимся в нем самом признакам.

Наблюдаются, впрочем, и такие методы, которые занимают как бы промежуточное положение, сочетая объективное наблюдение и субъективное истолкование наблюденного. Для нас наиболее важным представляется пересмотр и определение свойств методов, с точки зрения их пригодности, для получения научной истины. Степень пригодности того или другого для аналитических и конструктивных задач выяснится сама собою, в процессе рассмотрения отдельных методов.

§ 14. Эстетический метод.

Наиболее примитивным, являющимся ранее других в истории изучения литературы,—можно считать метод эстетических оценок произведений того или иного писателя или целой эпохи. Обычно, применяющие этот метод—сознательно или бессознательно создают для себя определенный идеал «прекрасного», и, по сравнению с ним, судят о литературных произведениях и в целом и в частности. Правила «прекрасного» обычно извлекаются из наблюдений над литературой: в основу их полагаются признаки, наблюденные в произведениях литературы, кажущиеся

наблюдателю наиболее удовлетворяющими его эстетическим потребностям, наиболее близкими к «идеалу прекрасного» (Баумгартен)

С идеей прекрасного мы встречаемся в различных областях искусства; но историк литературы—не философ: он оперирует не с чистыми, отвлеченными идеями, а с их воплощениями в осязательных формах. И, если мы всмотримся в прошлое литературы, эти формы, в разные эпохи, разным авторам и разным читателям кажутся далеко не всегда прекрасными. «Прекрасное» в литературе, как и в других областях художественного творчества, в различные времена и различными слоями культурного общества понимается различно. Свойство литературно-художественной формы заключается в том, что путем употребления звуков, слов, она обладает способностью внушать читателю и слушателю образы, идеи, душевные переживания поэта. Но—в каждую эпоху этой способностью обладают различные формы. Средневековая мистерия, позже—школьная драма, фарс—не способны вызвать эстетический волнения у современного нам культурного человека: они—скучны. Стихотворения Кантемира, Тредиаковского и многочисленных анонимов начала XVIII в. трогали сердца русской публики петровской эпохи, но по свидетельству А. Болотова: а в наше время, двести лет спустя, их чувствительность кажется только смехотворной, а форма—неуклюжей. Было время, когда часть русской публики оскорблялась повестями Гоголя, позже—признанными классическими. Тоже было с поэтами символистами (вспомним отношение критики к первым опытам Брюсова, Блока и др.)

Очевидно, эстетические оценки—временны и вследствие своей эфемерности не пригодны для научных историко-литературных целей. Было время, когда в русской науке метод эстетических оценок пользовался кредитом (Шевырев, Никитенко, Галахов); но уже в 1860-х г.г. Буслаев решительно отказался от этого сомнительного способа объяснения явлений словесного творчества; он ясно подчеркнул, что задача историка—вовсе не заключается в том, чтобы раздавать одобрения и порицания в угоду каким бы то ни было идеалам прекрасного, построенным по мерке понятий того или другого времени и на зыбкой основе чувства. Это чувство диктует во все времена эстетические оценки; но на таком неустойчивом основании наука не может ничего строить.

Но, с другой стороны, историк литературы не должен утратить из виду, что поэзия не есть нечто, творящееся вне мира и людей и эмоциональной стороне которых она адресуется. Она творится в определенных условиях жизни, чувств, понятий; поэты испытывают на себе и похвалы и порицания современников, и эти эстетические оценки, как положительные, так и отри-

цательные,—дают важный материал для истории литературных вкусов изучаемого общества. Поэтому, историк литературы, решительно отрицая метод эстетических оценок в своей работе, неизбежно должен принимать во внимание эстетику историческую. Смешно судить в XX-м веке, с его понятиями о прекрасном,—о том, прекрасны или непрекрасны древнерусские повести, ораторские произведения, трагедии XVIII в. и т. п. Но, оставляя в стороне наше отношение к этим и подобным произведениям далекого прошлого русской литературы, мы всегда должны считаться с тем, как реагировала на них современная публика, и соответствуют ли они тем канонам прекрасного, изящного, которые существовали в их время. Например, говоря об ораторских произведениях украинских и московских проповедников XVII в.—мы должны справиться, соответствуют ли эти произведения требованиям законодателя тогдашнего ораторства И. Галатовского, давшего определенные правила его в своем «Ключе Разумения» 1659 г.; говоря о трагедиях XVIII в., необходимо расследовать, поскольку они соответствуют тому канону прекрасного, который был дан французской классической школой в лице Буало и т. п.

С ростом и эволюцией в области художественного творчества—эволюционируют и эстетические теории, частью же исчезают, уступая место другим, построенным на иных принципах. Историческая точка зрения, как для историка искусства вообще, так и для историка литературы в частности—является главным основанием и средством приблизиться к научно правильному и объективно построенному выводу. Отсутствие исторической точки зрения лишает иногда очень знающих и талантливых ученых основательности суждений и суживает их научное мировоззрение.

Иное дело—литературная критика. Критик, будучи эхом понятий и вкусов своего времени, дает свободно свои оценки, руководясь впечатлениями, произведенными на него творчеством поэта. Но его творчество, как и творчество поэта—не наука, а лишь материал для научного изучения, иногда—более, иногда менее значительный.

§ 15. Этический метод.

К разряду методов субъективных следует отнести и метод этических оценок, который в основании имеет условный критерий—идею «добра». «Добро», «благо»—является высшим законом человеческого творчества, и литературное произведение рассматривается по отношению к нему, поскольку оно удовлетворяет определенным для исследователя нормам «блага» и вытекающего из него морального закона.

Морально-утилитарная точка зрения на словесное творчество не нова: Гораций и его последователи эпохи Возрождения выдвигали ее, как основной критерий ценности литературных произведений. В XIX в. Сент-Бев требовал от поэта служения нравственной идее. Тот же взгляд находим и у русских литературных критиков, Белинского, Добролюбова и др., которые приучили русскую публику к этическим оценкам литературных явлений. Такие оценки были бы для науки приемлемы, если бы этический критерий был величиною определенной, постоянною. Но каждая историческая эпоха, каждый класс, каждый культурный слой—имеет свои нравственные понятия. Каждый критик может, конечно, судить об авторах, их героях, идеях и поступках, с точки зрения нравственности; но эти суждения никогда не смогут приобрести той объективности и всеобщности, которая позволила бы их признать научными: Кроме того, этическая оценка могла бы быть допустима, если бы литературный язык, образы, идеи—имели только одно значение. Но словесное творчество многозначимо для воспринимающей среды: каждый с поэтическим образом соединяет свои представления, и потому можно ли говорить о нравственном и безнравственном в искусстве, когда все зависит от воспринимающего субъекта? (Евлахов).

Явления русской литературы не раз оценивались с этической точки зрения—и вот, например, что случилось: Пушкина—поэта обвиняли в безнравственности, а героев его—в уголовных преступлениях; на «Новь» Тургенева, как ранее на «Руслана и Людмилу» Пушкина, рекомендовалось «плюнуть»; Лев Толстой, во имя требований этики, «уничтожил» Шекспира за его «низменное пошлое мирозерцание», Чехов—был провозглашен носителем мещанских идеалов и т. п. Субъективность и односторонность таких оценок бросается в глаза.

С другой стороны, возможно ли историку литературы совершенно обойти этическую сторону изучаемых им памятников литературы? Не впадет ли он в этом случае также в односторонность? Думаем, что нельзя; но и здесь, твердо помня об эволюции этических понятий, следует стоять на исторической точке зрения. Иногда приходится изучать авторов, напр. Нила Сорского (XV в.), Достоевского, Толстого,—у которых в творчестве вопросы этики имели громадное значение. Творчество каждого такого писателя изучают также и с этической точки зрения, но в исторической перспективе, именно привлекая для объяснения их воззрений—этические системы понятий их предшественников и современников, под влиянием которых они находились (для XV в.—афонские подвижники, для XIX в.—частью они же, частью—носители новых идей в литературе первой полов. этого века, Диккенс, Жорж Санд и др.); при этом следят, что самостоятельного создали русские писатели в данной области, как

реагировали на этические представления влиявших на них писателей.

При этом—оговоримся: всегда следует помнить, что основной задачей историка литературы является не этическая оценка писателей: это—задача историка морали, культуры в широком смысле слова, историка философии. Процесс литературного развития отнюдь не становится для нас яснее от того, что мы подвергаем памятники литературы субъективной или групповой моральной оценке или оцениваем их с точки зрения априорно построенного критерия нравственности. Литературный критик, естественно, стремится поделиться своими впечатлениями с читателем, в том числе и впечатлениями, возбужденными те, или иные моральные оценки; историк литературы—предстоят иные задачи.

§ 16. Публицистический метод.

Не личное благо в индивидуальном понимании руководит суждениями критика и историка публициста о литературных явлениях. Явления жизни и литературы приемлемы для него постольку, поскольку отвечают тому или иному обществу и идеалу и поскольку помогают его осуществлению. Но «идеалов» общественного устройства может быть очень много; они формулируются в соответствии с образованием общественных групп, объединенных общими интересами. Суждение публициста, поэтому, всегда будет зависеть от интересов и мировоззрения той общественной группы, к которой он принадлежит и—намеренно или ненамеренно—которой интересы представляет. Так у нас слагалась литературная критика типа эстетически-аристократического, демократически-разночинского, а позже—наблюдаем литературную критику, отражающую разнообразные партийные воззрения и программы.

При этом публицист оценивает литературное произведение независимо от его художественного и исторического значения; а между тем оно как раз может не отвечать в данный момент требованиям общественной или классовой полезности,—и вполне естественно, если историк-публицист отнесется к нему далеко не с той субъективностью, которая нужна науке. Сверх того, как справедливо заметил Буслаев: «консерватизм или либерализм не создает картины или повести, точно также как в старину недостаточно было одного благочестия, чтобы написать икону». Субъективные настроения и одаренность критика, его классовая или групповая заинтересованность, темперамент—все это часто подсказывает критику-публицисту красивые слова, убедительные мысли; но для историка, обязанного быть объективным исследователем явлений,—перечисленные качества создают

только препятствие на пути к научной истине, ибо—каждый историк-публицист, даже убежденный в своем беспристрастии,— в итоге неизбежно оказывается идеологом своего класса или общественной группы и борцам за их интересы. Но историк—не защитник, не обвинитель, не проповедник: он лишь лабораторный исследователь, изучающий генезис явлений и анализирующий их взаимную связь. Роль публицистически построенной истории литературы (а таких мы знаем несколько)—чисто агитационная, и потому все они далеки от идеала научного труда. Следует заметить, что для прогресса науки—они отнюдь не благоприятны: как всякое догматическое построение, вызывающее к «вере» и «чувству», в и у ш а ю щ е е нечто готовое, уже будто бы достигнутое и завершенное,—такие истории литературы убивают интерес к дальнейшим изысканиям, ибо адресуются к слепому доверию, а не к свободному размышлению и критике. Не раз цитированный ак. Бусласв давно заметил, что публицистика в науке «отвлекает здоровые силы от благотворного исследования фактов». Пример этого мы видим хотя бы у Пышина, в его «Истории русской литературы», где он, по замечанию Гершензона, задавшись целью «проследить развитие общественной мысли», допустил произвольный подбор фактов и сделал своего читателя невосприимчивым к настоящей истории литературы. Еще пример: Добролюбов очень мало заинтересован процессом, приведшим напр. Островского к созданию картин «темного царства»; ему важны не историко-литературные, а чисто публицистические цели: пользуясь материалом, данным этим автором, Добролюбов обличает русскую действительность, сознательно признавая литературу за «силу служебную», которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует? Писарев—глумился над Пушкиным, не отвечающим его идеалу поэта-общественника; статья его о Пушкине—была лишь средством высказать свои общественные воззрения. Ясно, что критика, отзывающаяся на требования момента, неизбежно бывает нацелена публицистикой. Но, конечно, нельзя отождествлять ее—с историей литературы. Равно и последняя не может тенденциозно подбирать и ломать по своему литературные факты, во имя каких бы то ни было партийных счетов и мотивов не научного свойства.

Вывод из сказанного ясен. Публицистика имеет свои задачи и функции в литературе, подсказываемые интересами классовыми и групповыми в пределах того или иного времени. История—в интересах научности и достоверности своих построений—не может пользоваться приемом публицистических оценок, оставляя его злободневной литературной критике, иногда получающей окраску публицистики.

§ 17. Метод историко-политический.

К публицистическому методу очень близко подходят те историки литературы, которые пользуются для объяснения литературных явлений и для построения схемы их жизни и чередования — методом историко-политическим. Последователи этого метода ставят литературные явления в связь не со всею совокупностью разнообразных явлений жизни, а лишь с чередованием политических ситуаций, из которых — одни, будто бы, оказывают благотворное влияние на литературу, вызывая расцвет ее, другие — неблагоприятное, вызывая ее падение и оскудение. Политическая жизнь народа, по мнению их, создает идеи и настроения масс, выражающиеся в творчестве отдельных писателей. При этом укоренилось своего рода предвзятое мнение, что эпохи расцвета политической и общественной жизни; наличие гражданских свобод — совпадают с расцветом литературного творчества и даже обуславливают этот расцвет.

Отрицать соотношение между политической жизнью народа и творчеством сознательных и наиболее одаренных единиц его — нельзя. Но весьма спорный вопрос, можно ли без ущерба для истины — возводить литературные явления к политическим, как к единственной первопричине, обуславливающей их возникнове-ние. Обратимся к фактам. Действительно ли, как думали некоторые, подавление гражданских свобод — всегда совпадает с упадком искусства и литературы? Есть ли какая-нибудь закономерность или соответствие между моментами оживления литературы и под'емами политической жизни?

Анализ фактов обнаруживает, что расцвет искусств и литературы далеко не всегда совпадает с расцветом политической жизни народа; напротив того, иногда даже эпохи политического застоя, инерции и упадка политических свобод — как раз совпадают с эпохами создания величайших произведений художественного творчества. И хотя Тикнор, Барт, Летурно и др. в свое время утверждали, что деспотизм и централизующая власть «губят эстетическую красоту литературных произведений» и не содействуют появлению «нового внутреннего содержания», однако, можно указать факты диаметрально противоположного характера: эпоха монархически-аристократической тирании создала поэмы Гомера; эпоха упадка демократии в Афинах дала Греции Еврипида, Аристофана и др.; в Риме расцвет литературы, ее «золотой век» падает на эпоху Августа, ликвидировавшего республику; во Франции — на время расцвета абсолютной монархии при Людовике XIV, — в то время, как эпоха великой французской революции обнаружила в отношении литературного творчества большую скудость и бедность выдающимися талантами.

История русской литературы знает факты и того, и другого порядка: Петр I покровительствовал печати и театру, старался поднять до европейского уровня литературу своего времени, заботился о книгопечатании, заказывал директорам театра пьесы— и все же, несмотря на отсутствие внешних стеснений, литература его времени отличается скудостью. Наоборот, суровый гнет цензуры при Павле I, при Николае I, хоть и сильно ощущался писателями, однако, литературное развитие не остановилось: первое десятилетие славы деятельности Гончарова, Тургенева, Островского, Достоевского и др.—как раз совпадает с особенно тяжелыми годами николаевского режима. Затем—поэт может быть, если не обладает политическим, общественным темпераментом—совершенно далеким от политических интересов своего времени, насколько не теряя в итоге своего поэтического творчества; таковы Гете, у нас — Фет, Тютчев. Значит, здесь дело не в одних условиях политической жизни, а в совокупности многих условий, влияющих на творчество поэта, иногда независимо от политической обстановки жизни страны.

Роль политических факторов и событий, так или иначе могущих оказать влияние на поэта в том или ином отношении — историк должен, без сомнения, учитывать. Но методически возводить к ним (как это делает Гонеггер, Франке и др.), как к основной причине все литературное развитие народа — невозможно. Это показал в своей таблице Куммер, обратив данные о влиянии на немецкую литературу политических событий—почти за все XIX ст. Люди с большим трудом отрешаются от предвзятых точек зрения; ученые в этом отношении не всегда представляют исключение. Вот почему порою и в ученых трудах мы наталкиваемся на одностороннюю тенденцию объяснить все, в том числе и художественное творчество — из какого-либо одного источника, забывая, что такие сложные явления человеческой культуры, как поэтическое и вообще всякое художественное творчество — многопричинны и монистически не могут быть объяснены.

§ 18. Исторический метод.

На первом месте среди объективных методов мы должны поставить метод исторический, как явившийся ранее других, с пробуждением в начале XIX в. интереса к истории и исторической критике. Сущность применения исторического метода к изучению явлений словесного творчества заключается в систематическом и хронологически-последовательном изучении их на фоне исторических событий, в связи с которыми движется и развитие литературы. Задача исторического изучения литературных явлений заключается в том, чтобы найти связующие их звенья и объяснить генетически происхождение одного явления из другого или из целой группы других, в зависимости от исторических

условий жизни народа, в лице писателей творящего свою литературу. У исследующего литературные явления намеченным выше способом, вырабатывается исторический взгляд на рост литературы, исключаящий всякого рода случайность, хотя бы и в области произведений «свободной фантазии». Усвоивший себе историческую точку зрения, всегда помнит, что каждая эпоха имеет свои характерные особенности, признаки и критерии для оценок. Историческая точка зрения на словесное творчество приучает нас мыслить, что события, как в жизни, так и в литературе не возникают «вдруг», из ничего, как бы по мановению волшебного жезла, и что только то прочно, что ложится в жизни народа рядом последовательных напластований; что ход исторических событий имеет аналогию с ходом изменений в литературе; что известного рода логике исторических событий подчиняются и литературные факты, возможные для одной эпохи — и невозможные для другой; что произвольных скачков в литературном развитии не бывает, напр., от примитивного хоровода — к Шекспиру и пр. Таким образом, итоги исторического метода в исследовании фактов жизни дают и историку литературы опорные пункты в его работе.

Это тем значительнее, что история литературы находится в более выгодном положении относительно своих источников, чем история событий жизни; предметом изучения наша наука имеет всегда нечто реальное, осязательное. В то время, как исторический факт, о котором мы узнаем по свидетельству документов (а достоверность этих документов следует предварительно доказать) — есть, по выражению Сеньобоса, «простая абстракция» — литературный факт, раз он лежит пред нами — всегда доступен изучению; мы изучаем его как таковой, не ища за ним чего-то скрывающегося, что нужно уловить и дешифровать. Однако, это обстоятельство, в свою очередь, не дает нам права опираться на литературные факты для чисто исторических построений. И если при изучении истории литературы исторический метод предполагает установление связи между литературными явлениями и историческими событиями, то это отнюдь не значит что объясняя историческими данными литературные явления, мы — и наоборот — можем свободно пользоваться литературными данными, как историческими документами. Гердер в конце XVIII в. пришел к заключению, что характер народов отражается в их поэзии и сделал недоказанный вывод, что от произведений поэзии — можно заключать и к характеру народов; вслед за Шлоссером и историки стали вносить в свои исторические обзоры историко-литературные очерки. Но фактические данные сильно ограничивают эту тенденцию начала XIX в., суживая пользование историков литературными данными.

Вопрос об исторической достоверности показаний поэтических произведений сводится к тому, соответствуют ли так назы-

ваемые реалистические произведения поэзии затраченому на создание их опыту и наблюдению. Оказывается—далеко нет. Ряд примеров обнаруживает у наиболее близких к жизни писателей (Шекспир, Золя, Бурже, Грибоедов, Гоголь, Тургенев и др.), что э л е м е н т ы творчества они, действительно, берут за наблюдения над жизнью, но комбинация этих элементов—обязана творческой фантазии поэта: художественное произведение прежде всего отражает психический мир художника; и тот, кто по поэтическим произведениям пытается создать историю — перестает быть историком литературы, но не становится и достоверным историком жизни. Для последнего необходимы и н ы е документы, чем поэтическое творчество, зависящее и от фантазии, и от литературной традиции, влекущей поэта к невольному (а иногда — к добровольному, сознательному) подражанию. Хотя каждое литературное явление есть продукт исторического развития, однако, литературное творчество далеко не всегда отражает современность. Многие поэты бывают крайне консервативны, не вымышляя новых сюжетов, а воспроизводя готовое, даже утилизируя готовые шаблоны, не говоря уже о том, что поэт обычно и д е а л и з и р у е т наблюдаемые и воспроизводимые им явления жизни.

Отсюда вывод, идущий в разрез с обычной практикой средней школы: нельзя писать «историю русского общества», «русской женщины»—по Тургеневу, описывать купеческий быт—по Островскому, помещичий—по Аксакову. Подобные упражнения пригодны, пожалуй, лишь в качестве упражнения в стиле, и имеют педагогическое, а не научное значение. Свидетельства литературных произведений приемлемы историком лишь тогда, когда подтверждаются собственно историческими документами.

В итоге—историку литературы следует знать историю эпохи и народа, литературу которых он изучает; равно и историку нельзя устраниваться от изучения литературных источников, дабы не впасть в односторонность. Но первый не может без грубых ошибок переносить отношение историка к документам — на литературные произведения. Попытка построить по ним картину исторической, действительной жизни — труд бесплодный и бесполезный для науки.

§ 19. Историка-психологический метод.

Историко-психологический метод, иначе называемый биографическим, ставит задачей разыскание основных стимулов, движущих творчество поэта; он пользуется данными психологии и биографии изучаемого автора. Так поступал Сент-Бев и многочисленные его последователи, не разделяющие «жизнь» поэта от его «творчества». При помощи психологического анализа и реконструкции душевной жизни писателя стараются рас-

крыть и истолковать сущность того, что хотел он сказать в своих произведениях, что внес в сумму коллективных переживаний своей эпохи и как отразил их в своем творчестве. Часто представители критики и истории литературы, пользуясь психологическим методом, не ограничиваются анализом идей поэта; они отвлекаются иногда и в сторону анализа дум и чувств героев, созданных поэтом, их поступков, заведомо вымышленных, пытаясь, таким образом, отождествляя поэта с его героями—проникнуть в историю душевной его жизни.

Это стремление некоторых историков литературы и критиков изучить на основании данных словесного творчества «душу человека»—не стоит одиноко. Историки-идеалисты также стремились изучить эту душу, познать, что она переживала, думала и чувствовала. Учение Гердера и здесь оказало свое влияние, и историки литературы не одни грешили этой мистикой.

Отражение личности поэта, его душевных переживаний в его творчестве — вещь естественная; но не одну свою личность отражает он, а вместе с нею — и мировоззрение, интересы, вкусы той общественной группы, или класса, к которым принадлежит или в которых он воспитался. Таким образом, изучение одного поэта за другим, принадлежащих к одной среде, с общими тенденциями—вскрывает не только их интересы, но и склад интимных душевных интересов их среды. Отсюда-то и вытекает любовь историков-психологов к мелочам биографии, к изучению переписки, мемуаров, дневников, дающих материал для характеристики душевных переживаний поэта и его эпохи.

Необходимы ли для построения истории литературы подобные разыскания? И если да—то поскольку?

Если мы перечтем работы, исполненные по этому способу, то получим в итоге характеристики, литературные портреты, в которых часть материала дана действительно наблюдаемыми фактами, часть же — и притом едва ли не главная, — обязана своим возникновением творческой интуиции, вдохновению исследователя. Упомянутый Сент-Бев (как и многие его последователи) является чаще всего именно вдохновенным художником, а не ученым. Для него важнее всего — конечный синтез, каким бы путем ни был он получен, критически или на веру припаятыми комбинациями и догадками.

Полученный таким образом результат не может быть признан научной истиной, как бы не заботился автор исследования о полноте материала и как бы ни старался соблюсти видимую объективность. Для истории литературы, понимаемой, как история человеческого творчества в слове, — подобная работа бесполезна, но может быть она полезна для психологии? Может быть такое изучение писателей и психики их вымышленных героев дает новый вклад в область наших знаний о душевной жизни

человека? Но для научной психологии, опирающейся на взаимно пополняющие друг друга — интроспекцию и эксперимент, — психологические рассуждения литературной критики также бесполезны. Ибо из литературных произведений мы познаем не психологические законы, добытые и сформулированные безо всякого воздействия со стороны вкусов и тенденций исследователя, а лишь — отчасти настроенные автором этих рассуждений, отчасти — материал для понимания его эстетических переживаний, которые никогда не тождественны с переживаниями действительности и не имеют характера всеобщности. Не психологические законы познаем мы из литературных произведений, а наоборот, знание научной психологии часто является ключом для понимания и критики их. И здесь-то, как показали работы А. А. Истебни, опиравшегося на исследования В. Гумбольдта, можно многое сделать для истолкования процесса словесного творчества. Но это уже область теоретической поэтики, а не истории литературы.

§ 20. Культурно-исторический метод И. Тэна.

Какое бы научное исследование о писателе или целой литературной эпохе, написанное после 1870-х г.г. мы ни взяли в руки — везде мы увидим определенные следы влияния идей Тэна и на анализ материала и на построение. Это обстоятельство побуждает нас подробнее остановиться на предложенном им методе, который возник под заметным воздействием успехов в области наук о природе.

Уже в половине XIX ст. было признано, что «всякая организованная форма, рассматриваемая в статическом состоянии в какой-нибудь данный момент, является функцией окружающих ее других существ и климатических, геологических, орологических и т. д. условий, функцией той части земли, на которой находится» (Жиар). Учение о среде и естественных условиях жизни человека (Шлецер, Риттер и др.), стремление найти закономерность в явлениях природы (Дарвин, Уоллес), в жизни обществ (Спенсер) — все это не могло пройти незамеченным Тэном. У Бокля и Дарвина следует искать основ его теории. Он резко порвал с господствовавшей в его время тенденцией рассматривать литературные явления с эстетической точки зрения: его метод «заключается в том, чтобы рассматривать человеческие творения и в особенности произведения искусства, как факты и продукты, свойства которых надлежит указать и причины которых следует отыскать» — и в этом все дело. Тэну история представляется прикладной психологией; дело историка — описать человеческую душу и общие черты какой-либо естественной группы человеческих душ. Руководясь психологическими данными историк, по мысли Тэна, должен

открыть законы, управляющие движением истории. Поэтическое творчество — не случайный продукт каприза фантазии художника; творчество последнего подчинено законам, которые следует отыскать. Метод изучения явлений словесного творчества должен быть генетическим, т. е. должен объяснить путь возникновения изучаемых явлений. В таком генетическом объяснении явлений должна заключаться литературная и художественная критика, а также и история литературы и искусств. Причину литературных явлений следует искать в состоянии духа художника-поэта. Оно же есть следствие трех первичных сил: расы, среды и момента.

Р а с а Тэн называет врожденные и наследственные наклонности, которые человек приносит с собою на свет, и которые обыкновенно сопровождаются различиями в строении тела и в темпераменте. Природные свойства человека (как и животных) представляют самобытную силу, которая, несмотря на влияние других двигателей—всегда сохраняет свои естественные признаки. Раса—«самый богатый источник главных свойств, которые дают начало историческим событиям»...

С р е д а — есть тот окружающий мир, в состав которого входят и природа и люди, под общим влиянием которых природные свойства человека изменяются или дополняются новыми чертами. Среда — не только совокупность физических условий, влияющих на характер общества, но и само общество, влияющее на своих членов.

М о м е н т Тэн определяет так: когда действует национальный характер (раса) и окружающие поэта обстоятельства (среда), то действуют не на чистую страницу, но на такую, где уже обозначены отпечатки. «Смотря по тому, в тот или другой момент берете вы страницу, — отпечаток на ней будет различный, а этого довольно, чтобы и результат был различен. Каждая эпоха имеет свой идеал. Он охватывает всю сферу деятельности мыслей»... Таким образом, под «моментом» Тэн понимает непосредственное влияние, которое оказывает на литературную деятельность поэта не совокупность уже существующей литературной традиции, а то, что в пределах этой традиции оказывает на развитие таланта решающее значение, то, что, напр., поэт воспринимает от современников в качестве образцов, то, что является характерным для данной эпохи.

Руководясь принципами Тэна, многие историки литературы уделяли большое внимание генеалогическим и биографическим розысканиям о писателях, думая в прошлом, как и в окружающей их среде, найти разгадку различных сторон их творчества. Но сам Тэн чувствовал, что эти три «двигателя» — не решают вопроса об источниках и качестве поэтического творчества и внес дополнение — учение о преобладающей способности у каждого

писателя, что в сущности и есть самое важное среди причин, объясняющих их творчество.

Попробуем подвергнуть анализу основные «двигатели» литературы, предложенные Тэном.

Расе Тэн придавал наибольшее значение. Но можно ли безошибочно признать это положение справедливым? Знаем ли мы точно психические свойства рас? Есть ли хотя бы в наиболее изученной антропологически Европе народ, говорящий одним языком, создающий одну литературу — и, вместе с тем, представляющий одну расу? Всегда ли все представители одной расы (в антропологическом значении) являются обязательно носителями определенных психических свойств?—На эти вопросы, при настоящем состоянии науки, можно ответить скорее всего отрицательно. Примеры слишком наглядны и убедительны: французы—остатки трех, может быть, четырех рас; современные германцы—также; также и русские, кроме славянской крови, унаследовавшие много и от финнов и от турков и пр. За сим — говоря о творчестве поэта, историк литературы оценивает, прежде всего, не физическое сложение, темперамент, умственные способности его, как расовое наследство, а совокупность итогов умственной работы, технические навыки, эстетические вкусы, одушевляющие поэта интересы, т. е. интересы и вкусы общественной группы, в которую могут входить лица самой разнообразной расовой принадлежности. Говоря о расе, и Тэн, и его последователи всегда подразумевали не столько даже расу в антропологическом значении, сколько ту или иную культурную нацию; но эта последняя не имеет ничего общего с естественно-научным понятием расы. К тому же расы в человечестве издревле имели смешанный характер.

Психические свойства того, что разумеют иногда под словом «раса», образуются далеко не только под влиянием физических, но и социально-психологических условий. Ведь, по Тэну—к одной «расе» принадлежали и Байрон и Диккенс, и Мицкевич и Булгарин; но что между ними общего, кроме разве того, что первые оба — были англичане, вторые — поляки. У нас Катков и Чернышевский, Леонтьев и Некрасов, Шеллер и кн. Мещерский, Решетников и Валуев обнаруживают противоположные настроения, тенденции, приемы творчества; ибо психика каждого общественного класса, независимо от расы, может иметь общие черты, испытывать сходные состояния сознания, в зависимости от одинаковых условий существования. Лебон заметил, что между крестьянами разных наций сходство в составе их лексикона и понятий гораздо больше, чем между крестьянином и ученым в пределах одной нации. Сходное явление наблюдаем и в области изобразительных искусств: «кто сравнит австралийские и бушменские рисунки на скалах, а потом и самые эти две народности, тот едва ли решится поддерживать учение Тэна, что искусство ка-

ждого народа есть, главным образом, выражение его расового характера» (Гроссе).

Обращаемся к роли «среды»: Безусловно оспаривать влияние общественной и физической среды на человека — нельзя. Так или иначе — творчество писателя получает определенный уклон в зависимости от условий жизни, чего не отрицали и до Тэна. Но возводить влияние среды в ряд непреложных законов творчества — было бы, как показал Эннекен, несколько поспешным. Влияние среды — не постоянно и не прочно; правда, голландские художники отражают буржуазное довольство, французские классики — придворное изящество и такт, — но тут же мы встречаем и противоположные явления у одного и того же народа, в одних и тех же исторических условиях: Еврипид — и Аристофан, Гейне — и Уланд, Толстой — и Достоевский. Влияние среды, особенно сильное при начале деятельности художника, — становится слабее и слабее с развитием его таланта. В итоге, по подсчету Эннекена, «каково бы ни было влияние среды, существует оно или нет — во все эти эпохи один писатель из двух не подчиняется этому влиянию».

Сказанное о сомнительной всеобщности значения расы и среды применимо и при анализе «момента». Весьма часто, в выдающихся литературных произведениях, совсем не обнаруживается влияние эпохи, исторического момента, ни в построении, ни в колорите: А. Шенье писал свои антологические стихотворения, а Флориан — свои басни в самый разгар великой французской революции, ожидая казни сторонников старого режима; ничем не отразив в своем творчестве ни революционных настроений современности, ни каких-либо формальных особенностей, свойственных эпохе. У нас Фет и Тютчев в эпоху брожения освободительных идей и увлечений «гражданскими мотивами» — создали свою лирику, чуждую настроений момента.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство, довольно существенное: пользуясь методом Тэна, выслеживая в творчестве писателя отражения расы, среды и момента — мы в итоге получим возможность нарисовать портрет его, в большей или меньшей степени отвечающий действительности. Но, во-первых — еще вопрос, поскольку он будет верен. И во-вторых — что уяснит нам такая портретная живопись, если для нас задачей литературных изучений является не только истолкование индивидуального личного творчества отдельных писателей, а понимание процесса литературного развития той или иной эпохи и общества, судьбы самой литературы. Работа над «портретами» и характеристиками, даже самая успешная, проделанная и внимательно и трудолюбиво и талантливо — все же не упраздняет и не облегчает основного задания истории литературы: анализа памятников ее, в целях объяснения их генезиса и истории.

Тэпу принадлежит бесспорная заслуга: он старался доказать необходимость такого же научного, объективного отношения к произведениям творчества в слове, какое существует у натуралистов к произведениям природы. Ограничивая его претензии объяснить все в литературе с помощью трех основных двигателей, мы все же должны признать, что, не будучи универсальными — они все же во многих случаях помогают уразуметь сущность развития литературы. Особенно прочно удержалась в нашей науке и литературной критике идея Тэна о влиянии «среды». Его последователи, как Брандес и др., не столько развили основные положения теории, сколько дискредитировали ее научное значение, внося элемент злободневности в истолкование исторических явлений. Но и Эннекен и Брюнетьер — в сущности исходят из воззрений Тэна.

§ 21. Эстопсихологический метод.

Эстопсихологический метод был предложен для изучения литературных явлений Эннекеном, выступившим с анализом теории Тэна. Его занимает главным образом генезис литературных произведений, вопрос появления и развития «великих людей», «художников», и взаимоотношение между их творчеством и разнообразными влияниями современности. Новым во взглядах Эннекена является то, что он определенно утверждает необходимость и наличность двусторонней работы при создании и движении литературы: работы автора и среды, читающей его творения. Таким образом Эннекен смотрит на творчество в слове, как на явление социальной жизни. Он замечает, что между психической организацией поэта и его поклонников, последователей, читателей — существует заметное сходство, и не только между единицами и поэтом, но и между поэтом и целыми группами и классами людей. Гейне, Мюссе — нравятся молодежи; Гораций — старикам; в свою очередь, писатели, излюбленные буржуазией — отличаются буржуазными свойствами своих произведений. Около начавшего говорить гения группируются сочувствующие ему и подражатели, образующие его школу. Малочисленность сторонников писателя, по мысли Эннекена, свидетельствует о минимальном значении его творчества для данной эпохи. «Литература служит выражением народа не потому, что он ее произвел, а потому, что она была принята, признана им и доставляла ему наслаждение». Степень популярности и исторического значения писателя определяется всем числом разнообразных влияний его на различные стороны жизни — умственной, художественной, обыденно-бытовой. Иллюстрирование художниками, лубочные картинки, детские игры, драматические и кинематографические обработки, музыкальные композиции — все это материал для суждения историка литературы о значении писа-

тета. Видное место при изучении писателя должна занимать статистика его произведений: прежде чем говорить о роли его, популярности, влиянии — следует знать число изданий сочинений его, число экземпляров, вышедших в оборот, время, в которое они были исчерпаны читающей публикой, число представлений, если речь идет о пьесе, количество требований в библиотеках в разное время, отзывы критики, сумма вознаграждения, которым современники оценивали творчество поэта и т. п. «Исследователь должен изучить произведение с этой точки зрения за все время его существования, чтобы определить фазы его популярности и, наконец, он должен знать о степени его распространения за границей».

Большое, непосредственно важное значение при применении метода Эннекена имеет изучение эстетических воззрений и теорий, современных творчеству изучаемого писателя, и критических отзывов, отражающих вкусы современности. Рецензии современников показывают, какие струны в сердце их затронул писатель, что внес нового в литературу своего времени. Под таким углом зрения рассматриваемый писатель приобретает ярко определенное значение, часто забываемое критиками и историками позднейшего времени. Примеры: в наше время Кирилл Трашквиллион Ставроецкий, писатель первой половины XVII в. имеет нулевое значение, а между тем, в XVII и XVIII в.в. дело обстоит иначе, о чем свидетельствуют перепечатки и многочисленные списки его сочинений, а также подражания, переделки, что доказывает, что они удовлетворяли литературным запросам современников и ближайшего их потомства. Комедии баснописца И. А. Крылова давно забыты, как и многие пьесы его времени; только читая С.-Петербург. Меркурий, Драматический Вестник и др. журналы к. XVIII и н. XIX в. мы воскрешаем в нашем сознании то значение, какое эти пьесы имели в свое время.

Задачей «эстопсихологии» Эннекен считает оценку литературных произведений с трех точек зрения: эстетической (собственно — историко-эстетической), психологической и социологической, притом — с целью «уяснить без всякого пристрастия законы изучаемых явлений». Он различает три момента эстопсихологического исследования: 1) анализ составных частей литературного произведения, того, что оно выражает и как оно выражает, 2) выяснение интеллекта, создавшего произведение и 3) устраняя теорию влияний среды и расы, имеющую приложение лишь к первобытным периодам литературной и общественной жизни, — вывод о свойствах читателей поэта, той среды, в которой и совместно с которой он творил. Неполнота задач — очевидна; но здоровое зерно предложенного Эннекеном приема объективного, всестороннего обследования памятников литературы — заслуживает внимания.

§ 22. Сравнительно-исторический метод.

Сравнительно-исторический метод заключается во внимательном сравнении в целом и в частях литературных памятников в пределах одной или нескольких различных литератур, принимая во внимание историческую перспективу и хронологические отношения этих памятников. Этот метод часто применяется при анализе состава и формы литературных произведений всех эпох. Он ведет свое начало с того времени, когда ученые стали замечать сходство между творчеством различных писателей и поставили вопрос о влиянии одного на другого; так еще в XVIII в. Андрес установил отношение Руссо к Ричардсону. Особенно усилилось применение этого метода тогда, когда стали изучать народную (устную) словесность европейских народов, сравнительно с таковою же — других народов и письменной традицией, и когда в научный оборот вошел обильный материал восточных литератур.

Трудами Дёблона (1814), Либрехта (1854), Бенфеса (1859) и др. был обнаружен факт международного литературного общения в такие отдаленные времена, о которых не сохранилось исторических свидетельств. В частности, изучение старинной русской литературы показало, что не только заведомо переводный, но и оригинальный памятник не всегда может претендовать на полную самостоятельность и независимость от мирового литературного обмена. Русские жития святых, Печерский Патерик, древнейшая летопись—созданы под влиянием соответствующих памятников греко-византийской литературы; тоже следует сказать и о проповеднической, повествовательной и приточной литературе. Аналогичное наблюдается и в области народной словесности: русский эпос, по меткому выражению А. Н. Веселовского, есть «эпос международный», как и эпос каждого исторического народа. Позже — русские писатели XVII в. повторяют польские и украинские образцы; верхи литературы XVIII в. — испытывают воздействие французских классиков, русский романтизм является отголоском романтизма немецкого и английского. Все это выясняется путем тщательного сравнения произведений русской литературы всех времен, и старой и новой, с иностранными, но не случайно взятыми, а с возникшими до появления сходных с ними русских.

Анализируя литературные произведения, обрабатывающие один и тот же сюжет или пользующиеся одинаковыми изобразительными средствами, путем сравнения мы обнаруживаем, как заимствующая среда реагирует на чужие идеи, на чужой сюжет и стиль, шире говоря—и на содержание и на форму. Сюжет, напр. притчи о блудном сыне имеет свою долгую литературную историю. Его воскресила эпоха реформации и великого обществен-

ного движения, связанного с нею. Иезуиты воспользовались им для школьных драм; от них он перешел в протестантские школы. В России также появились две обработки этого сюжета как раз в эпоху общественного брожения, накануне петровских реформ; это были — литературная «Комедия притч о блудном сыне» Симеона Полоцкого и народно-поэтическая обработка — «Повесть о горе злочиности». Весьма слабо интересуя писателей XVIII в. — в следующем — этот сюжет воскресает в ряде произведений литературы, рисуя расхождение «отцов и детей». Путем сравнения устанавливается, что форма (напр., композиция и стиль), также сохраняя черты заимствования из того или иного найденного источника, приобретает новые черты, свойственные заимствующей среде; такова судьба у нас галантной лирики, рыцарского романа, шутовской комедии, попавших в Россию в начале XVIII в.

Применение сравнительно-исторического метода требует большой эрудиции, начитанности в литературах народов Запада и Востока и предполагает, как основу, знание языков. Но одной эрудиции мало. Работающим при помощи этого метода следует обладать также большой осторожностью и критическим тактом, чтобы не впасть в грубые ошибки и преувеличения, свойственные дилетантской работе. Как пример неудачного применения сравнит.-исторического метода с подобными ошибками, укажем хотя бы на домыслы кн. Вяземского, отождествившего Бояна «соловья старого времени» совершенно произвольно с Гомером, а Деву-Обиду — с Еленой Троянской; или вспомним Стасова, и Потанина, которые по внешним, случайным и нарочито подобранным случаям сходства — утверждали, что русский былевой эпос есть простая копия с восточных оригиналов.

Увлечение итогами применения сравнительно-исторического метода приводит нередко к тому, что ученые всюду начинают видеть «заимствования». Хотя в факте литературного заимствования ничего странного и постыдного нет (вспомним Шекспира, взявшего сюжеты пьес из итальянских новелл, хроники Голиншеда и пр., или Гете, обработавшего сюжет «Фауста», взяв его из народной лубочной книги), — все же следует помнить замечание И. И. Срезневского, что «формы заимствуются, переносятся из стран в страны, распространяются, как и мысли, но могут и должны являться и независимо, сами собою, без заимствования. Чем проще и естественнее мысль или форма, тем труднее доказать, что она занята, тем легче предполагать, что она порождена естественною потребностью». Всегда следует помнить, что видеть во всем и везде только «заимствование» — это признак не критичности, плохой школы или отсутствия школы. Поверхностное сходство, особенно в сюжете или деталях — не основание для утверждения о заимствовании. Сходство должно простирается кроме того, на способ и порядок комбина-

р о в а н и я д е т а л е й, тогда только можно говорить о заимствовании.

«Совпадение рассказов», говорит Бергсэйм, «должно быть таково, при котором мы должны признать за невозможное, чтобы рассказываемое событие могло случиться два раза или более»; сказанное немецким историком относительно сообщений об исторических событиях можно приложить и к литературным произведениям.

Как один из методов, обнаруживающих состав литературных произведений, идейный и формальный, а также связь их с другими—сравнительно-исторический метод имеет большое значение при историко-литературном анализе не только памятников старинной литературы и народной словесности. Только благодаря применению его можно осязательно убедиться, каков был процесс творчества «переимчивого Княжнина», Жуковского, Пушкина-лицеиста и многих других писателей нового периода русской литературы.

§ 23. Эволюционный метод.

Выше мы не раз пользовались выражением «развитие» литературы, указывали, что задачей нашей науки является не исчисление и самодовлеющее изучение отдельных фактов, как бы занимательны они ни были,—а воссоздание процесса исторического развития человеческого творчества в слове, восстановление тех путей, которыми двигалось оно и у индивидуумов и у коллективов. К постановке этой задачи близко подходил Тэн, но окончательно выяснилась она, когда в науке создалось понятие «эволюции». Эволюцией мы называем естественное развитие организма из того зерна которое служило ему предком; основная клетка растет, дробится, жизнь ее и функции осложняются и дифференцируются. Из примитивного организма образуется организм сложный, с многосторонними способностями, с органами, приспособленными для отправления разнообразных функций. В области биологических наук эволюция доступна непосредственному наблюдению, проверяемому лабораторным экспериментом; в исторических науках—это более или менее метафора: эволюционирует не само искусство, литература, а люди, создающие их, их психика, их интеллект. Говоря о литературной эволюции, мы выражаемся условно, перенося на понятие «литература»-то, что собственно существует в психике ее творцов и потребителей. Сравнивая состояние литературы, в частности—того или иного ее жанра (вида), с состоянием ее в двух, трех или более моментах, мы замечаем, что эти состояния не тождественны одно с другим; что, например, песня XVII в., XVIII в., нач. XIX в. заметно представляет различия в названные моменты; драма эпохи ц. Алексея Михайловича, Екатерины II,

средины XIX вст. и нашего времени—также имеет при общем сходстве заметные черты различия, явившиеся в процессе изменения вкусов и эстетических и общественных потребностей и авторов и зрителей. Тоже можно наблюдать и в области истории романа и других, более мелких видов словесного творчества и в истории различных средств, служащих поэту для объективования в слове его замыслов; в истории приемов композиции, стиля, ритмике и метрике и пр. Эти различия между наблюдаемыми моментами и представляют собою изменения, происшедшие в состоянии литературы. Но не всякое изменение может быть названо «эволюцией»: последнюю мы видим только тогда, когда ряд наблюдаемых различий идет в постоянном направлении, а не в случайном.

Каким путем вскрывается литературная эволюция? Ведь недостаточно, идя историческим путем, отметить последовательные изменения: надо объяснить их, раскрыть факторы, вызывающие эти изменения, так называемые «модификаторы», по выражению Брюнетьера. Этот ученый ищет законы последовательности литературных явлений, их живучести, их трансформации и дифференциации, но—более ставит вопросы, чем решает их. Формулировка и приложение идей исторической эволюции к изучению литературы принадлежат Н. И. Карееву (Литературная эволюция на Западе. 1886). В основу своего исследования он положил такое определение литературы: она есть совокупность произведений устного, письменного или печатного слова, выражающих в общественно-интересных и общедоступных содержаниях и форме общественную мысль и общественное настроение; она обвиняет произведения слова, имеющие самодовлеющее значение, независимо от каких бы то ни было практических целей. Нет ничего неподвижного, застывшего в своей определенности; литература также живет и видоизменяется, и задача историка—дать «литературно-прагматическое изображение литературной эволюции на основе общей эволюции общества и в связи с другими, частными эволюциями, которые на нее влияли». В поэзии первобытных народов Кареев видит зародыш литературы культурных народов. В этой первобытной поэзии отразилось традиционное мировоззрение и традиционные знания. Личный поэт вносит новую ступень в развитие поэзии, осложняя традицию личным починком в поэтическом творчестве, и литература, дифференцируясь и осложняясь начинает развиваться. Эта борьба традиции (унаследованного от предшествовавших поколений) и личного почина, есть главнейший двигатель литературной эволюции. Роль традиции—громадна. Самый оригинальный писатель не создает всего сам—ни сюжетов, ни образительных средств: одни стороны его творчества унаследованы от традиции, другие—самобытны. Но и самая прочная и устойчивая традиция не остается неизменной: личное творчество раздвигает рамки тра-

лицы, в чем и заключается одна сторона литературной эволюции.

Наряду с этим постоянно действующим процессом случается, что литературная традиция одного народа, одной среды, вторгается в литературную традицию другого народа или среды. Здесь или одна традиция вытесняет другую, или наблюдается их взаимодействие, порождающее новые явления. При победе одной литературной традиции над другой, в данной литературной традиции происходит частный или общий кризис. Традиционным в литературе является литературный язык, версификация, стиль, композиция и приемы изложения, содержание (сюжеты) и идеи, т. е. выражаемое в творчестве философское, религиозное, нравственное, политическое миросозерцание. Традиционность противоположна свободе творчества; освобождению творчества от уз традиции способствует общее развитие личности в зависимости от культурно-социальных условий и влияние на нее различных литературных традиций. Общий ход литературной эволюции заключается в ослаблении традиционности; по—оговоримся: понижение культурности поэта и среды влечет за собою воскрешение уже отживших моментов литературной эволюции. Таким образом, исходя из этих положений, при анализе фактов задачей историка литературы является раскрытие отношений поэта к традиции и этим путем определение его новаторских способностей и достижений, определение прогресса и направления его в литературном творчестве коллективов и эпох. Не выработка теоретических положений, думает Кареев, есть задача истории литературы, а изображение последовательности и преемственности литературных явлений, имевших место в действительности; такова задача историко-литературного синтеза.

Вопросы литературной эволюции обсуждались А. И. Веселовским, пришедшим к выводу о существовании первоначальной «синкретической» поэзии, из которой, путем дифференциации, выработалось все разнообразие литератур культурных народов. Ш. Летурно пробовал систематически проследить литературное развитие племен и народов, начиная с дикарей, стоящих на самом низком уровне культуры—и пришел к аналогичному выводу о существовании «синтетической» поэзии на первых ступенях творчества в слове.

Построение истории литературы неизбежно должно считаться с принципом эволюции. Но всякое построение требует предварительной подготовки, обработки материала. Эта аналитическая обработка дается филологическим методом.

§ 24. Филологический метод.

Филологический метод изучает факты, возникшие как результат творчества человека в слове, и заключается в тщательном

и всестороннем изучении памятников литературы со стороны их языка, способа передачи, происхождения, времени и места возникновения, способа проникновения извне в данную литературную среду. Сначала памятники изучаются порознь, в отдельности, во всех мелочных деталях и различиях, во всех списках и изданиях; затем—в связи и сопоставлении с другими, столь же тщательно обследованными памятниками литературы, принадлежащими к той же или родственной литературной традиции, или хотя к чуждой, но связанной с изучаемой рядом культурно-исторических отношений. Памятники литературы изучаются филологом всегда с привлечением данных, предлагаемых рядом вспомогательных наук: библиографии, палеографии, истории языка, хронологии, биографии, истории гражданской и истории религиозных воззрений, истории литератур античных, славянских и западно-европейских народов, истории искусства. Филологический метод требует тщательного подбора источников, не брезгая черной работой описания и каталогизации, к которым должна быть приложена критика их текста на основании данных палеографии и статистики типичных ошибок. По очищении материала филолог устанавливает состав памятника, и, изучив приемы творчества, господствовавшие встарину, определяет подлинность или подложность памятника, место и время его составления, оригинал его, если есть подозрение, что памятник переводный, и его источники, если это памятник не вполне оригинальный. Изучение списков памятника и изданий его открывает филологу картину видоизменений, которым памятник подвергался, а констатирование таких изменений—дает материал для заключения о той эволюции, какую пережил памятник в течение своего существования в той или иной литературной среде.

Филолог приступает к своей работе, заранее отбросив как бы то ни было предвзятые взгляды, симпатии и антипатии, и должен стараться не смешивать допускаемых иногда «рабочих гипотез» с окончательными достижениями исследования, которые могут и не совпадать с гипотезами. Филолог, имея перед собою материал, существующий независимо от его воли и желания, сравнивает лишь то, что существует конкретно, в определенной форме; это, конечно, не мешает, получив выводы из сравнения конкретных данных—сравнивать итоги этих выводов с другими конкретными данными, как это делается, напр., в области сравнительного языковедения.

Ниже мы изложим приемы, употребляемые при филологическом изучении памятников русской литературы, главным образом, древней; но следует помнить, что все эти приемы применимы и к изучению явлений новой литературы; более того—можно пожалеть, что многие из этих приемов остаются без применения, когда предметом изучения является произведение новой литературы: столь же тщательное, внимательное отношение,

напр., к памятникам XIX в., как к памятникам, напр., XII в., только повлекло бы за собою одно: уменьшение количества ошибок и разного рода промахов, а также—произвольных заключений, не имеющих оправдания в наличном материале.

§ 25. Вспомогательные науки.

Под вспомогательными науками мы разумеем с одной стороны—знания, помогающие усвоить и приложить к делу технические приемы исследования, с другой—знания, расширяющие научный горизонт исследователя и помогающие ему осветить добытые данные разносторонне, в связи с достижениями близких наук. Таких вспомогательных наук для филолога—историка литературы несколько.

I. Библиография. Книжный мир материализованной человеческой мысли является существеннейшим элементом культуры человечества (Ловягин). Библиограф, регистрирующий все написанное и напечатанное является воскресителем прошлого, без такой работы, может быть, весьма скоро забытого. Полнота наших знаний о прошлом зависит от точности и внимания библиографа. Часто мы не можем сделать научного вывода, так как явления, как исторические, так и культурные, а также и литературные, ускользая от нашего внимания, остаются неизвестными; но это не значит, что можно при научной работе не замечать подобного пробела. Литературные явления, хотя бы и не обнаруженные нами, или по нашей небрежности не привлечшие на себя нашего внимания,—все же когда-то стояли в цепи других и оказывали свое, большее или меньшее влияние на судьбы литературного развития. Отсюда ясно: чем более историк литературы является хозяином в области библиографии, тем вероятнее и ближе к истине его выводы.

Кто желает судить об историческом явлении, должен знать, из какого источника надлежит черпать сведения. Порою, вследствие малой осведомленности в литературе предмета—повторяется совершенно напрасно долгая подготовительная работа, а в результате появляются «открытия» давно уже известные в науке. Отсюда библиография—необходимая предварительная стадия всякого серьезного филологического изучения. Библиография устанавливает наличие литературного факта и, кроме того, дает весьма ценный для исследователя статистический материал. Вот почему всякая историко-литературная работа начинается с библиографических розысканий. (Как пособия для начинающих могут быть указаны справочники Мезьер и Владислава).

II. Палеография. Далеко не весь материал для истории русской литературы напечатан. Громадное количество его лежит в рукописях—с древнейшего и до нашего времени. Это следует

иметь в виду не только интересующимся древней литературой, но и новой, где для изучения истории творчества писателей приходится обращаться к рукописям их и к архивным документам. Прочитать рукописный памятник далеко не простое и легкое дело; незнакомые с палеографией часто впадают в ошибки и—что пожалуй важнее—вовсе не решаются приняться за работу по первоисточникам, не умея с ними обращаться. Знание палеографии должно быть необходимой предпосылкой для приступа к самостоятельным занятиям историей литературы. По славяно-русской палеографии имеются хорошие пособия—акад. Соболевского, акад. Карского, Беляева, (скоропись), а для упражнений—сборники снимков с рукописей разных веков и местностей, изданные Петербургским и Московским Археологическими институтами. Только изучив характер древнего письма, можно при чтении, издании и комментировании текста памятника пользоваться рационально приемами критики текста, исправлять и восстанавливать испорченные написания, которыми бывают иногда богаты и древние памятники письменности и, порою, новые их воспроизведения в печати. Изучение почерков новых писателей—также есть необходимое условие плодотворной работы над ними. Насколько оно важно—показывает история дешифровки сочинений Пушкина, до сих пор далеких от верного и точного во всех отношениях издания.

III. И с т о р и я я з ы к а—должна быть также известна историку литературы, хотя бы не в лингвистическом, а в описательном, археологическом смысле. Язык—это материал, из которого поэт строит свои произведения, это—первая, неизбежная форма, в которой объективируется поэтическое творчество. Кроме того, историк литературы должен понимать свой материал и уметь по данным его языка отнести памятник литературы к той или иной определенной эпохе. Так напр., «Слово» митр. Илариона и послания пр. Максима Грека, требуют для своего понимания знания славяно-русского литературного языка XI и XVI в.в., что далеко не одно и то же. На основании изучения особенностей языка, памятники датируются, устанавливается их происхождение, они приурочиваются к той или иной эпохе, к той или иной местности. Зная историю языка, историк литературы сумеет где следует отличить подлинно принадлежащее той или иной эпохе или тому или иному автору произведение от подложного или неосновательно ему приписываемого.

При сравнительном изучении литературных памятников,—а его избежать нельзя—необходимо знание иностранных языков и иногда также — их истории. При сравнении следует остерегаться пользоваться переводами: 1) потому, что они могут быть неверны и давать совершенно неправильное представление об оригинале и 2) потому, что в переводе, не только ремесленном, но даже «конгениальном»—все же ускользают от наблюдателя

черты литературного языка и стиля оригинала, характерные для изучаемого автора и своеобразно, иначе воспринимавшиеся встарину. Конкретно, для самостоятельной работы в области истории русской литературы недостаточно знания только современного русского языка: исследователю древне-русской литературы—понадобится язык старо-славянский во всех его разновидностях, древне-русский, греческий, латинский, а иногда и древне-еврейский; для изучения литературы русского средневековья (XV—XVII в.в.) следует знать, кроме того, польский, чешский, немецкий, иногда и румынский; изучение новой русской литературы (XVIII—XIX в.в.) требует знакомства с немецким, французским, английским и итальянским яз.—и не только для того, чтобы читать произведения поэтического творчества в подлиннике, но и для того, чтобы быть в курсе научной разработки историко-литературных проблем в европейской науке. Незнание языков влечет за собою часто печальную невозможность доработать до конца предпринятую работу.

IV. Хронология. Часто в процессе исследования возникает вопрос: когда точно написан тот или иной литературный памятник? Иногда он бывает снабжен точною датой, но это—большая редкость; чаще дата или совершенно отсутствует, или лишь намечена приблизительно, даны намеки, которыми можно воспользоваться для ее установления. Во втором случае, историк пробует определить ее по внутренним признакам (о чем—ниже), в последнем—прибегает к вспомогательной науке, называемой «хронологией», предлагающей теоретические и практические сведения и приемы для вычисления времени. Древнерусские памятники, если имеют дату, то не от Р. Хр., а от сотворения мира; для перевода последней на наш счет из нее следует вычесть 5508, а для месяцев сент.-дек.—5509. На основании упоминаемой в памятнике о подвижных праздниках—делают заключение о времени написания его, соображаясь с «Пасхалией», таблицей, показывающей время празднования Пасхи. С помощью специальных таблиц есть возможность проверить показания памятника или записей, сделанных на нем, и определить день пасхи, о чем подробнее см. в нашей книге «Из лекций по методологии истории литературы» 1914 г. и специально—в трудах Хавского. О счислении времени в древней Руси (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847 г., кн. 6), в его же «Таблице для проверки годов в русск. летописях. М. 1856; в работах Н. В. Степанова, (Чт. О. Н. и Др. Р. 1909, кн. 4 и Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наук 1910, кн. 3). Косолапова, Месяцеслов православно. церкви, Симб. 1880 и другие.

V. Биография. Историк литературы интересно и полезно знать, кто и каков был автор изучаемого им памятника. Зная жизнь писателя можно точнее определить круг литературных его интересов и, следовательно, круг возможных литератур-

ных воздействий, испытывавшихся им; иногда по данным биографии можем безошибочно прийти к определенным источникам творчества поэта. Однако, не все представляется нам равноценным в биографиях писателей. Некоторые исследователи любят посвящать порою слишком много усилий, внимания и времени биографическим розысканиям, причем в мелочах этих розысканий как то забывается то, чем писатель собственно ценен—его творчество. Думается, что знание биографии писателя важно и ценно для историка литературы постольку, поскольку она выясняет процесс его литературного творчества и обрисовывает его писательскую физиономию. Сведения же о том, сколько, напр., заплатил тот или иной писатель за кафтан, или, что написано на покрове, одежающем его мощи и т. п.—совершенно никакого значения для нас не имеют.

Во время биографических розысканий историку литературы приходится становиться историком в собственном смысле этого слова—рассматривать критически разные документы, выяснять степень достоверности их показаний, одним словом, применять все приемы исторической критики свидетельств. Свидетельства же эти могут быть не одинаковой ценности. Иногда имеется лишь одно свидетельство; ему можно доверять условно, если нет повода к сомнению, но всецело на него полагаться было бы неосторожно. Иногда свидетельств имеется несколько и все они, хотя исходят из разных источников,—согласны друг с другом; в этом случае приходится признать показания их истинными, ибо трудно и даже невозможно допустить, чтобы несколько лиц, находящихся в разных условиях—одновременно впали в одну и ту же ошибку. Если свидетельства источников согласны в сути дела и разногласят лишь в деталях, то это не только не вредит их ценности, но подчеркивает ее: несогласие в деталях обнаруживает, что у авторов показаний не было соглашения, и что, расходясь в частности, они согласно воспроизводят то, что есть самого важного.

Иногда бывает невозможно воссоздать биографию писателя ни по документам, ни по показаниям современников. Прибегают к анализу его сочинений и из них тщательно извлекают биографические данные (см. наше иссл. о Климентии, украинском стихотворце к XVII—XVIII в., Пам. укр.-рус. мови і літ. VII); но это путь чрезвычайно скользкий и дает в итоге *circulus vitiosus*: биография извлекается из сочинений—а сочинения объясняются этою же биографией... Иногда невозможно дать никакой биографии писателя. Это, однако, не лишает литературный памятник ценности, ибо не вырывает его из цепи аналогичных ему; гораздо печальнее, если не получается возможности приурочить его к той или иной дате: тогда он для истории литературы не существует (напр., многочисленные анонимные поучения XII—XV в.в.).

VI. Ист о р и я. Историк литературы не может и не должен замыкаться в пределах своей области, забывая об истории культуры в широком смысле слова. И языковые и литературные факты творятся в человеческой среде и связаны с другими разнообразными фактами, от которых частью зависят, на которые—отчасти влияют, вследствие чего требуют изучения во взаимной связи с ними. История обнаруживает, что в человеческом обществе нет изолированных фактов, независимых от цепи других фактов; что поступки и привычки человека и человеческих групп—или находятся в связи, или служат причиной один другому. Из этого вытекает для историка литературы необходимость быть в курсе исторических событий, знать условия жизни, на фоне которых творится литература интересующей его эпохи. Факторы, влияющие на творчество писателей должны быть внимательно учтены. Знание событий всеобщей истории и истории того народа, чью литературу мы изучаем—необходимо. Только на историческом фоне выясняются пред нашими взорами те условия жизни, те идейные и материальные побудительные причины, которым был обязан писатель различными сторонами своего творчества, под воздействием которых оно воспиталось. Так изучать новоклассическую литературу во Франции без знания жизни Франции XVII и XVIII в.в., в частности без знания условий жизни двора Людовика XIV и XV-го—невозможно, как невозможно оценить правильно патриотическую литературу Германии начала XIX ст., скорбников во Франции того же времени, а у нас, напр., «Слово о полку Игореве» без представления о феодальном укладе жизни древней Руси, и т. п.

Новая русская литература развилась под воздействием идеологий, заимствованных с Запада в XVIII и XIX в.в.; древняя—находилась в течение ряда веков под влиянием церковно-религиозной жизни, направляемой Византией. Нельзя многого понять в древне-русских памятниках литературы, не представляя себе круга идей и событий, тревоживших церковь. Как и в средневековой Европе, она и у нас подсказывала писателям идеи, давала готовые формы, а также регулировала чтение особыми правилами (статьи о книгах истинных и ложных), и требованиями Церковного Устава. Без церковно-исторического комментария памятники древнерусской литературы непонятны. Отсюда вытекает необходимость для изучающего эту область знать в общих чертах, а иногда и весьма обстоятельно историю православной, восточной церкви, а для понимания религиозной литературы XVI—XVII в.в. необходимо знакомство и с жизнью религиозной мысли на Западе, в мире католическом и протестантском. (См. Макарий, История русской церкви, 2-е изд.; Е. Голубинский, Ист. р. церкви, 2-е изд.).

VII. Ист о р и я а н т и ч н ы х, с л а в я н с к и х и з а п а д н о - е в р о п е й с к и х л и т е р а т у р—также является вспомога-

тельной наукой для изучающего историю русской литературы. По своему происхождению русская культура опирается на Византию, которая была, в свою очередь, наследницей античного мира и многое сохранила из его литературного наследия. Поэтому, начиная с древнерусских обличительных поучений против язычества и кончая народной сказкой о «Лихе одноглазом» — мы постоянно чувствуем влияние античной литературной традиции, правда, искаженной порой до неузнаваемости, но все же сыгравшей свою роль в образовании древнерусской литературы: вторичный приток воздействий относится к XVII в. Вне изучения греческой и римской паремииографии — нам не понять происхождения обширной русской пословичной литературы. И новая русская литература в XIX в. также не избежала влияния античности. Еще важнее для историка русской литературы — история литератур живых славянских народов, потому что наша литература с первых же шагов развивалась в тесной связи с явлениями литератур славянских, главным образом, старо-болгарской, через которую получила громадный запас памятников поздне-греческой литературы. Заметно также и влияние сербской литературы, а позже, в XVI и XVII в.в. — литератур чешской и, главным образом, польской. Вопрос о возникновении многочисленных украинских Учительных Евангелий XVI в. не объясняется только из наличности греко-славянской традиции; приходится искать их источников в кругу польских католических и протестантских «Postyll» — Вуйка, Рэя и др. Неизбежно придет к изучению польской литературы и тот, кто заинтересуется старинной ршевой литературой и любовными песнями к. XVII — XVIII в.в. и драмой того же времени. Соприкосновение русской и немецкой литературы начинается с XV в. («Прение живота и смерти»). Изучение русского романа, лирики и драмы, журналистики, сатиры в XVIII и XIX ст. требует параллельного изучения соответствующих жанров литературы английской, французской и немецкой; русский классицизм, сентиментализм и романтизм — непонятны без западно-европейских параллелей. Не говорим уже о народной словесности, которую и изучать и понимать, как факт литературной эволюции, можно только при свете междупародного литературного общения.

VIII. И с т о р и я и с к у с с т в а, именно живописи, отчасти скульптуры — освещает для историка литературы многие темные стороны в произведениях словесного творчества и детали их, как бы напоминая, что изучение искусств в изолированном виде не всегда дает удовлетворительные результаты, и что для получения лучших результатов — необходимо комбинировать и материал и наблюдения из разных областей художественного творчества. Многие памятники литературы объясняются из традиции религиозной живописи (напр., легенда о св. Георгии и драконе, легенды о святых, несущих в руках свои отрубленные головы, пре-

дание о Богородице-Троеручице, о сжатой руке Спаса в Новгородском соборе и т. д.). Наоборот, ряд древних икон возник под воздействием памятников религиозно-литературных, воплощая в живых образах то, что не могло быть доступно неграмотному человеку (такова иконография Благовещения, Рождества Христова, Воскресения, Успения Богородицы и др.). Изучение литературных памятников в связи с памятниками иконографии было предложено у нас еще Буслевым в его «Исторических Очерках»; такое изучение объясняет нам такие детали, которые не могут быть объяснены из литературных источников (напр., деталь стиха об Алексее человеке Божьем). Знание истории миниатюры и орнамента помогают также при определении подлинности рукописного памятника и времени его написания.

§ 26. Источники и нахождение их.

Источниками для историко-литературного исследования являются памятники творчества в слове, дошедшие от прошлого в виде рукописном или печатном. Их следует искать в библиотеках и музеях, иногда владеющих большим количеством рукописей разнообразного содержания. Что касается истории новой литературы, то хотя исследователю и приходится обращаться к рукописям, не ограничиваясь показаниями печатных изданий, однако, все же, в большинстве случаев, здесь материал—печатный. Не то в области древней русской литературы: печатные издания памятников, по сравнению с количеством последних—и немногочисленны и далеко несовершенны. При каждой попытке самостоятельной работы филолог вынужден обращаться к рукописям (а с XVI в. и к старопечатным изданиям), сохранившимся от девяти веков существования русской литературы, и самостоятельно готовить материал для предпринятого исследования. Этот материал, находящийся в библиотеках, музеях и архивах—частью легко доступен, частью же доступ к нему затруднен разнообразными обстоятельствами. Хранилища драгоценных остатков нашего литературного прошлого лишь в столицах и в немногих городах вполне отвечали тем требованиям, которые ученый мог предъявить к ним. В последние же годы—масса книжного материала безвозвратно погибла от различных случайностей. Что же касается рукописных собраний, находившихся при монастырях, то судьба их, вероятно, выяснится еще не скоро. Как бы то ни было, любознательный исследователь не станет ждать, пока получит в свои руки абсолютно весь материал, относящийся к его вопросу, как это ни желательно, а попробует, хотя бы в виде предварительных этюдов, сделать подготовительную работу, опираясь на прежние библиографические пособия, среди которых наибольшее значение для нас имеют научно составленные опи-

сания рукописей, избавляющие ученых от тщетных поисков «наугад».

Мы, русские, можем по сравнению с другими славянскими народами, похвалиться изобилием рукописного материала, оставленного нам многовековой исторической жизнью. Помимо Петроградских—Публичной Библиотеки, Библиотеки Академии Наук, Синодального Архива, и Московских—Патриаршей (Синодальной) Библиотеки, Румянцевского и Публичного Музеев, Исторического Музея и др.—почти в каждом сколько нибудь крупном центра культурной жизни мы встречаем более или менее значительные собрания рукописей и старопечатных книг; имеются древние рукописи и в мелких уездных учреждениях, пропадая без пользы для науки; имеются и у частных лиц, к сожалению, не доросших до мысли, что предметы древности, имеющие историческое, научное значение должны быть достоянием общественным, доступным для научного исследования и гарантированным от гибели и бесследного исчезновения.

Описания рукописей имеются почти во всех крупных библиотеках и распадаются на два основных типа: 1) к а т а л о г, в котором обычно указывается номер, заглавие рукописи, писчий материал, число листов, формат и приблизительная дата написания, если нет даты точной; 2) у ч е н о е о п и с а н и е сверх перечисленных признаков рукописи дает и постатейное перечисление содержащихся в ней памятников, с библиографическими к ним замечаниями, с отметкой особенностей языка и орфографии, украшений—миниатюр, заставок, инициалов. Наблюдается и средний тип, ограничивающийся каталожными данными с постатейным перечнем содержания. Идеальными, в своем роде классическими трудами по описанию древних славяно-русских рукописей являются описания Румянцевского Музеума Востокова, и Синодальной (Патриаршей) Библиотеки—Горского и Невоструева, из новейших работ—описания В. С. И. Срезневского и А. И. Яцимирского (другие работы этого рода см. ниже, § 42).

Рукопись, оказавшаяся в библиотеке, должна быть непременно описана, как с внешней стороны, так и относительно содержания. Описывающий должен в своей работе дать обстоятельный ответ на следующие пункты:

1. Н о м е р рукописи по настоящему каталогу (рядом должны быть указаны прежние номера, если они имеются).

2. Н а и м е н о в а н и е рукописи (книга может быть и сборником и каким либо одним сочинением).

3. Ф о р м а т—в сантиметрах, или по старинному—в десть (в писчий лист), в полдести, в четверть, в восьмушку и т. д.

4. М а т е р и а л—пергамен или бумага. Полезно указывать знак бумаги и подыскать, если возможно, соответствующий № знака по альбому Н. П. Лихачева.

5. Число листов—с заглавным и последним, и тетрадей, не исключая, но оговаривая белые листы.

6. Дата рукописи, точная, если есть или приблизительная (век) по данным почерка.

7. Палеографические особенности письма: устав, полуустав, скоропись того или иного типа.

8. Орфография рукописи: русская, сербская, болгарская, и особенности языка, которые помогают ориентироваться в вопросе о месте написания рукописи.

9. Записи, приписки—следует полностью вносить в описание; это драгоценный культурно-исторический материал, особенно записи о цене, вкладные, дарственные и др.

10. Постатейное описание содержащихся в рукописи статей, причем вслед за заглавием статьи должно приводить и начальные слова (2—3 строчки).

11. Украшения — миниатюры, заставки, инициалы должны быть отмечены с указанием стиля их: эти признаки важны для датировки рукописи.

12. Переплет—имеет тоже свое значение, указывая на место употребления рукописи; он имеет и самостоятельное историко-археологическое значение.

13. Назначаемое для печати описание должно быть снабжено указателем упоминаемых в нем имен личных и местных, а также описанных сочинений.

14. Нельзя требовать от всех эрудиции, какую обладали авторы выше названных образцовых описаний но все же желательно и полезно иметь при отдельных статьях также и библиографические указания: а) на другие списки упоминаемой статьи и б) на существующую о ней научную литературу, на издания ее, если таковые были.

Эти сведения предлагаем здесь на тот случай, если начинающему филологу придется работать гденибудь в провинциальной библиотеке: тогда, м. б., предложенные указания не окажутся излишними.

Недостаточно иметь под руками даже весьма тщательно составленное описание рукописей, чтобы добыть необходимый для исследования материал; недостаточно знать, что существуют библиотеки и архивы, владеющие рукописными фондами: надо уметь искать в этих библиотеках. Для этого необходимо кроме любви к делу иметь и общее историческое образование, знание условий жизни эпохи, к которой принадлежали интересующие исследователя писатели: знание судеб учреждений и лиц; знание общего направления литературы данной эпохи и центров, где она развивалась. Здесь могут дать полезные указания общие обзоры истории русской литературы и особенно «Опыт русской историографии» акад. В. С. Иконникова. Общая научная подготовка—необходимое условие успешности работы и

области истории русской литературы, как древней, так и новой, за которую, к сожалению, порою берутся надеясь более на смелость, чем на основательные познания в исторических науках. До недавнего времени полагали, что отношение к изучению произведений новой русской литературы должно быть иным, чем к изучению памятников древности. В результате—позволим привести лишь один пример: академическое издание сочинений А. С. Пушкина было предпринято его первыми редакторами без предварительного описания рукописей, содержащих пушкинские тексты—т. е. до выяснения наличности всего материала; в итоге каждый том отличается по количеству источников от предыдущего, и допущенная небрежность неминуемо возвращает современных редакторов-филологов к необходимости произвести тщательное описание всех источников для знакомства с пушкинскими текстами, произвести м. б. даже дешифровку их, а затем уже приступить к изданию на новых основаниях. Академическое же издание соч. А. С. Грибоедова, сделанное по всем имеющимся рукописям—подобных нареканий не вызывает.

§ 27. Основания филологического метода. Критика текста.

Основными приемами филологического метода, заключающегося во встестороннем изучении материала в его статическом и динамическом состоянии—являются вслед за библиографической подготовкой материала: 1) К р и т и к а т е к с т а памятников литературы; 2) и с т о р и я т е к с т а их, и 3) с р а в н и т е л ь н о историческое исследование их формы и содержания. Остановимся здесь на первом приеме метода—к р и т и к е т е к с т а. Дошедший до нас историко-литературный материал, как древний, так и новый, имеющийся частью в печатном, частью в письменном виде,—вызывает, при ближайшем знакомстве с ним, целый ряд сомнений относительно исправности текста. Почти все памятники древней литературы, и многие из новой—дошли до нас не в оригиналах, в которых точность передачи мыслей и чувств автора вне сомнений. Большею частью мы имеем дело с копиями, а известно, что даже наиболее внимательный писец порою, в минуты утомления или рассеянности, невольно делает ошибки и, не замечая их, передает свой оригинал неточно; не говорим уже о преднамеренных изменениях, которые в рукописных памятниках древней литературы также обычны (встречаем их и в новых, напр. известное изменение в «Памятнике» Пушкина, сделанное Жуковским).

В древности понятия о литературной собственности не существовало; не было и представления о том, что раз созданное одним писателем—не подлежит переделке. Писцы в своих копиях, кроме Евангелия и богослужебных книг—свободно допускали перемены, добавления, сокращения; отсюда выдвигается

задача для историка литературы: критически относиться к имеющемуся налицо списку изучаемого памятника, помня, что перед ним не самый памятник в своем первоначальном виде, а одна из многочисленных копий и притом, возможно, далеко не самая точная. Вспомогательным орудием для восстановления подлинного памятника на основании показаний его позднейших списков и является критика текста.

Она возникла еще во времена александрийских грамматиков и, возродившись в XV в., стала применяться при изучении литературных памятников, как древних, так и новых авторов; в последнем случае, впрочем, не столько для восстановления испорченного текста, сколько для установления его окончательного вида. Обычно пользуясь произведениями писателей нового времени в целях эстетических, педагогических и т. п., — мы не замечаем потребности вникать в детальные черты их текста. Масса читает, напр., Пушкина, Гоголя, Толстого, — не задавая себе вопроса, верен ли текст, лежащий перед ними, замыслам авторов, отражает ли он действительно то, что творил поэт, или же — также и то, что было ему навязано извне, напр. цензурой, друзьями, небрежными переписчиками, неряшливыми издателями. Да и в самом деле, нужна ли критика текста?

Ланглуа замечает, что в принципе — все признают полезность критики, но это — одно из тех хороших теоретических требований, которое трудно осуществляется на практике; человеческий ум, в особенности малокультурный, склонен к лени и неподвижности, а отсюда — к широкому доверию именно там, где нужна самая зоркая осторожность суждений и критика. Масса гипотез строится, масса утверждений держится в литературе и науке именно из за умственной трусости или лени, не дающей дороги критическим методам углубиться в существо дела и влекущей носиться по поверхности, истощая силы в бесплодных рассуждениях общего характера, равно бесполезных и для прогресса науки и для читателей и слушателей подобных рассуждений. Научное знание от таких рассуждений «вообще» — ничего не выигрывает, а лень мысли, свойственная человеку — укрепляется: ведь, гораздо легче и удобнее верить на слово, чем критиковать, анализировать.

Критика текста, как и критика достоверности документа, необходима и историку событий, и историку литературы. Она имеет задачей дать очищенный от случайных наслоений и искажений материал. Ее применяют и к памятникам древним (см. издания летописей, хождений в Палестину, др.-рус. проповедников и др.) и к новым (см. академич. издания сочин. Пушкина, Кольцова, Лермонтова, Грибоедова). Критика текста дает основания иногда и для установления времени, и места написания памятника, и для определения его автора, если он не назван. Вспомогательным средством при анализе и восстановле-

нии текста, вспороченного передачей, является палеография, объясняющая возникновение ошибок из условий письма; затем— история языка, стиля, метрики.

§ 28. Анализ ошибок и их значение.

Каждый литературный памятник, дошедший до нас в копии, а не в оригинале, или в издании наследников, предпринимателей, а не самого автора, а если и в оригинале, то, случается, испорченным временем, — возбуждает различные сомнения. Может оказаться, что нарушен грамматический строй, свойственный эпохе, к которой относится памятник, или употреблено слово или выражение, необычное для данного автора или эпохи; или обнаруживается искажение размера в стихе, порча или неудачная замена рифмы; или уклонение от правильного развития мысли, какой-то скачек, позволяющий догадываться о пропуске чего-то; или грубый анахронизм, обличаемый показаниями других памятников; наконец, случается, что смысл текста затемнен ошибками в буквах и словах. Эти последние ошибки встречаются чаще всего, и устранение их является первым этапом филологического изучения памятника.

Как показывают многочисленные наблюдения, ошибки, не взирая на кажущуюся их случайность, могут быть классифицированы в определенные группы. Ошибки, как оказывается— однообразны во все времена и у всех народов и писцов. Тексты при передаче искажаются по некоторым законам, и из изучения видов ошибок филолог получает средство для исправления текстов.

Рассмотрим эти типы ошибок. Их можно разделить на две большие группы: А) Ошибки количественные и Б) Ошибки качественные. И те и другие могут быть ненамеренными или случайными, и намеренными изменениями с какими-либо целями.

А. Среди количественных ненамеренных ошибок на первое место поставим разнообразные виды пропусков, так называемые таплографические написания (греч. haplus—простой, таплография—упрощенное написание). Наблюдаются пропуски букв: «в притор», вм. «в притвор» (Ев. Унд. XV—XVI в.в.), «лежаша от гаду», вм. «от гладу» (Пов. о Басарге, Погод. 1172).

Часты пропуски слогов: «от пречистую боку твоею», вм. «боруку» (Псалт. XIII—XIV в.в. Петр. Публ. Б.); «зане огражен», вм. «зане не огражен» (Моление Дав. Заточн.); «стрешаше е гоголем», вм. «его гоголем» (Слово о п. Игор.).

Встречаются пропуски целых слов и выражений: «бысть (вечерь и бысть) утро» (Григоров. Парем.; поставленное в скобки—опущено); или в Пов. о Басарге (Рум. 378) «и сре-

тоша его граждане и рекоша ему: «откуда еси (купче, приде? коея еси) веры?» В рук. Син. Арх. 1434—поставленное нами в скобки—отсутствует; пропуски обусловлены тем, что писец перенес глаз в первом случае с первого «быст», во втором с—первого «еси»—на вторично встречающиеся эти же слова и опустил находившееся между ними

К числу пропусков следует отнести и недописи. Иногда недописанным оказываются лишь буквы, напр. в Слове о п. Игоре: «беды пасеть птицъ по добию», вм. «по доубию»; «тробы», вм. «троубы» (в Псалт. XIII в.); но иногда недописи бывают весьма коварны: в «Истории канонизации русск. святых» Голубинского, читаем о «святом» Иоанне Сухом Ярославском, XV в. В «Новг. 4-й и в Воскресенск. летоп. под 1463 г. читаем действительно, что «Иван Сухой чюдеса творити начал по всей Ярославской вотчине». Но в Ермолинском летописце имеем следующий, вполне законченный рассказ об этом «святом»: «в том же граде Ярославли явился новый чюдотворецъ Иоаннъ Огафоновичъ сущей созиратай Ярославской земли: у кого село добро—инъ отнялъ, а у кого деревня добра—инъ отнялъ да отписалъ на великаго князя; а кто будет сам добръ, бояринъ или сынъ боярской—инъ его самого записал, а иных его чюдес множество, не можно исписати и исчести, понеже во плоти сущей дьяволь». И Новгородский и Московский писец недописали известия об Иване Огафоновиче—и в итоге явился новый святой...

Добавления также бывают и малозначительны и обширны. Мы наблюдаем лишние буквы: «целовали весьма» (вм. есмя); «по месте» (вм. по Мсте)—в Степ. книге. Повторение слогов, (дигитография) обычно с древнейшего времени: «шито-томъ» (Син. Пс.), «Исаисаино» (Зотр. Ев.), «Пришедъшедше» (Ев. XIV в.) и др.

Повторения целых групп слов также встречается в рукописях, см. напр. Уваровск. сп. Западно-русск. летописи: «и рече Бѣрис: брате Глебе, вели грести, да поможемо сроднику нашему Александру; видевъ же Певгусий такое виденье и такое слышание и стояшъ трепетенъ, дондеже отиде насадъ из очью его. Потомъ скоро поеха ко князю Александру, видевъ же Певгусий такое видение и такое слышание и стояше трепетенъ, исповеда ему радость»... Очевидно, здесь повторение совершенно излишне и после второго, «Александру», должно непосредственно следовать «исповеда».

От этих дополнений случайных, ненамеренных, следует отличать намеренные, каковы суть глоссы и интерполяции. Но они изменяют текст не только количественно, но и качественно, почему о них речь ниже.

Б. Качественные изменения, как и количественные иногда зависят от определенного намерения писца, иногда же просто являются результатом механического бессознательного

изменения лежащего пред глазами списателя текста. Таковы случаи ненамеренного смещения слов, по начертанию сходных, при невнимательном взгляде на них: вм. притяжешн село от руки Ноемини» (Остр. библ.)—«притяжешн слово...» (Новг.-Соф. рук. № 52), или вм. «праведною рукою—«праведно реку» (Сб. XV в. М. Ин. д), или вм. «да идеши к сосудом и пиши» (Остр. б.)—«к соседом» (Новг. рук. № 52), «обеща» вм. «отвеща» (Кн. Шис. Нав. I ред.).

Ненамеренно же, по небрежности, писец слово с забытым уже значением превращает порою в имя собственное, напр.: «Деисус (икона—Вседержитель с Богородицей и Предтечею по сторонам) написан Лазарем Чудным», вм. «лазорем» (краска)—читаем в Степ. Книге.

К числу намеренных качественных ошибок мы отнесем случаи, так называемой «народной этимологии», т. е. случаи осмысления непонятого слова, напр.: «письменех», вм. древнего «в чисменех» (Сказ. Храбра), «крайнее место», вм. «крайнее во место» (Ев. П. П. б. I, 72), «сенародиемные», вм. «Сенаар» (Быт., X, 10). Сюда же отнесем мы и замену одних слов другими чрез неудачное подновление, напр. в Синод. рук. № 12 «пусти Исус слуги», вм. древнего «сълы». К той же категории намеренных, качественных изменений можно отнести свободный перевод в памятниках, заимствованных из других литератур.

К числу изменений, вносимых в текст памятника при переписке, мы относим и неправильное разделение слов, в результате чего смысл частью теряется, частью изменяется до неузнаваемости, напр.: «ядять же лвы», вм. «желвы» (черепак, Паис. сб. XIV в.); «паки множа его дуси творяше» (Жит. Сергия, В. Ч. Мин. ст. 1502), вм. «паки множае году си творяше»; или «акож носилы ты еси» (Новг. Соф. библ. № 52), вм. «ако жена силы ты еси».

Глоссы и интерполяци принадлежат к числу намеренных изменений текста: писцы и редакторы, видя в тексте более или менее темные, неясные и затруднительные места, вносили первоначально на полях свои пояснения или однозначущие слова, как дополнения к основному тексту. Под глоссами мы разумеем собственно пояснения; интерполяции—вставки, дающие распространение, дополнение и толкование мест памятника новыми подробностями, заимствованными из других памятников или сочиненными писцом или редактором.

Глоссы находим, напр. в древних текстах священного писания, напр., в Паремейном тексте Книги Бытия: «Багадад» (гл. Вавилон), «Мисиря» (гл. Египта), «твердь» (гл. небо) и т. п.; или в «Апофегматах», Синод. б. № 362: «вырва» (гл. дурак), «имеша за фирля» (гл. за подпору) и т. п. Иногда при переписке глоссы вносятся в текст, и получается двойное чтение.

Интерполяци и бивають пояснительного, толковательного и распространительного характера. Примеры первого часто находим в переводе библейских книг, напр. в V, 8 кн. Ис. Навина (рук. Румянц. № 28): «Обрѣзавшимъ же ся имъ молчаніе имѣаху ту сѣдяще въ полчищи, дондеже ицѣлиша [знаменіе бо се на нихъ похожи да не смѣшаются со иноплеменникы]»;—здесь поставленное в скобки отсутствует в оригинале; это—интерполяция и имеет целью пояснить текст; ее нет ни в греческом. ни в древнем еврейском оригинале. В том же памятнике в гл. XXIV, 29 читаем «видѣше вся дѣла Господня елико сътвори въ Израили [и суди Исус Израилю лѣтъ 20 и 7]»; поставленного в скобках дополнения о годах правления Исуса Нав. нет в известных списках и переводе 70-ти.

Распространительную интерполяцию имеем, напр., в Ипатском списке летописи, где под 6596 (1088) годом читаем следующее: «Священа бысть церкы святого Михаила монастыря Всеволожа митрополитом Иоанном и епископомъ Лукою, Исаямъ, Иваномъ, игуменство тогда держащу того монастыря Лазореви»; в Лаврент. списке нет подчеркнутого упоминания о епископах Луке (Белгородском), Исаян (Ростовском) и Иване (Черниговском). Проф. Голубев, основываясь на том, что Исая Ростовский присутствовал при освящении Киево-Печерской церкви в 1089 г.—что достоверно известно,—и что 2 года подряд он не мог ездить из Ростова в Киев, а также не мог жить не в своей епархии более года, полагает, что упоминание в Ипатск. лет. о трех епископах представляет собою позднейшую интерполяцию, именно повторение перечисления этих епископов, находящегося в летописи несколькими строками ниже.

Последний вид ошибок, на котором мы остановимся—перестановки; они заключаются в том, что переписчик не делая сокращений и прибавлений; ставит в обратном порядке слова, предложения и даже целые группы их; простейший пример: вм. «бысть меньшая—меньшая бысть», вм. «оконце ковчегу»—«ковчегу оконце» и т. п. (Парем. Кн. Бытия); перестановку двух строк находим в «Слове о Полку Игореве», где Максимовичем и Вс. Миллером замечено, что в отрывке:

1. А съ нимъ молодая мѣсяца
2. Олегъ и Святославъ
3. Тьмою ся поволокта.
4. По Русской земли
5. Прострошася половьци,
6. Акы пардуже гнездо,
7. И въ море погрузиста
8. И великое буйство подаста Хиновяи».

Последние строки, 7 и 8, ошибочно поставлены писцом после 6-й; их место—после 3. строки, что делается ясно, если

мы прочтем весь отрывок в указанном порядке: двойственное число *п о г р у з и с т а (с я)* и *п о д а с т а (с я)* соответствует «поволокоста» и относится к двум названным князьям. Другая крупная перестановка допущена писцом в самом начале «Слова о п. Иг.», что заметно при внимательном чтении и подтверждается счетом букв и строк.

§ 29. Установление состава и истории памятника.

Задача историка литературы—изучить историю ее памятников и таким путем создать картину развития и всей литературы у данного народа. Эта задача приводит к изучению разнообразных и разновременных списков и изданий памятников литературы.

Наиболее легким и простым является тот случай, когда, кроме ряда списков или перепечаток—сохранился оригинал памятника или первое издание его, сделанное самим автором. Тогда списки и переиздания интересуют историка постольку, поскольку они дают отклонения от оригинала в зависимости от времени и места своего возникновения.

Второй случай—когда оригинал памятника до нас не дошел, а дошла всего одна копия и притом не достаточно исправная, которую не с чем сравнить, не по чему исправить. Здесь приходится прибегать к критике текста и реконструкции его путем коньектур, опирающихся на данные истории языка, палеографии и метрики. Таково, напр., положение «Слова о полку Игореве».

Третий случай—когда также оригинал памятника до нас не дошел, но известен ряд списков с него, сделанных разновременно и при том с большей или меньшей точностью. Тогда возникает задача определить, какой из этих списков наиболее близок к утраченному оригиналу и наиболее точно передает его особенности. Путем сличения списков определяют тот архетип, к которому они восходят. Имея несколько рукописей одного сочинения, их классифицируют и располагают в известном порядке. Принципом такой предварительной классификации является большая или меньшая близость списков—или в отношении эпизодов и порядка их, или в отношении ошибок. Ошибки могут быть индивидуальными в каждом списке особо, но встречаются и общие ошибки у двух, трех и более списков, напр., общие искажения, пропуски, перестановки и т. п. Тождественность ошибок в двух или более списках свидетельствует об общем родоначальнике этих списков так как совершенно невероятно, чтобы несколько писцов, переписывая в разное время и в разных местах первоначальный текст—разом сделали одинаковые ошибки. И чем больше списков привлекаем мы к исследованию, тем чаще ошибки, кажущиеся первоначально индивидуальными—обращаются в общие.

Сравнение ошибок в группах списков позволяет исследователю классифицировать их по семействам; сравнивая в свою очередь эти последние—постепенно доходят до восстановления архетипа. Так например, встречая одни и те же пропуски в двух-трех списках памятника,—закljučают, что у них был общий оригинал; в основании Ермолинского списка летописи лежит Хлебниковский список, так как пропускам Хлебниковского списка, возникшим, вследствие утраты в нем листов—соответствуют пропуски и в тексте Ермолинской летописи. (см. Ипат. летоп., изд. 1908, с. XV). Не менее убедительными свидетелями общего источника двух списков являются ошибки, которые настолько противоречат истории языка, что существование их рядом в двух списках невозможно объяснить только простой игрой случая. При существовании тесной текстуальной связи между списками следует выяснить, не восходит ли один к другому. Если опыт сличения отдельных мест, повторенный достаточное число раз, приводит к одному результату, тогда можно уже с уверенностью сказать, существует ли непосредственное родство между списками, или же они восходят к общему предку.

Путем таких сравнений создается своего рода генеалогическая таблица или родословное древо списков памятника, где можно проследить от первого родоначальника все разветвления семейства рукописей и где с первого же взгляда видно, на каком расстоянии от общего архетипа находится каждый список, и через сколько промежуточных звеньев, сохранившихся или утерянных, он является наследником первоначального текста.

При этом следует помнить, что далеко не всегда наиболее авторитетной и близкой к архетипу по своему тексту является самая старшая из имеющихся рукописей; пусть мы имеем две рукописи: «Х»—XI века, сделанную тщательно и «У»—того же времени—сделанную небрежно; рукопись «Х» пропала, но сохранился с нее хороший список XV века; конечно, он будет гораздо авторитетнее, чем плохой, хотя и древний список «У». Это подтверждает и знаменитый исследователь русской письменной старины, акад. И. И. Срезневский: «Наша старинная письменность богата примерами того, что списки позднейшие, гораздо важнее древнейших; как более или менее верные копии с очень древних изводов, не сохранившихся в подлиннике»...; например: в числе списков «Сказания о Борисе и Глебе» поздних гораздо более, чем древних, и между поздними есть очень важные, сохранившие на себе ясные следы верной передачи изводов; тогда как древнейшие так обильны ошибками, что руководствоваться ими одними нет никакой возможности.

Классификацию списков следует производить дважды: сперва надо классифицировать все имеющиеся рукописи по их связи, а затем вторично—по древности их традиций.

Когда эта работа произведена—обнаруживаются различные редакции памятника. Редакцией памятника мы называем тот или иной определенный вид его и состав, явившийся результатом крупной сознательной переделки или переработки памятника, проходящей по всему тексту его и сделанной с определенной целью. Например, когда известное в XVII в. «Сказание и Сивиллах» из хроники Мартина Бельского переписывалось со случайным опущением части текста или с изменением орфографии—особых редакций не получалось. Но когда «Сказание» было переделано П. Галятовским, который выбрал из него то, что относилось к прославлению Богородицы, или когда автор лубочного издания XVIII в. приспособил текст к уровню своих читателей и к техническим требованиям лубочного производства—то получились особые, отдельные редакции памятника.

Редакции обычно называют или по имени редактора (напр., Арсеневская, Кассиановская, Феодосиевская, ред. Печерского Патерика); или по порядку их появления (1-я, 2-я, 3-я ред. хронографа); или по местности, где они возникли (северно-русская, южно-русская, сербская, болгарская...); или условно, обозначая буквами (ред. А. Б. и т. п.). Тексты одного и того же памятника, различающиеся лишь орфографией, морфологическими и словарными особенностями—лучше называть «рецензиями» или «изводами». История памятника, определяемая путем выяснения последовательно появлявшихся редакций его—ключ к пониманию литературной эволюции.

По разыскании общего архетипа и архетипов каждой крупной редакции—списки не теряют своего назначения для исследователя: для него важен не только отправной пункт в истории памятника, но все этапы ее, знаменующие видоизменение вкусов, интересов и настроений редакторов, списывателей и читателей.

§ 30. Исправление и восстановление текста.

Когда с помощью классификации списков положено основное тексту, следует постараться восстановить его, по возможности, в первоначальном виде путем выбора чтений. Если есть несколько авторитетных рукописей, хотя бы даже две, следует всюду, где они расходятся, сравнить их чтения и оценить их свидетельства, чтобы решить, которое из них правильно. Но что же побуждает нас отдать предпочтение какому-либо одному чтению из целого ряда других? Прежде всего, авторитет рукописи, который создается ее сохранностью, условиями и временем ее написания. И, чем больше авторитет списка, тем более он говорит в пользу предпочтения его чтения. Соответственно требованиям языка эпохи в области синтаксиса, морфологии, лексики, исторические доводы, близость дан-

ного чтения с другими, привычными для автора оборотами речи и мыслями его — все это в спорных местах влияет на выбор того или другого чтения. Предпочтение в спорных случаях отдается более трудному чтению («lectio difficilior»); из него, чрез упрощение и осмысление писцом, могло получиться более легкое, но не наоборот. Это справедливо в особенности тогда, когда наблюдается последовательно проведенное упрощение текста; но чисто механические навыки действовали гораздо чаще, и, в случае непонятности чтения или его несогласованности с общим смыслом места — следует заподозрить, не имеем ли мы здесь один из видов ошибок, анализированных нами выше. В случае свободного обращения писца с текстом при параллельных, но разногласящих чтениях, предпочтение отдается чтению, не похожему на другие, так как есть вероятность, что другие произошли от него; в противном же случае, где изменение намеренное — предпочтение отдается более сходным чтениям. При выборе чтений большую роль играет такт исследователя и его начитанность в памятниках той эпохи, к которой относится исправляемый путем сличения списков.

Но случается, что ни одна из имеющихся налицо рукописей, ни одно из печатных изданий не дает ясного, вполне удовлетворительного и с исторической точки зрения приемлемого чтения. Бывает, что имеется лишь единственная рукопись какого-либо памятника (напр. «Слово о п. Игоре» или «Поучен. Владимира Мономаха») и в ней — испорченные, неясные места. Здесь критику приходится становиться в положение автора и пытаться исправить темные места путем конъектур, т. е. предположительных чтений. Для создания конъектур нельзя указать одного общего, определенного закона или правила. Кто более других может уподобиться автору данного произведения, понять его, проникнуться его духом, тот и может наиболее удачно его исправить. Это необходимость конгениальности критика и автора — является причиной того, что удачных и бесспорных исправлений испорченных мест у великих писателей — встречаем очень мало.

Необходимое условие приемлемости той или иной предлагаемой конъектуры — то, чтобы она давала темному месту, по возможности, наилучший смысл и не противоречила ни другим местам того же памятника, ни привычкам его автора. Точное сличение рукописей приводит иногда к конъектурам, весьма близким к истине; иногда же находка новой рукописи — обнаруживает много такого, чего критики не предполагали; прежние конъектуры обычно — или подтверждаются или отвергаются, как негодные.

Лучшие конъектуры — не почерпаются из одной фантазии. Они основаны на знании палеографии и истории языка. Очевидно, что как бы груба ни была ошибка писца, но

он, списывая, имел перед глазами нечто такое, что уже совершенно утрачено для позднейшего интерпретатора; он имел некоторое основание для своей ошибки в неясности или необычности написания, обманувшего его зрение, особенно, если работа была спешной. Вот почему конъектуральная критика всегда должна считаться с историей письма, и все усилия авторов конъектур направлены на то, чтобы оправдать палеографически предлагаемые ими конъектуры.

Заметим еще, что критикующий и исправляющий текст, заподозривая в нем ошибки и искажения, — прежде всего и в течение всей своей работы должен критически относиться к своим конъектурам. По заключению Бёка «критика индивидуальная труднее всех остальных родов и, кроме учености, зоркости и остроумия, требует умения проникать в самые сокровенные изгибы личной жизни».

Применение критических приемов необходимо там, где есть поводы к сомнению. Но случается, не в меру энергичные критики, чаще всего дилеттанты, применяют для достижения заранее намеченных целей критические приемы там, где они излишни. «Некоторым людям, — говорит Ланглуа, — везде мерещатся загадки, даже там, где их совсем нет. Они вдаются в излишние тонкости при изучении вполне ясных текстов и, желая очистить их от воображаемых искажений, делают их сомнительными. Такое увлечение критикой порождает фантазии, неоправдываемые материалом и создает «гиперкритику», не только не приносящую пользы, но подрывающую уважение вообще к приемам филологического метода». Подробнее см. в нашей книге «Из лекций по методологии ист. русск. лит.». 1914 г.

§ 31. Примеры критики текста сравнительной и конъектуральной.

Сравнительная критика опирается на сличение ряда свидетельств различных списков. Возьмем, напр., древнейшую летопись. На первых же страницах ее читаем о погребении: «Радимичи, Вятичи и Северь... творяху кладу велику и възложяхуть на кладу мертвеца, сожьжаху». Так в Лаврент., Троицком и Ипатск. списках. В Радзивил. и Академич. — читается «к р а д у», «н а к р а д у». Какое чтение следует предпочесть? слово «к л а д а» обычно и соответствует современному русскому к о л о д а; слово «К р а д а» — очень редкое; оно встречается лишь в древнейших русских текстах, списанных с церк.-слав. оригиналов, напр.: «крада огньна» в Свят. Изборн. 1073 г., значит «костер». Очевидно, не все писцы в XIV—XVI в.в. понимали это слово и заменяли его понятным и созвучным словом «клада». Обратная замена — понятного на непонятное — невозможна. Вследствие этого акад. Соболевский признает большую древность за чтением «к р а д а».

Возьмем еще пример из той же летописи. «В лѣто 915 расваришася грѣцкыя воеводы. Видѣвши Печенѣзи, яко сами на ся рать имуть, отыдоша» Так читается в Ипат. и Хлебн. списках; в Радзивил. — «рѣчь»; в Академич. — «рѣть». Первый из трех вариантов не дает удовлетворительного смысла; др.-русское «рать» — войско, военный поход; а здесь речь идет о «сваре» воевод между собой; второй вовсе не дает смысла. Только третий вариант, данный одною рукописью кажется нам древним. Слово «реть» хорошо известно и церк.-слав. и древне-русским текстам; оно значит «спор», «соревнование» (от него «ретивый»). В XIV в. и позже оно было уже непонятно писцам, и они пытались так или иначе, более или менее неудачно, заменить его другим словом.

В 1-ой Новгород. летописи (971 г. с. 22, 10) читаем: «и повежъте ны, колико есть васъ, да въ мы по числу на главы». В сп. Акад. и Толст. — «давми», т. е. та же ошибка. В П. С. Р. Лет. т. VII, 290, IX, 36 — «да дадим», что указывает на смысл места; и только П. С. Р. Л. I, 29 (Лавр.) дает в этом же эпизоде чтение «въ дамы», которое и следует признать правильным и внести в текст летописи. Оно явилось через перестановку слогов «дъ и да» небрежным писцом того оригинала, с которого списывал писец 1-ой Новг. и др. списков.

Как видим из этих примеров, правильное чтение получается не из показаний большинства списков, а на основании дающих лучший смысл и согласных с историей языка.

В Галицко-Волынской летописи (по Ин. сп.) под 1256 г. читаем о победе короля Даниила над Ятвягами, после которой «на утрѣя же приѣхаша ятвязѣ дающе таль и мир, молящися дабы не избилъ колодниковъ». Так в Ипатск.; в Хлебн. и Погод. — «дающе дань и мир». Что следует предпочесть, где древнее слово и где новое осмысление его? Что значит слово «таль»? Это слово собирательное и значит «заложники» (см. Материалы для словаря др.-русск. яз. И. И. Срезневского), «тальщик» — заложник, «тальба» — заложничество. Таким образом, очевидно, что для позднего писца оригинала Хлебн. и Погод. списков — это слово утратило значение и было исправлено им на вполне понятное и обычное «дань».

При изучении стихотворного памятника важным обстоятельством при оценке и выборе правильного чтения из нескольких предлагаемых рукописной традицией — является правильность размера. Например, все рукописи, послужившие Ефремову при изд. сочинений кн. А. Кантемира, дают чтение «Дома не прибитокъ, пагуба, убытокъ» (стих — в 12 слогов в 13-сложном размере), тогда как рукопись Киевск. Универс. библи. № 74 (43) предлагает чтение: «Дому и з н у р е н и е, пагуба, убыток». Обычное чтение получилось чрез повторение в несколько измененном виде последнего слова стиха с ущербом для размера; чте-

ние Киевск. рук., устраняя повторение — восстанавливает одновременно и 13-тисложный размер, почему и должно быть предпочтено.

В «Петриде» Кантемира в изд. Ефремова имеем стих: «К исполнению велѣнныхъ удобну» — 11-сложный, тогда как все стихотворение написано 13-тисложным стихом. Уже из контекста ясно, что следует добавить «ему», что и читается в упомянутой киевской рукописи: «Къ исполнению ему велѣнныхъ удобну».

Обращаемся к примерам конъектуральной критики, при наличии единственного рукописного текста. В «Слове о Полку Игореве» говорится, что вещий Боян, желая «песнь творити» —

«Растекается мыслию по древу,
Сѣрым волкомъ по земли,
Шизымъ орломъ подь облакы».

Уже первые издатели заметили некоторую неестественность этого места: волк — по земли, орел — под облаками, а по древу — не соответствующее живое существо, а мысль. Наиболее удачной явилась конъектура Карелкина; он предложил читать не «мыслию», а «мыслию»; «мысль» — и ныне в северно-великор. диалектах значит тоже, что белка, векша. Образ белки, летящей по древу, вполне гармонирует с другими двумя сравнениями. При этом в настоящем месте «Слова» Барсов видит гаплографическое написание (а такими была очень обильна рукоп. Мусина-Пушкина), вместо «мысль мыслию»¹⁾ что писцом было переделано и упрощено в «мыслию».

Другой пример конъектуры в том же «Слове»: «Святоплѣкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходцы». Предлагали исправить «повезе», «посѣчѣя», «повеле яти» но лучшее чтение, предложенное А. Потебней: «полелѣя»; это чтение воспроизводит древний обычай перевозки раненых на ковре между двумя конями и палеографически может быть оправдано: в полууставе XVI в., переходящем в скоропись, в писалось в виде треугольника и могло быть спутано с л, да и механически писец мог повторить незаметно для себя близь стоящую букву

Путем конъектур, основанных на палеографических наблюдениях, реставрируются иногда заведомо испорченные места; в «Повести» о видении, бывшем во Владимпре в 7119 г., 24 августа (Русск. истор. библ. XIII, ст. 242) читается «и от сего года будетъ ливем, того навеликая и пока мия му»; издатель акад. С. Ф. Платонов удачно исправляет: «и от сего гада (червей) будетъ людемъ тягота великая. II показа ми яму», что стоит в согласии с контекстом.

При составлении конъектур и восстановлении испорченных и утраченных мест памятника следует, кроме прочего — прини-

¹⁾ В обоих словах в рукописи с выносное, над строкой.

мать во внимание язык эпохи, к которой он относится, будь то язык московской Руси или Украины, древний или новый. Приводим пример дополнения утраченных мест в «Тренах на Успение Богородицы», украинском памятнике XVII в., написанном сапфическим стихом, в котором три одиннадцатисложных стиха и один пятисложный образуют строфу. Естественно, что надо дополнить недостающее так, чтобы был сохранен этот размер, и не было погрешностей против тогдашнего литературного языка. Поставленное в скобках—дополнение, сделанное по догадке:

«(К сыну) Дѣвица ото юж отходит,
Дѣвая в небо ото юж заходит.
(Ревно во)лая, плач встыдливый дворе,
Женскѣи хоре»
(Идет оз)доба Паненства ко сыну,
Отходит честно к Ангельскому чину
(Днесь воспой) погребъ, Музо, нелениве,
Спѣвай зычливе».

Те же приемы, которые применяются при критике текста произведений древнерусской литературы, употребляются и при изучении новых писателей. Благодаря аппарату, собранному ак. Тихонравовым, мы можем не только восстановить начальный текст некоторых произведений Гоголя, но и изучить их историю; такое же значение имеют издания соч. Пушкина, сделанные Академией Наук, Венгеровым; академические издания Лермонтова, Кольцова, Баратынского, разыскания Л. К. Ильинского о соч. Державина, Кашина об Островском и т. п. Приведем два примера исправления текста Кольцова. В изд. Быкова читаем:

«Было кроме много девушек,
И хороших, и талантливых».

Приемлемо ли подчеркнутое чтение? Талант в литературном языке обозначает выдающуюся способность человека к творчеству; в народном языке—«талан» значит—доля, счастье, удача. В песне, подражающей народной, Кольцов мог употребить слово «таланливый», именно в смысле—удачливый, с хорошей судьбой, долей.

В стихотворении «Перепутье» Кольцов противопоставляет прожитую им бурную жизнь—жизни спокойной, наполненной мелкими житейскими интересами:

«Сидеть дома, болеть, стариться,
С стариком отцом вновь ссориться,
Работать, с женой хозяйничать,
Ребятишкам сказки сказывать».

В рукописи и в изданиях, следующих им,—читаем «ботеть». Чье чтение следует предпочесть? Более трудное чтение, «ботеть» —

Значит в народном языке «полнеть, толстеть, брюзгнуть». Поэтому мы отвергаем поправку Быкова и принимаем чтение издания Введенского, следующего за рукописью.

§ 32. Приемы древне-русского творчества.

Критика происхождения памятников не только определяет отношение между списками одного памятника, но и устанавливает родственную связь между различными памятниками, иногда первоначально существовавшими независимо один от другого. Она, с одной стороны, помогает восстановить утраченные памятники (см. у А. А. Шахматова в его «Розысканиях о древних летописных сводах», в отзыве об иссл. Тихомирова о летоп. сводах и др.), но и разрушает легенду о самостоятельном происхождении и значении памятников, обнаруживая их компилятивность, а иногда прямо мозаичность состава. Иногда же анализ памятника обнаруживает его иноземное происхождение (о чем особо) или — то, что ныне называется плагиатом, т. е. усвоение одним лицом литературного произведения, принадлежащего другому лицу.

Под анализом, оговоримся, мы разумеем изучение памятника с целью обнаружения элементов, из которых он образовался, а не пересказ его. И такой анализ часто без особых затруднений обнаруживает, что изучаемое произведение литературы не принадлежит тому автору, именем которого надписывается. Так, масса древне-русских слов и поучений надписывается именем Иоанна Златоустаго и Василия Великого, не имея на то никаких прав. Приписывание русскими авторами своих произведений знаменитым отцам церкви делалось для того, чтобы поднять значение, придать убедительность и авторитетность вновь сочиненным поучениям. Их происхождение обнаруживается чрез библиографическое изучение названных греческих авторов. Бывают и случаи настоящего плагиата, когда, напр., автор, вроде орловского священника XVII в., заимствует, без указания источника, материал из Учительного Евангелия Кирилла Транквилиона и т. п. Древняя Русь не имела понятия о «литературной собственности», и каждый писатель свободно заимствовал у своих предшественников «паремиями и посланиями», по выражению кн. А. М. Курбского, не всегда даже заботясь о гладкости и стройности получившегося таким образом нового сочинения.

Простейшим способом получения из двух или более памятников — нового являлась контаминация; это — механическая спайка отдельных эпизодов, подробностей, целых предложений и выражений из двух или более источников. Составитель тут не заботится об объединении своего материала какою-либо идеей, а списывает подряд то, что дают ему его источники. Такую контаминацию мы находим в массе случаев в области ле-

тописания, где часто нагромождаются разнообразные данные, не заботясь о связи их между собой. Контаминацию деталей можно наглядно видеть, напр., в Погод. списке № 1172 Повести о Басарге (XVII в.); составитель или писец контаминировал списки двух различных редакций этого памятника, напр.:

спис. Ундольского, № 923:

«и бысть голка велика во граде том на дворе царевице. Детище же повелъ народу молчати и умолкоша вси людие».

спис. Соловецк., № 46:

«Граждане же видевши то чудо и дивншася и прославиша Бога».

В контаминированном чтении Погод. 1172 — получилось: «и граждане же видевше чудо велие прославиша Бога (это из Унд.). И рече детище ко народу: велите молчати и замолкоша вси людие» (из Солов.). Писец Погод. сп., составляя свой текст, не заметил даже, что заставил «детище» приказать молчать гражданам, прославлявшим Бога.

Компиляцией называется создание нового литературного памятника на основании двух, трех и более. Компилятор берет идеи и элементы изложения, иногда целые фразы и более крупные части из своих источников, но подчиняет свое построение и изложение чужого материала той или иной новой руководящей идее, излагает этот материал по своему плану, часто со своим освещением. Примером обширной компиляции, в которой разнообразный литературный материал подчинен определенной идее — в древне-русской литературе была, напр., Толковая Палея, имевшая целью изложить ветхозаветные события так, чтобы дать материал для противуиудейской полемики (см. ак. Истрия, Иссл. в обл. др.-русс. лит., 1906 г.).

В новой литературе компиляция также обычна: почти все общие обзоры исторические, историко-литературные и т. п. научно-популярные статьи и книги — являются компиляциями.

Кроме этих приемов — в области памятников и древних и новых мы встречаемся со случаями подражания. Подражание, воспроизводящее оригинал, мы узнаем по явным недоразумениям, объясняющимся лишь при наличии оригинала, по оборотам речи, свойственным только заимствуемому, а не заимствующему; по стилистической пестроте, по пропускам и дополнениям, особенно рельефно выделяющим произведение подражателя от его оригинала. Путем сравнения, мы, напр., обнаруживаем в старинной, русской, украинской и польской литературе — многочисленные случаи подражания плачу прор. Иеремии (напр., слова Серапиона, еп. Владимирского, «Фринос» Мелетия Смотрицкого, сеймовые речи Скарги, некоторые соч. Ив. Вишенского и проч.):

Наряду с подражанием — употребляется термин — «о т р а ж е н и е» — применительно к явлениям и древней, и новой литературы. Под этим термином мы разумеем, согласно с ак. Истриным (Исслед. в обл. др.-русс. лит., 152) «прежде всего влияние идей, а затем содержания и иногда формы». Мы говорим об отражении византийской литературы в русской: хронографы составлялись по образцу византийских, как и проповеди и жития святых. «Мы можем говорить, напр., об «отражении» мистической литературы на мировоззрении и творениях Нила Сорского, так как появление мистической литературы и интерес к ней со стороны русского читателя подготовлялись постепенно, и в известный период произошло совпадение и настроения, создавшегося под влиянием известных общественных событий, и чужой литературы, отвечавшей такому настроению». Видя в критических статьях и исследованиях 1840 годов проведение гегельянских воззрений, мы говорим об «отражении» учения Гегеля в русской литературе: если мы видим, что ряд писателей развивает идеи, принесенные в нашу литературу Чеховым, М. Горьким — мы скажем, что в произведениях этих писателей отразилось влияние Чехова и Горького, но «везде мы будем иметь в виду, что здесь преобладает идейная сторона, общее направление писателя, которому подражают». Тут «отражение» есть результат бессознательной работы мысли под влиянием прочитанного». . . . Этим «о т р а ж е н и е» отличается от «п о д р а ж а н и я».

В ряду приемов, путем коих создаются произведения древне-русской литературы, отметим еще «п р о д о л ж е н и е». Его мы особенно часто наблюдаем среди летописей. Обычно один автор или редактор свода был дополняем другими, продолжившими его работу, не отмечая, где они получили готовый текст, и где начинается принадлежащее их перу продолжение. Продолжения, как и вставки, выделяются из основного текста памятника довольно просто, если наряду с продолженным списком сохранился список первоначальный. Если же до нас дошли только продолженные списки — обращаются к внутреннему анализу: исследуют, одинаков ли стиль всех частей памятника, нет ли противоречий или пробелов в последовательном развитии мысли. Примеры см. в исследованиях А. А. Шахматова о летописях и в его издании «Повести временных лет» (см. предисловие). В области новой литературы назовем хотя бы продолжение «Горя от ума» Грибоедова, написанное гр. Ростопчиной; в новейшей — «Продолжения» и окончания романов Кутрина и Вербицкой, принадлежащие перу гр. Амори.

Не всегда древне-русский литературный памятник возникал сразу в письменном виде. Следует иметь в виду, что порою созданию письменного памятника предшествовала устная традиция. Бывают случаи, когда устное произведение записы-

вается и становится, подвергшись обработке — ядром, из которого ведет начало ряд литературных обработок; примеры—история легенды о Меркурии Смоленском, сказки о купце Басарге. сказки о Еруслане Залазаревиче. II обратно — письменное сказание делается достоянием устной традиции, а позже вновь записывается и принимает вид литературного произведения;—таковы некоторые легенды и духовные стихи. Все это следует иметь в виду, особенно исследователю взаимоотношений древней письменности и устной народной словесности.

§ 33. Определение времени и места написания памятников литературы.

В древности авторы и списатели были большею частью чужды той внимательности к себе, какую обнаруживают некоторые современные нам писатели, обозначающие весьма точно год и число написания ими хотя бы самого ничтожного стихотворения. Записей авторов — мы почти не знаем; число записей с именами писцов и датами — также чрезвычайно невелико по отношению к общему количеству письменных памятников, дошедших до нас от древней Руси (см. перечень писцов в «Очерке палеографии» ак. Карского).

При датировании времени написания рукописи (следует различать список и самый памятник) основанием для заключений является сравнение рукописи с другими, точно датированными; почерк, орфография, особенности языка, орнамент, наконец, материал, на котором написана рукопись — все это дает основание для выводов: каждая эпоха, каждая местность имеет свои характерные черты, проявляющиеся тем или иным образом в памятниках письменности. II это тем более важно, что полагаться на имеющиеся в рукописях даты — нельзя без крайней осторожности. Напр., Октоих Академии Наук (№ 16. 13. 1), несомненно относящийся к XVI в., имеет дату «6888» (= 1380 г.), написанную по соскобленному. Наоборот, в другой академической рукописи (№ 33. 18. 14), относящейся к третьей четверти XVII в., на л. 349 стоит дата «1700 г.».

Но исключительно палеографические основания, не всегда удовлетворительно разрешают вопрос датирования списков. На основании внешних данных описатели рукописей Моск. Синод. (Патриаршей) библиотеки, напр., совершенно неосновательно приписали рукопись № 601 (344) митр. Киприану и № 952 (347) преп. Сергию Радонежскому. Следовательно, надлежит руководиться помимо внешних еще и внутренними основаниями. Так, списки древних богослужебных книг датируются по месяцесловам, их сопровождающим: в древнейших — нет упоминаний о русских святых: с 1157 г. упоминаются Борис и Глеб, в том же веке — и Феодосий Печерский: в XIV в. — Леонтий Ростовский,

с 1505 г. — митр. Алексей и т. п. (о времени их помещения в месяцесловы см. у Голубинского, «История канонизации русских святых». 2-е изд.). Важные хронологические указания дают титулы: эктении с упоминанием о князе или великом князе относятся к времени не позже половины XVI в.; тоже и относительно упоминаний о епископах, архиепископах, митрополитах, патриархах — о времени жизни каждого можно справиться точно (у Строева, «Списки иерархов») и установить, хотя бы приблизительную дату написания списка.

Памятник, сохранный разновременными списками, датируется несколько иначе. Конечно, факт наличия рукописей данного памятника, начиная с XII или, скажем, XIV в. — показывает, что он возник не позже указанного времени. Но более глубокое изучение обнаруживает иногда и более ранние даты, чем указываемые временем списания наличных рукописей. Памятник датируется на основании показания не только его языка, но и литературного стиля, состава, отражения в нем влияния других памятников, цитат из священного писания и других книг, а также на основании исторических упоминаний о лицах и событиях. Приемы композиции памятника, его стиль, красноречиво свидетельствуют о времени его возникновения; так, жития святых — до XIV в. обычно отличаются сухим, сжатым изложением, на первом плане в них стоит фактическое содержание (хотя бы и не всегда правдоподобное). С конца XIV в. жития пишутся пространно, в запутанных риторских выражениях, по особой схеме: предшествует биография святого ораторское предисловие, краткая похвала обращается в обширное похвальное слово. Биография — схематизируется по принятому типу жития всякого подвижника (см. иссл. Ключевского, «Др.-русские жития святых»).

Границы времени — в тех случаях, когда приходится датировать памятник приблизительно — мы обозначаем, указывая, когда всего ранее (*terminus a quo*) и когда всего позднее (*terminus ad quem*) можно предположить происхождение памятника. Так, напр., во 2-й ред жития Леонтия Ростовского говорится об основании новой соборной церкви в Ростове в 1164 г., причем упоминается «христолюбивый князь наш Андрей». Андрей Боголюбский был убит в 1174 г., следовательно, часть жития составлена между 1164 и 1174 г.г. Далее повествуется о судьбе мощей до 1194 г., положенных в соборной церкви, которая по летописи обрушилась в 1204 г. Но о последнем в житии не говорится. Следовательно, окончательный вид эта редакция жития получила между 1194 и 1204 г.г.

Время написания памятника определяют по наличности или отсутствию в нем упоминаний о событиях, которые не могли быть безразличны для автора. Так, послание известного украинского юлемиста Ивана Вишенского к епископам, опавшим от прабо-

славия, не имеет даты. Но оно адресовано «архиепископу Михаилу» и другим епископам, а киевский митрополит, Михаил Рогоза скончался в 1600 г.; это—«terminus ad quem». Вместе с тем в послании есть упоминание о заключении в темницу экзарха Никифора, что произошло в 1597 г. — это terminus a quo, который подтверждается тем обстоятельством, что Ив. Вишневский знал сочинение, дошедшее до него на Афон — «Оборона згоды з латинским костелом»; повидимому, это известный труд иезуита Скарги, вышедший в 1596 г. Следовательно, послание датируется 1597—1600 г.г.

Иногда древне-русские памятники заключают в себе иносказательные указания на время написания. Так, «Пророчества Соломона» историко-обличительный противуиудейский памятник имеет такую дату: «от того бо полона Титова до нынешняго лета вам уже работаючи у нас есть лет 1000 и 200 без тридесетех и трех лет», т. е. 1167; Титово взятие Иерусалима было в 73 г. по Р. Хр.; прибавив 1167 лет, получим 1242 год — год составления «Пророчества Соломона».

Определение редакции памятника может быть полезным для установления даты другого памятника, связанного с данной редакцией, хронологически определенной. Так, в состав сборника, известного под заглавием «Златая Матица», вошел Киево-Печерский Патерик — в Иоанновской редакции, возникшей в начале XV в. Следовательно, «Златая Матица» составлена не ранее XV в.

Иногда памятник датируется по цитатам из книг священного писания. Последние на славянской и русской почве имели свою историю. И вот, в зависимости от черт редакции, которою пользовался автор изучаемого произведения—определяется время составления последнего. Примером может служить знаменитый полемический памятник — «Толковая Палея». Одни ученые считали его переведенным с греческого (Успенский), другие—составленным в Болгарии (Шахматов); третьи (Михайлов, Истрин) обнаружили, что Т. Палея пользуется библейским текстом в русской редакции, явившимся в XIII в., и путем дополнительных соображений датируют ее 1230-ми годами, а местом составления считают северо-восточную Россию.

Очень редко мы встречаем определенную дату, говорящую о месте, где написан или составлен тот или иной памятник. В Архивском хронографе, возникшем не позже 1262 г., читаем: «скажем же о поганской прелести и в Литве нашей». Но гораздо чаще приходится определять место составления памятника по внутренним данным, по языку и стилю.

Ошибочная датировка памятника лишает исследователя прочного основания для его построений, влечет за собой ошибочные выводы.

§ 34. Определение неназванного автора.

Выше мы уже говорили о том, что в историко-литературном исследовании биографическому элементу должно быть отведено соответственное место, но с тактом и осторожностью, дабы не внести подробностей, не имеющих отношения к творческой деятельности изучаемого писателя. Но с этою оговоркой мы должны признать, что для историка литературы важно знать не только о времени и месте возникновения памятника, но и о его авторе: чрез последнего мы устанавливаем отношение памятника к среде, в которой он создан, определяем с большою легкостью воздействия и источники, в которых следует искать объяснение появления памятника.

Порою древне-русский автор называет свое имя, его повторяют и переписчики — и мы знаем, с кем имеем дело: напр., «месяца мая в 19 день преставление благоверного князя и преподобного отца нашего Игнатия, чудотворца Вологодского иже на Прилуде. Творение вкратце инока Логина той обители» (рукоп. сборн. Новгород. Древлехр., № 74); но очень часто памятники не имеют никакого надписания, не бывает даже имени вымышленного автора. Разыскивая автора, приходится: 1) внимательно пересматривать описания рукописей — на случай, если в другой какой-нибудь рукописи имя его упомянуто; 2) руководствоваться сравнением данного памятника с другими, более или менее близкими по времени, изучать его характерные особенности: способ изложения, стиль, лексику, синтаксис, а если это автограф — то и орфографию и почерк. Изредка древне-русский автор скрывал свое имя с помощью тайнописи (см. в руководствах по палеографии ак. Карского и ак. Соболевского, проф. В. Щепкина и в спец. исслед. Лавровского о др.-русском тайнописании). Зная системы древне-русской тайнописи, можем попытаться открыть автора, утаившего по каким-либо причинам свое имя от непосвященных.

Иногда автор, как и в наше время, скрывался под псевдонимом. Такие псевдонимные и анонимные сочинения иногда столь заметно отличаются своим особым, характерным стилем, что авторы их обнаруживаются относительно легко и с достаточной вероятностью. Так, несмотря на некоторые сомнения, все авторитетные специалисты согласны в том, что псевдонимный «Краткостовный ответ Феодула» и анонимная «Зачапка мудрого латышника с глупым русином» — принадлежат писателю конца XVI—начала XVII в. Ивану Вишенскому; тоже можно сказать относительно послания неизвестного автора XVI в. на лютеров, ярко обнаруживающего литературную полемическую манеру и стиль ц. Ивана Грозного. Ему же с большою уверенностью можно приписать произведения, подписанные именами «Иоанна деспота Российского» и, возможно, «Парфения Уродливого». Для обна-

ружения автора анонимного произведения по стилистическим особенностям его речи — само собою разумеется, необходима хорошая начитанность в памятниках древне-русской письменности. Для обнаружения новых авторов, скрывшихся под псевдонимами, помогает отчасти «Словарь русских псевдонимов», составленный Карцевым и Мазаевым, и различные мемуары, литературная переписка и т. п.

Вот два случая определения неизвестного автора. Древнерусское «Поучение о тропарных чашах» предположительно приписываемое св. Феодосию Печерскому, в некоторых списках надписывается именем св. Панкратия и относится к «первой неделе поста св. апостол». Память этого святого празднуется 9 февраля; этот день падает на 1-ую неделю Вел. поста, когда Пасха бывает 23 марта. Как раз в этот день Пасха была в 1068 г., т. е. при жизни Феодосия Печерского. Проф. Н. И. Петров и полагает, что 9 февраля 1068 г. было произнесено Феодосием это поучение, первоначальное заглавие которого должно быть: «Поучение (на память) св. Панкратия о крещении обеда и пития в первую неделю (великою) поста св. апостол, списано Феодосием худым мнихом».

Блестящий образец разыскания и определения автора анонимного произведения дает Н. П. Попов. В Ново-Спасском собрании оказалась юго-западная русская Толковая Псалтырь второй половины XVI в. без указания места составления и имени составителя. Подбор толкований — своеобразный. Ряд киноварных пометок обнаруживает, что составитель толкований имел в виду каких-то «печестивых», на первый взгляд — евреев. Наряду с этим — киноварные пометки называют каких-то «еретиков» и «слепых учителей». Едва ли эти нападки могли метить в «жидовствующих» (религиозных сектантов к. XV в.): 1) для последних ссылки на св. отцов были бы не убедительны; 2) школ у них для подготовки проповедников не существовало; 3) одно обличение имеет намек на учение антиринитаров. Действительно, толкования «иного», рассеянные по всей книге, направлены именно против антиринитаров — социниан, широко распространивших свою проповедь в Польше и Украине с половины XVI в. С этим согласны и показания языка памятника. Зная исторические условия, в которых развивалось культурное и литературное пробуждение в юго-западной Руси XVI ст., мы можем искать составителя книги: 1) либо около кн. Острожского, в Остроге, или 2) в Слуцке, около кн. Курбского. Но 1) кн. Острожский был другом вольнодумцев и не раз, видимо, получал от кн. Курбского увещательные послания по этому поводу; 2) язык толкований чище языка предисловия к Острожской Библии. Следовательно, надо искать составителя в ином месте. Он хорошо знает сочинения пр. Максима Грека, слепо следует его авторитету, как преданный ученик. В толкованиях встречаются отрывки из «Нового

Маргарита», сост. кн. Курбским, который был учеником Максима Грека, совершенно неизвестного до него на Украине. Манера снабжать текст схождениями (сказами), иногда весьма язвительными — характерна для Курбского, равно как и вычурные выражения, свойственные М. Греку и Курбскому. Все это приводит Н. П. Попова к заключению, что Тольковая Псалтирь — дело кн. Курбского и его сотрудников. Анализ исторических событий второй половины XVI в. приводит исследователя к выводу, что Т. Пс. составлена между 1564 и 1577 г.г. и, вероятно, — для учащихся Слуцкой школы, для которых Курбский также перевел некоторые учебные руководства.

Тщательный анализ может открыть в одном, на первый взгляд, памятнике несколько памятников, слитых воедино, как это удалось сделать ак. А. А. Шахматову в «Похвальном Слове кн. Борису Александровичу» XV в., изданном проф. Н. П. Дихачевым или С. А. Бугословскому — при анализе «Сказания о чудесах» Бориса и Глеба, составленного тремя авторами.

Авторы старинных стихотворений (вирш), подобно греческим христианским поэтам, оставляли след своего имени в акростихе, располагая буквы своего имени и звания последовательно, в порядке строф. Подобно этому и у нас, напр., в службе кн. иноку Игнатию по первым буквам тропарей можно прочесть имя автора: «Господи Боже, помилуй Игнатию». Многочисленные авторы похвальных и праздничных вирш XVII—XVIII в.в. также называют в акростихе свое имя (см. исследования о Богославнике 1791 г. проф. С. А. Щегловой, М. Возняка и др.).

В области изучения новой литературы мы наталкиваемся на необходимость, выяснить действительного автора того или иного литературного произведения. В XVIII в. пользовалось большою известностью сатирическое стихотворение «Гимн бороде», написанное Ломоносовым, как думали, по адресу старообрядцев, на деле же — направленное вообще против обскурантизма православного духовенства. В ответ на этот «Гимн» появился в рукописях «Гимн пьяной голове» — но не сатирического, а доносительского и бранного содержания, с угрозой скечь в срубе «богохульника». Автором долгое время считали В. К. Тредиаковского, основываясь на прочном нерасположении его к Ломоносову. Но сопоставление отдельных выражений, анализ стиля и современных общественных отношений убедил нас, что Тредиаковский тут ни при чем, и автором следует считать либо Петроградского митрополита Сильвестра (Кулябку), или кого-либо из приближенных к нему лиц (см. Ломоносовский сборн. изд. Акад. Наук).

Анонимная вводная статья в «Физиологии Петербурга» (1845 г.), приписывавшаяся Н. А. Некрасову — после убедительных соображений проф. П. М. Сакулина, должна быть признана принадлежащей перу В. Г. Белинского:

и основные мысли статьи, и ее детали, и соотношение их с высказанным Белинским в несомненно принадлежащих ему и подписанных статьях, даже отдельные выражения — все говорит в пользу соображений об авторстве Белинского, а не Некрасова, тогда еще совершенно малоизвестного, начинающего автора водевилей, рассказов и рецензий (см. Изв. Отд. р. яз. и слов. II. Акад. Наук. 1911 г., кн. 3).

Пренебрежение вопросом о действительном авторе изучаемых произведений может повлечь за собою грубые ошибки: какую, напр., ценность может представлять вывод о религиозно-философских интересах и воззрениях П. В. Кольцова, если он основан на всех стихотворениях, приписываемых ему — без выделения в действительности принадлежащих его учителю, семинаристу Сребрянскому.

§ 35. Изучение переводных памятников литературы.

Всякая литература пополняет свой состав двумя путями: самостоятельным творчеством своих национальных писателей и путем перевода литературных произведений, принадлежащих к литературам других народов. Древнерусская литература, а в значительной степени и новая русская литература — щедро черпали из чужих источников и идеи, и формы словесного творчества. Вот почему, встречая еще необследованный памятник, мы вправе усомниться и поставить вопрос — с оригинальным или переводным имеем дело. Ввиду такого громадного значения переводной литературы, весьма важным является вопрос о приемах изучения ее. Этими приемами мы и займемся.

Прежде всего необходимо точно и доказательно установить, что данный памятник представляет собой перевод, а не оригинальное произведение или подражание. В случае малейшего сомнения, следует скорее предположить, что он переводный и попытаться найти его оригинал.

Для разыскания такого предположительного оригинала следует обращаться к библиографическим пособиям и собраниям сочинений иностранных авторов. Для нахождения греческого, напр., оригинала — см. труды Баттифолья, «Патрологию» Минья (греч. серия), Истор. византийск. литературы Крумбаха; для средневекового латинского — см. указатель Поттгаста, Патрологию Минья, (латинск. серия); для древнееврейского — см. Историю др. еврейск. литер. Штейншнейдера и т. п. Перевод узнается по синтаксическому строению речи памятника, по оставшимся непереуведенным словам, по содержанию, которое явно не могло быть продуктом творчества русского автора, наконец, по ошибочному переводу отдельных слов. Например: в пергаменных и бумажных др.-русских рукописях встречается «Наказание св. Парриона к отрекшимся от мира»; но это

сочинение не принадлежит русскому писателю митр. Илариону (XI в.): 1) оно не только не надписывается его именем, но 2) в содержании нет черт, обнаруживающих отношение памятника к русской жизни и 3) вм. слов Христа «Иго мое благо» читается «иго мое помазано», что могло явиться только вследствие неправильного прочтения переводчиком греческого слова «chrēstos», как «christos»¹⁾, согласно позднему византийскому произношению. Отсюда вывод—памятник не оригинальный русский, а переводный и притом с греческого языка.

Как определить, с какого оригинала мог быть переведен данный памятник?

Круг переводной литературы был и в древности очень обширен. Мы имеем переводы с греческого, как, напр., «Александрия» русских хронографов, о чем говорят сохраненные в переводе слова: «палицу евелову» (ebelinén), «купарису» (kyparissois), «в полате» (en palatio). Аналогичным способом узнаются переводы с латинского языка, напр., в житиях Аполтинария и Вита — «patricius» ошибочно переведено «цетрець», «gratia» (предлог—«ради») ошибочно передано «благодать», имена богов перешли с латинскими окончаниями падежей, напр., «Минервам». Переводы с древнееврейского, напр., Виленский список библейских книг к. XV—и. XVI в.—сохраняют еврейские формы и неперевоенные еврейские слова: «Перуша-лаим», «Адонай», «Мицраим» и т. п. Примеры перевода с немецкого яз. дают многочисленные пьесы XVII в., где вся фразеология ярко свидетельствует об оригинале: «кровожадательный» (blutdürstend), «живи здорово» (lebe wohl), «беспохвальный народ» (unlöbliches Volk), «счастье» (Glückfall) и т. п. В переводах с польского—обычны полонизмы: в «Описании Сарматии» — «грабия» (граф), «поладине» (по латыни) и т. п. Переводы с чешского—обнаруживаются по тем же признакам, как это мы видим в «Библии» Скорины: сравним, напр., место из Острожской Славянской Библии «Заплетени е главы твоея яко багряница царьска, связана в преристанних», а у Скорины то же место: «И власы главы твоея яко злато-гла в царский, вложенный до жлабовк выпранию»; разница в подчеркнутых словах объясняется не различием в греческом и латинском текстах, а буквальным заимствованием из чешской Библии.

Случаи подобного рода промахов, обнаруживающих оригинал перевода—можно указать и в новой русской литературе, пытавшейся также обильными заимствованиями у соседей.

Способ перевода может быть различный. В одних случаях переводчик стремится понять мысль оригинала и передать ее возможно точно. В других случаях—а также весьма часты в древ-

За неимением греческого шрифта пользуемся латинским.

ней литературе—переводчик передает слово за словом; иногда же, как это бывало с некоторыми переводами с польского в XVII в. — просто переписывает русской азбукой латинку. Например, в переводе Апостегмат к. XVII в.: «гди Ореста крои таврийски хцял на гардле скараць, же сіе важиль образ Паллады богиніей внесць, Шиладес видзонць, ижъ прияціел в злей тоиѣ, новіедзял пред Кролем»... (рук. Q. XV. № 12 Петр. Публ. Б.); аналогичные случаи—в области виршевой литературы см. в наших «Исследованиях», т. I.

Сознательное отношение переводчика к оригиналу обнаруживается при анализе языка перевода: сознательный переводчик не гонится за буквальностью передачи; в темных для читателя, по его предположению, местах—дает глоссы; напр., в Хронике Иоанна Малалы при имени греческого бога «Гедиос» переводчик добавил—«его же наричють Даж-Бог», при словах «сын Гефеста»—«сын Сварогов». Такое же отношение к оригиналу наблюдаем у новых переводчиков. Упомянем еще одну черту: перевод не всегда совпадает с оригиналом: порою переводчик сокращает оригинал, передавая лишь то, что кажется ему существенным и опуская «неважные» детали; конечно, ясно, что, при такой передаче, памятник является в ином виде. Напр., долгое время всемирно известные «Арабские сказки тысячи и одной ночи» и «Дон Кихот» Сервантеса были известны русскому читателю лишь в сокращенной передаче, в изданиях «для детей».

Если мы имеем в переводе значительные отличия от его предполагаемого оригинала,—следует выяснить, принадлежат ли эти отклонения особому виду оригинала, или явились результатом работы переводчика. Исследователь должен выяснить в каждом отдельном случае все факторы, которые могли повлечь за собой изменения текста, и на основании такого анализа решить, что было причиной тех или иных изменений. Многого может нам иногда объяснить знакомство с личностью переводчика, средою, из которой он вышел, классом, к которому он принадлежал. Исторические и бытовые условия также влияют на переводчика, как и на оригинального писателя. Жуковский, напр., выбирал определенные произведения иностранных литератур и при переводе—сообщал им свою окраску. Будучи знакомы также со степенью культурного развития среды, мировоззрением ее в данную эпоху—мы можем судить о тех требованиях, которые она, а следовательно, и переводчик, как представитель класса и своей эпохи, предъявляли к литературным произведениям.

За определенным языком, с которого сделан перевод оригинала, особенностей перевода,—следует изучение разновидностей перевода, его редакций, которые могут быть довольно многочисленны. Часть ученых полагает—и справедливо, что только через научное освещение оригинала могут быть уяснены достоинства перевода, его жизнь и развитие (проф. И. Е. Евсеев). Пред-

принимая изучение судеб переводов, претворительно устанавливают те виды (редакции) оригинала, которые могли быть известны в ту или иную эпоху переводчикам; так поступали ак. Истрин, ак. Сперанский, проф. Вилинский, проф. Рыстенко, проф. Адрианова и др. Но эта работа может сильно уложнить дело, так как требует громадного времени на исследование чужеземных оригиналов. Анализ их, выяснение их литературной истории—по мнению упомянутого ак. Истрина—«составляет совершенно особую задачу, неисполнение которой славист, в интересах собственной своей науки, не поставит исследователю в вину; для его ближайших задач эта отдаленная история памятника вещь второстепенная».

Важнейшей и ближайшей задачей исследователя переводного памятника является решение вопроса о том, к какой редакции оригинала восходит данный перевод или переводы, если их несколько. С этой целью перевод в очищенном виде сравнивается со всеми оригинальными текстами.

Результат такого сочинения может быть тройкий: или перевод целиком восходит к одной какой-либо редакции оригинала; или представляет контаминацию двух или нескольких текстов; или значительно отличается от всех имеющихся в нашем распоряжении текстов оригинала. В последнем случае мы имеем два гипотетических объяснения: или переводчик свободно относился к оригиналу, или же—имел такой текст его, в котором заключались уже особенности, давшие начало особенностям перевода. Такой случай наблюдаем в переводе жития Алексея человека Божия (см. иссл. проф. Адриановой) и в паремейном переводе кн. Бытия (см. иссл. проф. Михайлова).

Время и место перевода древнего памятника представляет большую важность для историка литературы: путем выяснения во времени и места перевода определяется, что переведено у южных, или западных славян, у нас в России, на Афоне и пр. Таким образом, устанавливаются литературные и культурные связи между русскими и другими народами. Вопрос о месте перевода решается главным образом на основании словарного материала, заключающегося в переводном тексте. Так определены старославянские памятники, переведенные с латинского языка у западных славян; в них встречаем на месте обычных заимствованных у греков—«адъ», «литургия», «крестъ» и др.—«пъкъль», «мыша», «крижъ» и т. п., свойственные западно-славянским языкам (ак. Соболевский). В XVI в. является сборник поучений «Новый Маргарит», составленный русским эмигрантом кн. А. Курбским; он переведен на Украине, о чем говорят слова: «из Евангелии», «першие недѣли», «клейноть», «ацбо» и др. слова, заимствованные из польского языка. Известный переводный памятник древней Руси—«Пролог» (сборник кратких житий свв. и поучений), повидимому, переведен был, как и «Пче-

ла»—не в Болгарии, а на Руси, о чем говорят руссизмы перевода (напр. «верста» в значении расстояния); возможно, «Аристотелевы врата» XVI в.) были переведены в Московской Руси, а не на Западе (счет на гривенки).

Время перевода определяется приблизительно по наличности старейших списков памятника, с помощью палеографического обследования а также по внутренним данным, заключающимся в памятнике или в заметках при нем, по свидетельствам других памятников, наконец, по языку. Суждения на основании древности списка мало основательны: случается что старейшие списки памятников относятся к XV или к XVI в.в., а, между тем, несомненно, что он должен был существовать уже с первых годов письменности у славян. Анализ языка и характер перевода, хотя и не дают строго определенных хронологических границ,—все же являются лучшими свидетелями; первый показывает нам на определенный период господства в языке тех или иных грамматических форм; буквальность перевода свидетельствует о древнейшей эпохе, до XIV в. Зависимость одних памятников от других—также дает ключ для датировки: напр., первый перевод «Откровения Мефодия Патарского» был сделан не позже начала XII в., так как он был уже известен автору «Начальной Летописи»; или другой пример: «Александрия» в половине XIII в. находится в соединении с хроникой И. Малалы, но не в своем первоначальном, а уже в немного измененном виде. Это обстоятельство может служить доказательством, что первый перевод «Александрии» сделан или в конце XII в. или в самом начале XIII-го. Определение времени перевода значительно облегчается, если известен переводчик.

Для литературной истории памятника, а также для определения степени популярности, важно знать ч и с л о его переводов. Число переводов определяется путем сравнения текстов и изучения их языковой стороны. Напр., если мы возьмем рукописную Триодь собр Шафарика XII в. и Орбельскую Триодь XIII в., то увидим (ниже текста раскрыты):

XII в.

«Истинѣ испытникъ и тайныхъ вѣстелю господи фарисеа тщеславиемъ побуждаема, еже добродѣямъ оправдающа осудилъ еси, мытарѣ же покааньемъ молящася отъ оноу осужденна оправдалъ еси».....

XIII в.

«Испытникъ истинѣ и тайнымъ вѣдецъ господи, фарисеомъ тщеславиемъ оделѣвающа, еже добродѣаньемъ оправдающася осудилъ еси, мытоемца же смѣрениемъ молящася, онемъ осужена оправдалъ еси»....

Здесь переводы сделаны с одной редакции оригинала: различия в несовпадающих отдельных словах и формах обличает

двух переводчиков. Иной вид имеют различные переводы с различных редакций оригинала, напр., в «Житии пр. Евфросинии, нарицаемой Измарагд»:

ТЕКСТ Вел. Чет. Мин.
(изд. Археогр. Ком.).

«а свекръ невьсты плакашеся, зять жены рыдаше, отецъ дщере плакашесе, глаголя: лють мнѣ, чадо сладкое, лють мнѣ, свете очию, моею, люте мнѣ увѣте моя душа! Кто мое сокровище украде? кто мое имѣние възхити? Кто мое богатство растроши? Кто моему дому поя лихоту. Кто мою надежду пояль есть? Кый влѣкъ снѣдаеть мою овцю. Кое мѣсто солнечнообразную ту доброту сокры»?...

ТЕКСТ Сборн. Типогр.
Библи. № 11/383.

«свекор снохи рыдаше, а жених не стыдно плакашесе, а отецъ дщери вопияше, рек тако: ох, увы мнѣ свѣте очию моею, увы мнѣ чадо мое, утѣхо души моей, пленец гнѣзда моего. И кто дом мой восхити? Кто ли обител мою разсыпа и кто дом мой взя, и кто солнечную красоту под сѣнию скры. Не могу же света сего зрети, не видя тебѣ. чадо мое Евфросиния».....

От вторичного перевода следует отличать пересмотр или правку старого перевода. Этот пересмотр бывал или по списку прежней редакции оригинала—тогда различия бывали лишь словарные; или—по другой, более пространной, или сокращенной редакции, в зависимости от чего в переводе являлись соответственные изменения. Так, Житие Алексея человека Божия в Троицкой редакции (XIV в.) есть пересмотренный и дополненный по другой редакции перевод, известный ранее в редакции Златоструя (XII в.). В Макарьевском тексте (Вел. Чет. Мин. XVI в.) мы встречаем снова то же явление: основой для митр. Макария послужил перевод Троицкой редакции, отчасти—ред. Златоструя, но эти тексты были сведены и исправлены вновь по греческому оригиналу (проф. В. П. Адрианова).

Бывают в древне-русской письменности и случаи подновленного перевода, напр.:

Хлуд. рукопись XIV в.
№ 195.

«Благу реть составите егуптскимь чрьнице мь сравнати се или прѣити сихъ паче изволившемь въздржаніемь вашимь добротнымь».....

Солов. рукоп. XVI —
XVII в. № 209:

«Благу ревность составите ко египетским иноком рекше сравнятся или превзыти сих изволивши въздржаніемь вашимь добродетельнымь».....

Очевидно, что переписчик заменил здесь древние забытые церковнославянские слова новыми, имевшими для него ясное

значение; здесь не порча и не новый перевод, а лишь подновление.

Историкку следует попытаться выяснить причины перевода изучаемого памятника; ясно, что ряд памятников вошел в нашу литературу, вследствие принятия христианства; засим—как результат стремления греков сохранить новоприобретенную паству от искушений со стороны латинских и иудейских проповедников, возникли полемические сочинения против латинян, изд. Поповым, Толковая Палея, и др. антииудейские трактаты); общественные и политические события также влияли на появление новых переводов (напр., слово или откровение Мефодия Патарского и другие эсхатологические сочинения). Подобно тому, как мы изучаем судьбу оригинального памятника в течение его существования в литературе—изучается и переводный. Текст его не оставался без изменений,—даже такой почитаемый, как текст библейских книг. Памятники, не церковные, подвергались иногда капитальной переработке в духе требований времени. По характеру этих переработок, историк судит об изменении общественных запросов и литературных вкусов среды.

В заключение исследуется влияние переводного памятника на последующую оригинальную литературу и народную словесность. Ряд церковных песнопений, легенд, апокрифических сказаний—нашли себе отражение в русской словесности, или целиком, или в виде элементов, образуя материал для подражательного творчества. Особенно рельефна в этом отношении была судьба уже упоминавшейся нами старинной христианской повеллы—«Жития Алексея человека Божия». Известное на Руси в нескольких редакциях, оно отразилось в ряде русских житий, начиная с древнейших; засим оно вызвало ряд проповеднических трудов, драматическую обработку, религиозные стихотворения, народные духовные стихи и даже в новой русской литературе XIX в. нашло двух авторов, обработавших его трогательный сюжет (см. иссл. проф. А д р и а н о в о й).

Переводная литература нового периода, XVIII—XIX в.в.—является неисчерпаемым источником данных, для понимания процесса усвоения русскими идей и форм европейских литератур. Не все русские писатели этих веков знали хорошо иностранные языки. Многие—питали свое творчество переводами. Здесь еще непочатый угол для работ русских ученых.

§ 36. Подделки и способы их обнаружения.

Встарину и в XVIII в., когда только начинались опыты историко-литературных изучений, мало умели разбираться в вопросе о подлинности и поддельности памятников древней письменности. Оживление интереса к старине способствовало появлению подделок, среди которых прославились подделки некоего Села-

кадзева, введшего в обман своими «гимнами» и «проречениями» волхвов и жрецов I и II-го века и т. п. раритетами многих неразборчивых любителей отечественной старины, между прочим— и поэта Г. Р. Державина. Но и раньше известны были подделки, гораздо более искусные—напр., статейные списки Сугорского, житие Анны Кашинской, мнимый дневник старицы Марии XV—XVI в. и друг. Подделка диктовалась не только наивностью и тщеславием, но и корыстью аферистов—антикваров. Таков подложный список Слова о ц. Игоре в Моск. Румянцевском Музее или Поучение Владимира Мономаха в Петрогр. Общ. Люб. Древн. письм. Иногда подделка зависела от политических соображений—так, возникло при Петре I «Соборное деяние киевское на арменина еретика Мартина» (1718)—с целью борьбы с старообрядцами; выдававшееся за памятник XII в., оно и по содержанию и по языку, и по почерку оказалось изделием начала XVIII в. Часто фальсифицировались записи с датой, чтобы рукопись казалась более древней неопытному глазу, напр., в книге «Песни песней» к. XVII—и. XVIII в. (Акад. Наук 16. 7. 14) поддельная запись о продаже рукописи в 7042—(1534) г. Фальсификацией памятников народного творчества прославился в 1840-х годах И. И. Сахаров, изобличенный П. А. Бессоновым (в свою очередь изобличенным в том же—П. И. Якушкиным). И в наше время периодически появляются подделки этого рода, например, Сказка «Алеша Попович», Пермь, 1914 г., записанная (?) Л. Е. Воеводиным. Такие подделки обнаруживаются путем изучения их языка и стиля, а также ритма и строения стиха, причем обнаруживаются близость указанных сторон изучаемого произведения к литературному, книжному творчеству.

Если мы имеем дело с подложною записью или если нужно проверить правильность отнесения того или иного списка памятника к определенной дате—достаточно знать элементы палеографии. Но в большинстве случаев, для определения подлинности или подложности памятника—этого недостаточно. Необходим внутренний анализ, в сочетании с палеографической оценкой списков. Если мы, напр., знаем, что Кирилл Туровский умер в 1184 г., то очевидно, его «слово» в датированной рукописи XI или нач. XII в.—есть подлог, подобно тому, как какое-нибудь произведение Симеона Полоцкого (втор. пол. XVII в.), написанное—почерком XV или XVI века. Второе, что обличает подделку—это язык! Известно, что каждая литературная эпоха имеет свои особенности языка. Подделыватели обычно выдают себя незваным языком той эпохи, к которой приурочивают свою подделку—языком, которым говорил и писал фальсифицируемый ими автор. Пример—упомянутые подделки Селакадзева.

Обнаруживается подделка и на основании анахронизмов (хронологических несоответствий), встречающихся в памятниках. Подлинность древнего памятника подтверждается наличием

стью цитат из него в последующей литературе. Примеры: популярная в древней русской литературе «Александрия» — отнюдь не продукт древне-эллинического творчества: даже в древнейшей редакции ее боги, призываемые волхвом Нектоном, названы «мнимыми», что в устах грека, современника Александра и его историка Каллисфена было бы немыслимо. Мало того, «Александрия» не может считаться принадлежащей Каллисфену, ибо он (племянник Аристотеля) умер до конца похода, описанного в «Александрии». «Моление Даниила Заточника» — по свидетельству текста, чудесным образом попадает в руки князя через рыбу, проглотившую это прошение о помиловании: ясно, что придавать историческое значение этому памятнику нельзя. С другой стороны, — бывшее долгое время под сомнением «Слово о Полку Игореве» в настоящее время не возбуждает сомнений относительно своей подлинности: последняя подтверждается рядом параллельных слов, выражений и грамматических форм, существовавших в XII в. и бывших в употреблении в поэтическом языке того времени; затем, цитатами из «Слова» в записи Аюстола 1307 г и летописи, наконец, рядом подражаний «Слову» в памятниках XV—XVI в.в., относящихся к Куликовской битве. Все эти памятники не были известны в науке в к. XVIII в.; равным образом, подделыватель в то время не мог обладать и таким знанием истории русского языка, какое необходимо для подобной подделки.

Итак, для признания сомнительного памятника подлинным необходимо установить

1) Соответствие внешности его (почерк, шрифты) языка и стиля — тому, что нам известно о несомненно подлинных памятниках данной эпохи и данной среды.

2) Соответствие содержания и духа памятника тому, что нам известно об эпохе и месте.

3) Соответствие содержания и формы памятника всей обстановке и условиям развития данного жанра памятников (напр., «Степенная книга» датированная XIII или XIV в. или вирши — датированные XIV—XV в. могут быть смело признаны подделкой, или снабженными поддельной датой).

4) Нет ли в содержании или форме памятника указаний на неправдоподобный способ нахождения или передачи его.

Всякие сомнительные по происхождению произведения литературы — должны быть оставлены в стороне историком литературы, подобно продолжению «Русалки» Пушкина, защищавшемуся некоторыми учеными, поддельность которого и принадлежность перу Зуева была доказана А. Сувориным.

Сомнительные произведения, вроде «Гавририады» (Пушкина или Горчакова?) или некоторых стихотворений Кольцова (Кольцов или Сребрянский?) или Боратынского (он или С. Глинка?) не могут быть признаны прочным материалом для построения каких бы то ни было заключений относительно творчества авторов, которым они приписывались. Только после осне

важных доказательств их принадлежности тому или иному автору они могут быть использованы, как историко-литературный материал для объяснения творчества определенного поэта.

§ 37. Научное издание.

Для того, чтобы произведения древней и новой литературы стали доступны для научного исследования широкого круга ученых и для чтения интересующейся публики—приготавливают издание. Издать памятник вовсе не значит напечатать его по первой, попавшейся рукописи или старому изданию. Научное издание имеет свои правила, стоящие в зависимости от установленных приемов филологического метода и дающие гарантию, что памятник литературы предстанет пред читателем в подлинном виде, не засоренный ошибками, вставками, пропусками.— одним словом будет представлен в том виде, который он имел, выйдя из-под пера автора и согласно его конечному замыслу. Это обстоятельство не всегда учитывали наши старинные издатели, среди которых бывали и выдающиеся по своим познаниям ученые. Напр., Тихомиров в «Сказании Афродитиана» по списку XIII в. допустил ошибки: «видѣхом» вм. «вѣдѣхом», «бы» вм. «бысть», «человѣцю вещь» вм. «человечю вещь», вследствие чего явятся соблазна ошибочно относить список и весь сборник к Новгороду (что было бы неправильно); у него же в «Русских драматических произведениях 1672—1725 г.г.» читаем «в кочергу» вм. «в корчагу», «дивку» вм. «буду человекку», «старик» вм. «мужик» и т. п. П. Беляев, издавая «Слово о вел. кн. Дмитрии Ивановиче», напечатал «всем венец в будущем» вместо «в сем вене вене и в будущем». Анненков в своем издании сочинений Пушкина дал в «Борисе Годунове» такое чтение:

«Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на полу кровавом всенародно
Мы не поем канонов Иисусу»,

тогда, как следует читать «и а колу».

Из сказанного вытекает необходимость большого внимания со стороны издателя, дабы не испортить по небрежности текста издаваемого памятника.

Но этого мало: издающий древних и новых писателей должен иметь и хорошую библиографическую подготовку. Известно, что тексты древних и новых памятников раскиданы по библиотекам; издатель должен собрать сведения о существующих списках и изданиях, расклассифицировать их, положив в основание работы принципы, изложенные выше (см. § 27 о критике текста). Теперь уже не издают первого попавшегося списка, а пытаются восстановить архетип памятника или — если памятник уже был напечатан — первое его издание (*editio princeps*). Иногда

издают наиболее типичный и старший список. Во всяком случае текст издаваемого произведения литературы снабжают «аппаратом» для критики текста: собирают варианты—т. е. разночтения списков (или печатных изданий), чтобы 1) в сомнительных случаях, изучая текст, мог восстановить исправное чтение и 2) чтобы было возможно видеть судьбу текста в рукописной или печатной традиции. Каждое допускаемое издателем изменение (исправление), в издаваемом тексте должно быть оговорено в примечаниях критического аппарата; там же должны быть оговорены неразборчивые слова рукописи, дабы читатель мог контролировать издателя и не зависел от его фантазии и произвола в понимании и толковании текста. Как образец—см. Ипатский список летописи, изд. ак. А. А. Шахматовым в 1908 г. (Полн. собр. р. летоп., II). Следует упомянуть еще, что при составлении критического аппарата должно пользоваться списками памятника в одной и той же редакции, а не в разных. Внесение вариантов из другой редакции может быть оправдано лишь там, где самые редакционные отличия списков сводятся к чисто механическим пропускам, как, напр., в известном «Слове о законе и благодати» м. Платона.

Относительно воспроизведения в печати древних памятников следует заметить, что обычно их передают уставным или полууставным церк.-слав. шрифтом, если памятник относится к XI—XV в.в. Это дает возможность передавать текст буква в букву, с соблюдением сокращений и знаков. Пергаменные, писанные уставом тексты—передаются строка в строку, что дает возможность в случае повреждения списка и утраты части текста—восполнить недостающее, основываясь, между прочим, и на счете букв в строке. Памятники XVI—XVIII в.в. обычно передаются гражданкой, но иногда приходится прибегать и здесь к внесению надстрочных знаков и к сокращениям—в тех случаях, где исследователем слово может быть прочтено двояко, с разным смыслом, и дает возможность различного толкования.

Новые писатели для широкой публики издаются обычно общепринятой орфографией; но для научного исследования—желател. иметь тексты, изданные с соблюдением орфографии оригинала.

К сожалению, если для древних произведений литературы нашлись опытные издатели, давшие почти безукоризненно приготовленные тексты, то новых авторов, научно изданных, мы почти не знаем. Укажем на лучшие издания, могущие быть образцом: Тихонравовское издание сочинений Гоголя, академические—Кольцова, Баратынского, Грибоедова и Лермонтова.

Последовательное изучение ряда старых изданий русских писателей открывает иногда весьма ценные обстоятельства их творчества и обнаруживает важный биографический материал,

скрывающийся иногда в вариантах изданий. Напр., проф. Сиповскому, путем сличения вариантов изданий «Писем русского путешественника» Карамзина удалось получить определенные данные, свидетельствующие о том, как постепенно из ирраснодушного либерального юноши выработался человек консервативного склада мыслей. Подобная работа значительно была бы облегчена относительно других авторов, еслибы издатели давали разночтения изданий, сделанных при жизни самими авторами.

§ 38. Примерный путь историко-литературного исследования.

Мы обозрели различные методы и приемы научного исследования памятников словесного творчества, и теперь нам надлежит подвести итоги. Две задачи предстоят исследователю: всесторонний анализ явления и затем синтез. Суммируем сначала приемы анализа. Он должен быть глубоким, всесторонним и проведенным последовательно через все фазы изучения.

Начнем с нахождения памятника: оно может быть или случайным, при обозрении рукописей и книг, или описаний древне-хранилищ и каталогов библиотек; может быть и намеренным, когда исследователь, поставив себе общую задачу, обращается к деталям ее выполнения. В обоих случаях приходится пользоваться справочными пособиями, тщательно просматривать описания рукописей и каталоги, делая точные отметки необходимого для исследования материала.

Когда памятник найден, следует внимательно ознакомиться с содержанием его—прочесть его. Да и в том случае, когда перед нами памятник новой русской литературы—правильное прочтение его играет важную роль: большая, напр. разница между традиционным и ничего не говорящим чтением «История села Горохина» Пушкина и рукописным—«Г о р ю х и н а».

Если это памятник древней письменности—помощь окажет палеография; она же поможет датировать и данный, и другие списки памятников.

Мало прочесть памятник—нужно понять его надлежащим образом, согласно с намерением автора: иногда от неправильного понимания какого-нибудь одного слова зависит решение исторической задачи (см. иссл. Н. Фунницкого о Клименте Словенском, с. 218—219). Для правильного понимания древних памятников следует не полагаться на «чутье», а пользоваться словарями (Миклошича, Срезневского). Но при выборе соответствующего значения нельзя брать первое попавшееся, или кажущееся нам пригодным: необходимо соблюдать «правило контекста» (Ланглюа и Сеньобос, 120), т. е. для установления точного смысла слова брать его в контексте, в связи с прочими, с которыми оно стоит в грамматической связи, и связано также по смыслу всей

речи. Правильное понимание—вещь не всегда легкая. Де Смедт указывает такие препятствия: чрезмерное стремление авторов к изысканному, иногда—преднамеренно-темному языку—как напр. во «Временнике дьяка Тимофеева (Р. Ист. Библи. т. XIII) о событиях смутного времени; или неправильности и неточности языка, обилие терминов употребленных в необычном смысле; незнание древним автором и новым его читателем правил этимологии и синтаксиса (см. напр. болгарские и молдавские тексты XV—XVI в.в.), с разрушенным склонением, для понимания которого нужно хорошо знать историю болгарского языка.

Исследователь должен изучить специальные оттенки речи каждой эпохи, уметь понимать намеки и цитаты, относящиеся к общезвестным событиям и ходячей литературе изучаемой эпохи,—словом, так непосредственно понимать памятник, как тот круг читателей, к которому обращался автор (Бергейм). Иногда, как напр., в «Слове о полку Игореве», случается, что текст не поддается переводу и пониманию. Тогда лучше признать текст непонятным или двусмысленным, чем произвольно фантазировать, предлагая сомнительное понимание (Де-Смедт).

Следует читать памятник внимательно, чтобы не принять несколько памятников за один, как напр. случилось у Дихачева—«Слово похвальное о кн. Борисе Александровиче» или у Бодянского, принявшего часть «Беседы Сергия и Германа» без предисловия—за «Рассуждение инока Вассиана о неприличии монастырям владеть вотчинами».

Почтя памятник, следует собрать все списки (или издания) его и литературу о нем. Но прежде всего надо вчитаться в эти списки, а после—читать литературу о памятнике, а не наоборот. Некоторые, читая литературу о памятнике—преждевременно составляют о нем свое мнение и только после этого берутся за тексты. В итоге предубежденный ум читающего отказывается принимать то, что противоречит уже сложившемуся у него убеждению, и выуживает из памятника не действительные данные, а только то, что соответствует заранее составленному мнению.

Когда приходится разыскивать списки памятников по каталогам и описаниям рукописей—не следует руководствоваться только заглавиями и доверять им: напр., под заглавием «Житие Алексея человека Божия» скрываются различные виды этого произведения, а под заглавием «Мечь духовный» — два совершенно различных памятника, не имеющих между собою ничего общего: 1) сборник проповедей архиеп. Черниговского Лазаря Барановича, изданный в 1666 году и 2) полемическое сочинение безлоповца Федосеевца, Алексея Самойловича († 1771 г.), известное во многих списках (и печ. изд. XIX в.).

Бывают в старинной литературе случаи, когда одно произведение носит разные названия: «Богословие Иоанна Да-

маскина в перев. Иоанна Экзарха Болгарского названо «Слово о правѣй вѣрѣ», в более поздних списках оно называется «Небеса», а иногда—«Увѣріе».

Одинаковое начало — находим у многих статей древнерусской литературы, вследствие чего полагаться на начала—также нельзя. Пример: начало «Тайну цареву добро есть хранить» (из кн. Товии, гл. 12—имеем:

1) в житии Марии Египетской, сост. патр. Иерусалимск. Софронием;

2) в житии преп. Нифонта, еп. Констанцини града Кипрского;

3) в слове пр. Нифонта к верным (Измарагд);

4) в статье «о тайне обхождения дня Пасхи» Афанасия патр. Александрийского;

5) в слове похвальном пр. Сергию Радонежскому, сост. Епифанием Премудрым;

6) в житии пр. Кирилла, начальника пустыни Челмыгоры, Каргопольского нов. чудотв. (старообрядч.);

7) в житии св. Ефрема Новоторжского чудотв.);

8) в «Книге глаголемой Проскенитарий» (старообр.);

9) в «сказании священнопротопопа Аввакума и перся Лазаря и дьякона Феодора и инока Епифания страдалец новых»;

10) в Послании старообр. дьякона Феодора, страдальца и исповедника;

11) в «Собрании от божеств. писаний о сложении перст... и о прении старца Арсения со греки».

Когда списки подобраны, следует сделать классификацию их, о чем уже сказано выше. При этом—в испорченных местах, при сравнении списков — удобно собрать материал для реставрации испорченных мест, руководясь принципами критики текста (см. выше).

Уже из сказанного выше ясно, что языковая сторона памятника должна быть изучена внимательно; и при том не только в собственно грамматическом отношении, но и в отношении словарном и стилистическом; за сим—исследователь должен обратить внимание и на композицию, и вообще на все приемы творчества изучаемого автора.

На основании такого изучения мы получаем право поставить вопрос, оригинальный перед нами памятник или переводный.

Если есть сомнения в оригинальности—разыскиваем оригинал, с которого мог быть сделан перевод.

Когда эти вопросы решены, то на основании классификации и детального обследования списков мы определяем архетип памятника и последовательно возникшие из него редакции и восстанавливаем историю текста памятника, извлекая дан-

ные из всех списков. Если памятник переводный, определяем отношение его к оригиналу и его редакциям, если оригинал имел свою литературную историю.

Далее следует определить отношение изучаемого памятника к другим, предшествовавшим ему и современным, установить зависимость его от них и их зависимость от него в текстуальном и идейном отношении. Так мы приближаемся к определению источников. Источники литературного памятника могут быть письменные и устные, оригинальные и переводные.

Определение источников достигается путем применения сравнительного метода, при чем следует иметь в виду: 1) источники основного вида памятника (архетипа) и 2) источники наслоений и осложнений. Первые важны для определения времени возникновения памятника и литературных вкусов его творца; вторые важны для характеристики условий, в которых протекала литературная история памятника. Само собою разумеется, в качестве источников могут быть привлекаемы к исследованию лишь те памятники, которые возникли и существовали до возникновения изучаемого нами. Сближения следует подтверждать путем текстуальных сопоставлений, ибо «идея», «общий дух» и пр. вещи весьма трудно уловимы и могут являться в произведениях разных авторов независимо от влияния одного на другого. Стилистические совпадения гораздо красноречивее и убедительнее говорят о таком влиянии и заимствовании, чем голословные «общие соображения». Заимствования древних памятников из книг свящ. писания обнаруживаются довольно легко с помощью «симфоний» или «конкорданций», но при этом, сопоставляя тексты, следует цитировать их в возможно близком по времени виде к моменту составления памятника: исследуя источники памятника XVII в. нельзя, напр., пользоваться правленным при Елизавете текстом Библии, а следует взять либо Острожское издание 1581 г., либо его Московскую перепечатку XVII в. В случаях текстуальных совпадений в памятниках старинной литературы следует быть очень осторожным и не спешить с выводом о зависимости одного от другого; так напр., в древней повести об Акире премудром, читаем: «возверзи на Бога печаль твою и той ты препитаешь»; в повести о купце Басарге—буквально то же (Рум. Муз. 378). Значит ли это, что автор повести XVII в. заимствовал эти слова из древней повести об Акире? Нисколько: оба места восходят к Псалтири, LIV, 23.

При подозрении, что изучаемый автор воспользовался трудами предшественников—мы подыскиваем их. Так обнаружены источники Жития кн. Александра Невского (см. иссл. проф. В. Мансикка), «Наказа» Екатерины II (Монтескье, Беккарна), источники «Путешествия» Радищева (Рейналь), «Писем» Карамзина (путеводители по Европе), «Плача» М. Смотрицкого (кн. прор. Иеремии, польские авторы XVI в.).

Если источники до нас не дошли и никакие библиографические разыскания не дают удовлетворительных результатов, тогда возможна лишь внутренняя критика. Ставят вопросы: есть ли склонность у данного автора к заимствованиям в других его произведениях; ровен ли стиль изучаемого произведения; соответствует ли он всюду обычным приемам автора и т. п. Вставочные места обычно узнаются по стилю, по слабой связи с контекстом. Иногда для обнаружения заимствований требуется лишь небольшая начитанность, но часто исследователь должен внимательно и долго трудиться над изучением памятников соответствующего периода и предшествующих им. Устные источники иногда объясняют многое в истории памятников, напр., в судьбе легенды о Меркурии Смоленском. Бывают случаи, когда произведение устной словесности записывается, подвергается литературной обработке, и она влияет на устные пересказы; бывает и так, что письменные памятники становятся достоянием устной традиции, а затем вновь записываются (Пов. о Басарге). Исследователю надлежит внимательно изучить эти перекрещивающиеся пути в судьбах старых литературных памятников.

По таком всестороннем изучении памятника мы большую часть уже имеем данные для датировки его времени и места появления его; материал для этого дают и взаимоотношения списков, цитаты и извлечения в других памятниках, и заимствования из других, показания языка и стиля.

О п р е д е л е н и е а в т о р а, если он не назван, или если названный вызывает сомнения—производится по внутренним показаниям, по упоминаниям в других сочинениях, по стилю и языку. Биография автора, если она может быть выяснена, отчетливее обнаруживает перед нами смысл деталей памятника и самый процесс его создания в связи с жизнью его творца. Чрез биографию мы уясняем отношения памятника к историческим условиям его создания. Личность автора полезно знать: чрез нее проходят и преломляются интересы и идеи эпохи, литературные вкусы и ее теоретические понятия. Нельзя обойти также и изучения литературного памятника на фоне исторических событий его времени и всего культурного состояния среды, в которой он возник и вращался.

С т а т и с т и ч е с к о е изучение списков древнего памятника и изданий нового—дает богатый материал для эстетсихологических соображений, равно как и изучение подражаний и переработок изучаемого памятника, иллюстрирования его и проч. Особую ценность для правильного освещения господствующих вкусов эпохи имеет также и изучение критических отзывов о памятнике (напр. об «Учительном Ев.» Транквилиона—отзывы Иова Скитского, Сим. Полоцкого; о комедиях Крылова—«Драматического Вестника» и др. журналов и т. п.

Внутри каждого жанра наблюдается свое развитие, ведущее к изменениям разного рода. Следовательно, нельзя миновать и изучения памятника по отношению к другим памятникам данного жанра, предшествующих и последующих литературных эпох.

Нельзя также обойти молчанием отношение памятников к морали и эстетическим представлениям их времени. И то, и другое, по внимательном освещении, даст материал не только для понимания памятника и замыслов его автора, но и укажет место памятника среди ему подобных. Но, конечно, и эстетические и этические критерии не должны приниматься на веру, как нечто абсолютное: исследователь должен твердо держаться на исторической почве, не давая себя увлечь понятиями нашего времени.

Для понимания значения литературного памятника важно установить и отношение его к изобразительным искусствам, и к музыке: живопись, скульптура и музыкальная композиция на мысли и слова литературного произведения определяют степень воздействия его на эмоциональную сторону его современников и потомства (оперы «Игорь» Бородина, «Евгений Онегин» и др. Чайковского и пр., романсы).

Изучение приемов творчества автора—бросит свет на решение вопросов исторической поэтики, теории и психологии творчества.

В перечисленном ряду вопросов, подлежащих разрешению исследователя, самый важный, самый конечный — это обнаружение отношений данного произведения к общей эволюции словесного творчества.

Исключается ли в только что перечисленных вопросах какой-либо из методов исследования. Полагаем, что нет. Мы принимаем во внимание и эстетическую и этическую оценку памятника, но, конечно, лишь в историческом освещении и перспективе. Мы изучаем стиль памятника и язык его, как чувственное, осязаемое выражение настроений поэта и вкусов эпохи; изучаем биографию автора, среду, в которой он жил и творил и т. п. Внимательно относясь к указаниям опыта, мы уже знаем, что одностороннее увлечение какою либо одною точкою зрения при историко-литературном исследовании влечет и односторонние выводы. Следует помнить, что все методы, подвергнутые нами анализу—кроме филологического, статистического и сравнительно-исторического, в изолированном применении влекут за собой исследователя в область не историко-литературных вопросов, а в область вопросов и настроений культурно-исторических и философских, оставляя без внимания—существеннейшую сторону творчества в слове—самое слово, формы творчества, существенную сторону, составляющую отличие истории литературы от других исторических наук.

Изучая явления словесного творчества в их развитии, следует всегда помнить, что для историка литературы объектом изучения является не только то, что говорят авторы, но и в большей степени—то, как говорят они. Таким образом, предметом историко-литературного анализа является изучение истории развития сюжетов, их понимания и трактовки авторами разных эпох; изучение композиции и стиля, как выразителя духа эпохи и индивидуальности поэта. Таким образом, история литературы—не есть только история книг, или только история идей самих по себе. Она есть история литературных форм, воплощающих идеи и идей—поскольку они влияли на эволюцию форм.

Чтобы с успехом работать над анализом литературных фактов, прежде всего необходимо иметь любовь и природную склонность к этой работе. Затем—иметь наблюдательность, быть внимательным—дабы избежать неточностей; не быть торопливым в погоне за внешним успехом; доверять только фактам, а не фантазиям; но факты принимать лишь после тщательной критической оценки; быть способным отрешиться от симпатий и антипатий литературных и общественных и иметь терпение работать, не опережая исследование голословными выводами и гипотезами. Само собою разумеется—анализ литературных явлений требует соответственной подготовки; любительство, дилеттантство в науке—составляют серьезное препятствие к удовлетворительному разрешению задач, которые ставит себе исследователь.

§ 39. Построение историко-литературного исследования.

Исследуя отдельный литературный факт, следует помнить, что он лишь часть великого целого—истории всемирной литературы; только при этом условии отдельный факт приобретает значение для историка. Мы не успокаиваемся на анализе отдельных фактов, а пытаемся связать их в исторической последовательности и найти данные, объясняющие условия их возникновения и взаимной обусловленности. Мы стараемся уловить путь видоизменения, трансформации литературных явлений и построить картину литературной эволюции. Ланглюа и Сеньобос, свидетельствуя, что критика текстов и источников приняла уже научную форму, полагают, что синтетические процессы в истории совершаются еще наудачу. Отчасти это справедливо и относительно истории литературы, в частности русской (см. ниже). Но это не дает нам права успокаиваться на этом печальном заключении. Раз мы произвели аналитическую работу—следует попытаться приступить и к синтезу, поскольку позволяют нам научные средства нашего времени. Прежде всего мы путем классификации проверенных фактов и подбора их согласно плана получаем описательную историю. Многие эту степень и ограничиваются. Но не следует забывать, что человеческое зна-

ние должно быть скристаллизовано в удобовоспринимаемые формулы, выражающие нечто закономерное. Тогда только наука станет и понятна и доступна, не заставляя ищущих знаний, раскидываться по мелочам и самим проделывать в каждом отдельном случае синтезирующую работу. Но и независимо от этой утилитарной задачи научного синтеза—человеческий ум имеет природную склонность к обобщению знаний и стремится даже в разрозненных фактах найти связующую их общую идею; тем более побуждает к этому обильный фактический и систематизированный материал.

Задачей историка литературы является формулировка связи и взаимодействия между различными явлениями творчества в слове и объяснение их в соотношении с явлениями общей истории. Эти формулы должны быть, по возможности, кратки и точны.

При построении исторической картины мы не всегда располагаем достаточно полным подбором документов; случается порою, что необходимейший документ отсутствует. В таких случаях пробелы заполняют на основании умозаключения, опирающегося на три основания: аналогию, требования здравого смысла и на свидетельства наличных данных.

Так восстанавливаются многие промежуточные, недошедшие до нас памятники древнерусского летописания (см. исследования ак. А. А. Шахматова). Но так как опыт показывает, что неправильным умозаключениям обязаны своим возникновением важные ошибки, то необходимо, пользуясь этим приемом, иметь в виду ряд предосторожностей, указанных Ш. Сеньобом:

1) Никогда нельзя смешивать с анализом документа своих рассуждений и домыслов, пополнять «от себя» автора памятника.

2) Нельзя смешивать факты, полученные из документа с результатами умозаключений: каковы бы ни были последние—они все же—фикция, созданная нами; их роль—служебная.

3) Если рассуждение оставляет хоть малейшее сомнение в достоверности—не следует и пытаться делать определенный вывод; допустимо—лишь предположение.

4) Следует ясно разграничивать предположение и утверждение, не пытаясь превратить первое во второе, пользуясь привычкой читателя охотно поддаваться внушению.

5) Добавим, что следует быть очень осторожным и не поддаваться слабости некоторых историков, на основании 3—4 предположительных выводов строящих утвердительный вывод.

6) Начиная работать рекомендуется не браться сразу за обширные синтетические работы: стремление вширь при малом запасе данных и опыта—влечет к «общим» рассуждениям, остающимся беспочвенными и потому бесплодными. Кто не имеет запаса опыта и знаний и стремится сразу к обобщениям—рискует или впасть в произвольное фантазерство, или остаться на уровне компиляторства.

Что касается внешней стороны научной работы, то здесь открывается широкое поле для пожеланий, в зависимости от вкусов, подготовки и степени одаренности исследователя. Зimmel требует от историка, чтобы он был художником, но это требование переходит границы общеобязательного: можно обладать даром тонкого, пронизательного анализа, способностью к синтезу — но совершенно быть лишенным дара живого, занимательного повествования и наоборот. В истории русской науки мы знаем различные примеры сочетания эрудиции со стройностью и изяществом изложения; имеем блестящего стилиста и повествователя—ак. Буслеева (Истор. очерки I, II, Мои досуги I и II и др.), с другой стороны—суховатого и не дающего пищи воображению ак. Тихонравова (Собр. соч. I и III); изящного и тонкого аналитика ак. Котляревского—и подавляющего эрудикцией, богатством мысли, но не всегда удобочитаемого ак. Александра Веселовского. Есть авторы, умеющие серьезнейшее и глубокое исследование облечь в изящную форму, и авторы, облакающие общеизвестные истины в сложную и запутанную одежду псевдоученой фразеологии. Вот почему мы выражаем лишь одно основное пожелание относительно изложения: оно должно быть кратко, сжато и содержательно, щадя время и силы читателя; оно должно быть ясно и удобопонятно, без погони за внешней красотью. Кроме того, автор публикуемого исследования должен:

- 1) Собрать по возможности все данные для работы.
- 2) Дать историю изучаемого вопроса и точно разграничить, что сделано предшественниками, и что—автором.
- 3) Всегда точно указывать источники своих сведений и пособия.
- 4) Всегда цитировать исторические и литературные документы.
- 5) Если документ еще неизвестен в науке, или автор пользуется им в своем чтении, то следует приводить документ в примечаниях или в приложениях целиком, дабы читатель мог проверить основательность выводов.
- 6) Всегда представлять доказательства своих утверждений.
- 7) Ясно отграничивать выводы сомнительные и предположительные от достоверных.
- 8) Следует всегда иметь в виду основную задачу исследования и не нагромождать посторонних рассуждений и отступлений, неотносящихся к делу.
- 9) Чужие мнения следует принимать только после строгой проверки; соглашающийся с чужим мнением должен знать основания их и уметь их защитить, как свои.
- 10) Избегать излишнего хвастовства эрудикцией без надобности; быть кратким и ясным.

§ 40. Несколько спорных вопросов истории русской литературы.

И при анализе отдельных явлений истории русской литературы, и при построении ее схемы следует иметь в виду ряд вопросов, требующих предварительного рассмотрения. Эти вопросы таковы: 1) возможно ли в настоящее время, при наличных средствах науки построение научной истории русской литературы? 2) Возможно ли, в частности, хронологическое построение истории русской литературы, предполагающее далее приложение принципа эволюции, или же следует предпочесть рассмотрение ее явлений по отдельным жанрам? 3) Нужно ли и возможно ли деление истории русской литературы на периоды? 4) С какого времени мы можем вести начало великорусской литературы и с какого времени следует разграничить ее и украинскую? 5) При каких условиях и в какой среде зародилась и организовалась русская литература? 6) Какое отношение и значение имели для развития русской литературной традиции—влияния чуждых литературных традиций?

1. Вопрос о возможности построения научной истории русской литературы был в свое время поставлен архиеп. Филаретом (Обзор духовной литер. I, изд. 2-е), а позже акад. Н. К. Никольским (О ближайших задачах изуч. др.-русс. книжности, 1902), полагавшим также, «что для составления научной истории древнерусской литературы не наступило еще время. Научное право на существование принадлежит пока церковно-историческому изучению духовно-учительной книжности в ее происхождении, составе и генеалогии отдельных списков и произведений. Необходимо предварительное библиографическое и статистическое изучение состава древне-русских библиотек, ибо «древней литературы мы не знаем и не можем знать». Акад. В. М. Истрин также высказал сомнение в возможности построить в наше время научную историю русской литературы (Ж. Мин. Н. Пр. 1902, март), но по другой причине: затруднение не столько в скудости, сколько, наоборот,—в изобилии материала. «Не будет парадоксом», говорит этот ученый, «если скажем, что в настоящее время появление нового памятника чаще всего не столько раз'ясняет дело, сколько его затемняет в том смысле, что возбуждает новый ряд вопросов и побуждает к новым изысканиям»... «В последние три десятилетия получил широкое применение метод, называемый обыкновенно филологическим, который дает верные результаты, но который в то же время наглядно убеждает, что еще не скоро настанет время синтеза. «Большая подготовительная работа—дает скромные, хотя и важные результаты, требуя массы работников (на что мы в скором времени надеяться не можем при положении филологических наук в университетах) и хорошего материала,—в то время как старые изда-

ния неудовлетворительны и даже опасны, так как построены на принципах, которые не могут быть признаны научными. Сказанное относится и к новой литературе. Таким образом, наша наука более ставит вопросы, чем решает их. Она находится в разгаре развития, ежедневно давая специальные работы (NB—писано в 1902 г.), но в тоже время более и более указывая новые точки отправления. Акад. А. И. Соболевский смотрит на дело не столь пессимистически. Прежде всего он полагает (Несколько мыслей о древне-русск. литер., 1903), что специального подбора книг в больших монастырских библиотеках не было; если они сохранили нам мало произведений древнерусской светской литературы, то потому, что она была совсем скудна. «Мы можем знать древне-русскую литературу во всем ее объеме и не подвергаемся опасности преувеличить значение какогонибудь одного ее отдела на счет другого». Акад. Соболевский соглашается с тем, что историку русской литературы приходится растрачивать силы на черновую работу, разрешать ряд вопросов, для чего надо иметь хорошую филологическую подготовку, но все же не отрицает возможности, при наличных данных, построить такую историю русской литературы, которая будет вполне научной: ведь научная истина—не есть нечто абсолютное, она—лишь показатель наших знаний о предмете в данный момент. Вообще не может быть речи о научном труде в идеальном смысле этого слова, труде, могущем сохранять свое научное значение на пространстве веков. В мире—все преходяще, и то, что вчера еще считалось научною истиною, сегодня всеми признается за заблуждение. Акад. Соболевский считает возможным построение научной для нашего времени истории литературы Московской Руси XVI—XVII в.в., украинской литературы XVII в.; но иное дело—научная история литературы северо-восточной Руси XIII—XIV в.в., или Украины XIII—XVI в.в.: «здесь историк не имеет под ногами почвы: он не знает, о чем говорить. С одной стороны ему известно, что материал есть; с другой стороны ясно, что этим материалом нельзя воспользоваться». Препятствие—в анонимности памятников и в их хронологической неприуроченности, а также в невыясненности их происхождения—с оригинальными произведениями имеем ли мы дело, или с переводными, и если с переводными, то где сделаны эти переводы.

Для создания истории русской литературы XVIII—XIX в.в. также необходимы широко поставленные исследования отдельных вопросов на почве сравнительного изучения русского и иностранного литературного материала. Только после ряда таких исследований, которые должны охватить и крупных и мелких писателей, участвовавших в создании литературы, возможна будет научная ее история.

Итак, только в связи с успехами этих первоначальных подготовительных работ мы подвигаемся к идеалу—к созданию

научной истории русской литературы. Для отдельных ее моментов мы располагаем достаточным запасом знаний, но для обширной синтетической работы, долженствующей охватить все проявления творчества русских писателей, с начала письменности и хотя бы до конца XIX в.,—неизбежны многочисленные аналитические исследования, которые возможны будут лишь при наличии у нас методологически и филологически подготовленных сотрудников.

II. Вопрос, возможно ли хронологическое построение истории русской литературы, смущал многих русских ученых. Анонимность и недатированность многих памятников древне-русской литературы приводила к мысли, что она вследствие условий взрастившей ее среды, в силу устойчивости древне-русских литературных вкусов и миросозерцания — совершенно не имела движения внутри себя и лишь извне пополнялась новым, время от времени притекавшим материалом. Таким образом, говорить о какой-либо органической эволюции—не приходится. Типичным представителем этой точки зрения был акад. А. Н. Пыпин, писавший в своей «Истории русской литературы» (т. I, сс. IV—VI, 488): «История делала свое; совершались события, которые бывали целыми переворотами в политической жизни народа, но письменность сохраняла те же традиционные формы. Такова была летопись, таковы были памятники древней повести, такова была литература церковного поучения, жития, наконец, отреченных книг и т. д.». Вследствие этого Пыпин полагал, что при изложении истории древней русской литературы невозможна хронологическая последовательность, а «сама собою является мысль о необходимости соединить однородное, хотя разновременное по происхождению». Хронологическое построение истории русской литературы Пыпин считает возможным лишь после Петра I.

Справедливы ли эти соображения? Отчасти — да: точно датированных памятников древней русской литературы мы почти не знаем. Но не следует упускать из виду, что даже не имея готовых дат, историк извлекает их из анализа текстов. Засим, внимательное изучение списков обнаруживает, что один и тот же памятник редко оставался неизменным в течение веков: эпоха и среда влияли на него, изменяя частью содержание, частью форму. Хотя старые памятники не всегда заслонялись новыми, но в них самих шел неустанно процесс обновления, который может быть установлен путем исследования. События далеко не бесследно проносились над литературой, будто бы застывшей в традиционных формах. Летопись XI—XII в.в. — одно, позднейшая, XVI—XVII в.в. — иное; меняется и фактическая сторона летописи, а равно и способ повествования, не взирая на стойкость готовых формул; в нач. XVI в. вырабатывается Степенная книга с своеобразной политической тенденцией и системой изложения;

эта тенденция влияла на форму и подчиняла ее своим целям. Достаточно прочесть «Слово о полку Игореве» и подражания ему, воинские повести XV—XVII в.в., чтобы увидеть, как видоизменяются литературные вкусы старинных русских авторов и читателей. Александрия русских хронографов — вытесняется сербской Александрией, своеобразной редакцией этой псевдоисторической повести с романтическим элементом. Повесть об Акире премудром живет несколько столетий и, постепенно видоизменяясь, — в петровскую эпоху приобретает черты литературы этого времени и ее языка и стиля; тоже происходит и с повестью о пале Григории-кровосмесителе. Постоянные изменения наблюдаем и в Откровении Мефодия Патарского, и в Толковой Палее, Азбуковнике, словом во всех памятниках, на которые ссылается Пыпин в доказательство косности, неподвижности древней русской литературы; все эти памятники, известные в нашей литературе в течение нескольких столетий, отнюдь не застывали в полной неподвижности, как думал этот ученый, а видоизменялись все время, отмечая изменениями и в содержании и форме — моменты изменения литературных вкусов и запросов древней русской читающей среды. Итак, памятник действительно читался на протяжении многих веков, но читатели относились к нему различно; определение этого отношения, в зависимости от особенностей редакции, и представляет историю смен литературных настроений. Эти изменения и являются настоящими хронологическими вехами, которые позволяют строить историю, а не ограничиваться, как думал Пыпин, только «общими указаниями исторических периодов»; ибо каждую эпоху характеризует не только появление новых памятников, но и отношение ее к старым.

III. Следующим вопросом является установление периодов в развитии русской литературы. Периоды, по определению Сеньбоса, «являются как бы хронологическими пластами». Основой, начальным моментом, как и концом периода, в истории обычно считают какое-нибудь крупное событие, налагающее печать на ряд последующих и сообщающее им своеобразную окраску. Различают периоды органические, с медленным изменением явления, и критические — с быстрым. Русские историки литературы давно уже пытались разделить ее на периоды. Белинский, первый попытавшийся построить историческую схему развития русской литературы, начал ее с Кантемира. К концу XIX в. установился взгляд, что она пережила два главных периода — до Петра I и после него. Этот взгляд возник и укоренился, видимо, потому, что для лиц, незнакомых со светской литературой до Петра I и с духовной — после него, казалось, будто на границе XVII—XVIII в.в. светская и духовная литература резко обособляются одна от другой. Эта ошибка была обличена акад. Н. К. Никольским («О ближ. задачах»... 1902). Поставив

вопрос, «с какого времени следует начинать историю новой литературы», Н. С. Тихонравов (1859 г.) решил его для своего времени так, что гранью между старым и новым поставил половину XVII в., основываясь на наблюдающейся с этого времени перемене в жизни культурных слоев Московского общества; но этот принцип деления, пригодный для истории быта, едва ли может считаться безупречным для истории литературы. С течением времени выяснилось, что и литература допетровского времени — отнюдь не представляет полного единства: литературные явления XI—XII в.в., XVI в., особенно XVII в. — не могут быть поставлены за одну скобку под наименованием «древне-русской литературы». Кроме того, как было указано еще акад. Пыпиным («История русск. лит.», I) — «обычное течение жизни имеет свою непрерывность и традицию; новое крупное явление обыкновенно, подготавливается задолго и малозаметными признаками, которые после известного промежутка созревания являются деятельной исторической силой». Мало того, историк литературы вынужден считаться с процессом развития литературных вкусов и воззрений различных слоев читателей, с тем, как преломляются различные произведения в сознании широких масс, какие формы принимают они в различных слоях общественной среды; эти же различные культурные слои — созревают не одновременно и не одновременно знакомятся с наличием литературных памятников, существующих в запасе литературы. Говорить о литературе «общенародной» в один момент истории — значит, обнаружить совершенно ненаучное, романтическое отношение к процессу литературного развития.

Принимая во внимание все сказанное, мы приходим к заключению, что в сущности спор о периодизации истории русской литературы — спор бесплодный и теоретически излишний. Но с практическими, точнее — с педагогическими целями — и Пыпин и последующие ученые все же признают пользу деления истории русской литературы на периоды; при этом центральное место в споре обычно занимает вопрос, поднятый еще Тихонравовым: куда отнести XVII век? К древней или к новой литературе? Этот век органически связан с предшествующим: в нем раскрылись и получили наиболее яркое выражение идеи, посеянные в XVI веке; но и этот последний тесно связан с предшествующим, XV-м веком (см. Истрин, «Введение в историю русск. литер. втор. пол. XVII в.», 1903). С другой стороны, в XVIII в. доживают многочисленные литературные остатки XVII-го века. Характерною особенностью новой литературы виднейшие представители нашей науки считают обмирщение и писателей и читателей, отделение поэтической творческой мысли от религиозных представлений и идеалов старины, а мы бы добавили — и замену этих идеалов новыми, эстетическими идеалами, подсказанными Западом. Акад. М. Н. Сперанский по-

казал, что «деление на периоды культурной истории, а с нею и истории литературы необходимо не только ради практических целей, но и с точки зрения науки» («Деление ист. р. лит. на периоды», 1896) и думал, что «начало каждого периода определяется внутренним содержанием самой литературы, теми шагами развития в ней, как в отражении нравственного, умственного роста народа, какие намечаются жизнью самого народа, взятою во всей ее совокупности, а не только в известных ее отделах или классах, какова жизнь политическая, жизнь высших классов» (там же, с. 4). Может быть, такие соображения приемлемы при суждении о литературных явлениях — с точки зрения культурно-исторической. Но, принимая во внимание, что литературное развитие должно определяться из наличия литературных явлений, а не только из данных истории культуры, мы не пытаемся определить точно грани «периодов», должны, прежде всего, заметить, что эти периоды — для каждого общественного слоя будут особые. Вместо условных, растяжимых и спорных «периодов», мы должны ограничиться изучением и определением эпох появления и смены литературных форм. Эти эпохи характеризуются преобладанием того или иного стиля, тех или иных приемов композиции, наконец, тех или иных литературных жанров. Так напр., во второй половине XVII в. мы имеем в русской литературе под влиянием Запада (сначала — Польши, Украины и Белоруссии) — и новые, неведомые дотоле, литературные виды, драму и любовную лирику, новый литературный язык, служащий для передачи новых идей и художественных замыслов, чуждых древней русской литературе до этого времени.

IV. С какого времени можем мы считать начало существования русской литературы, и когда следует разграничить русскую и украинскую литературу. В этом вопросе приходится согласиться с мнением ак. В. М. Истрина («Исслед. в обл. др.-русс. лит.», 1906), которое в общих чертах может быть представлено так. По принятии христианства болгарами, у них создалась довольно обширная переводная, а частью и оригинальная литература, которая была реципирована русскими по принятии ими христианства. Будучи понятна русским славянам, она обслуживала и север и юг. Центрами, где возникли первые опыты русской литературы на юге был Киев, на севере — Новгород. И эта литература, как и переводная, была общей, равно понятной и равно удовлетворявшей читателя и южанина, и северянина. С основанием на северо-востоке сильных княжеств и с образованием новых культурных центров, Владимира и Москвы, киевская литература реципируется северянами, которые, начиная с XIII в., присоединяют к ней ряд новых произведений, получающих в силу своего соответствия вкусам создавшей их среды, преобладающее значение. На юге же — добавим, в зависимости от оскудения верхнего, бо-

лее культурного общества после татарского погрома, — литературная продукция ослабевает, читатели питаются старым наследием первых веков. Литературное движение обнаруживается на юге лишь 150—200 лет спустя после погрома, когда новые условия жизни создали новую интеллигенцию, но уже не феодальную, военную и духовную, а также и городскую. Последняя, под влиянием новых культурных условий и литературных воздействий извне, творит новую литературу, на первый взгляд как будто даже не имеющую связи с славяно-русской традицией первых веков, и притом на новом литературном языке, отражающем крупные перемены в звуках и формах живой речи, завершившиеся в течение XIII—XV веков. Только в половине XVII ст. эта новая украинско-белорусская литература вторгается в течение самостоятельного развития Московской литературы, также успевшей за указанное время значительно отойти и в идейном, и в формальном отношении от литературы до-монгольской.

Итак, началом русской (великорусской, московской) литературы с ее своеобразною физиономией можно считать XIII век, скорее вторую его половину; для литературы южно-русской (украинской, малорусской) эпоха пробуждения и оживления наступает несколько позже.

V. Условия образования русской традиции следует всегда иметь в виду, говоря о литературе до-монгольской и московской. Эти условия были далеко не таковы, как рисуется в популярной литературе и в учебниках. Когда мы приступаем к изучению литературных явлений прошлого, нам чрезвычайно трудно бывает отрешиться от представлений о прошлом, как о чем-то современном: мы часто упускаем из виду историческую перспективу, что, в свою очередь, оказывает воздействие и на наше суждение о взаимоотношении явлений и на определение роли тех или иных литературных влияний. Чтобы правильно, исторически подойти к оценке литературных памятников первых веков существования письменности на Руси, следует учесть роль двух сил, столкнувшихся в X—XI в.в.—византийской образованности и первобытной культуры русских славян. Русская наука и публицистика еще недавно очень низко ценила византийскую культуру и литературу, соединяя с представлением о «византизме» — представлением о чем-то отсталом и варварски обскурантном. Исследования последних 25 лет, в частности акад. Ф. И. Успенского («Очерки византийской образованности», 1892; «История Визант. Империи», I), обнаружили несоответствие такого воззрения с объективными данными истории: как раз со времени проникновения на Русь христианства и византийского влияния — Византия обнаруживает особенно сильный подъем умственной и литературной жизни, которая не замирает, а оставаясь в течение нескольких веков достаточно интенсивной, переносит, как сбереженные ею остатки античного, так и своего

творчества на Запад в конце XIV века и вызывает там «эпоху Возрождения». Достаточно пересмотреть бегло труд Крumbaхера «Geschichte d. Byzantinischen Literatur» (2 изд.), чтобы остановиться и задуматься над массой памятников творчества средневекового грека, начиная с романа — до философских и богословских трактатов.

Но почему это же самое влияние византийской литературы не вызвало аналогичного подъема умственной жизни и литературной деятельности у русских славян? При каждом соприкосновении народов, стоящих на разных ступенях культуры, обычно менее культурный заимствует у более культурного, но заимствует далеко не все то, что мог бы получить, а лишь то, что по состоянию своей культуры мог усвоить. Русские славяне в момент занесения к ним результатов византийской литературы чрез посредство южных славян, находились, как и эти последние, на такой ступени культуры, что не могли усвоить того, что предлагали им греки. В самом деле, среди переводной литературы у русских и южных славян мы не находим античных поэтов, ораторов и историков, которых византийская школа продолжала изучать, как предметы достойные подражания, причем—обязательные в начале интересующего нас периода семь трагедий и семь комедий, хотя и были к концу его сведены до трех, но все же не выброшены совершенно за борт. В славяно-русской литературе не нашли отражения и философские споры, волновавшие Византию в XI и XII в.в. Ни одно из сочинений знаменитого византийского энциклопедиста Михаила Пселла не было усвоено древне-русской литературой. Из обширной исторической литературы эллинистического и византийского периодов славяне усвоили себе в переводах лишь монашеские хроники, да полуграмотный учебник всемирной истории—«Историческую Палею», наполненную апокрифическими подробностями, а из трудов географов древнего мира, хотя и далеких от современной нам науки, но для своего времени бывших научными—читали баснословное повествование Козьмы Индикоплова. Кто же виноват в этом? Конечно, не греки, располагавшие громадной литературой и, конечно, не прятавшие ее от славян, а юго-славянские и русские переводчики, наиболее грамотные люди древней Руси, делавшие выбор сочинений для перевода в соответствии с уровнем своего культурного и литературного развития и потребностей. Это положение древне-русской литературы относительно византийской, а позже и относительно литератур других соседних народов — следует всегда иметь в виду историком русской литературы.

VI. Влияние чуждых литературных традиций на развитие русской литературы не ограничилось первыми веками ее существования, а продолжалось и позже, и имело свое важное значение. Как справедливо было замечено Н. И. Кареевым («Интер. эволюция на Западе», 1886), литературная

традиция каждого народа подвергается в течение исторической жизни воздействию литературных традиций соседних народов, причем усвоение нового происходит не всегда сразу: этот процесс усвоения иногда протекает довольно быстро, но иногда — весьма длительно, и в результате его, создается нечто новое, не всегда повторяющее то, что было подсказано иноземным воздействием. В процессе развития русской литературы мы видим неоднократное вторжение соседних литературных традиций. Уже принятие христианства в к. X в., совпавшее с грамотой и церковной письменностью, «принесло массу нового литературного материала в среду, знавшую только устное творчество. На первых порах к нам приходят — за немногими исключениями — памятники христианско-греческой литературы в юго-славянской словесной одежде, предугадывая и дальнейшее направление зарождающейся древне-русской литературы и литературный язык. Первые крупные памятники ее (напр. «Слово» митр. Илариона) и по содержанию и по форме представляют превосходный образец того, как русский писатель, правда — незаурядный — смог усвоить себе и идеи и литературную манеру своих учителей, а язык его обнаруживает изумительное умение писать на хорошем старославянском языке без русских вульгаризмов. Ко второй половине XII в. и в XIII в., как видно из многочисленных аполимных слов и поучений, — наряду с опрочением содержания, русифицируется и упрощается язык; тоже наблюдается и в орфографии, начинающей иногда ярко отражать и звуковую сторону тогдашнего литературного языка. Но новый наплыв со славянского юга переводных с греческого памятников в конце XIV и в XV в. снова освежает греческое и юго-славянское влияние на нашу письменность. Это вторжение чужой литературной традиции настолько было сильно, что русская светская литература едва лишь успевает найти свой язык ко второй половине XVI в.; но — здесь вскоре начинается длительный период влияния украинской и польской литературы, откуда являются к нам не только новые идеи и литературные замыслы, но и совершенно новые формы — драма и стихотворство, знаменующие наступление для верхов общества новой литературной эпохи. В течение XVII в. и нач. XVIII в. эти формы входят в русскую жизнь, наполняются новым содержанием, чужое ассимилируется со своим, русская литература усваивает себе образительные средства чувствительной галантной лирики. Но вместе с усилением непосредственного французского влияния в эпоху Елизаветы и Екатерины II — в русскую литературу снова вторгается чуждая литературная традиция, в виде целого потока литературных памятников, проникнутых опять-таки новыми идеями и популяризирующих новые формы, которые, начиная с трагедии до стихотворной игрушки усваиваются русскими писателями. Также усвоение

чужой литературной традиции дарит нас сентиментальной и романтической поэзией. В лице Пушкина и последующих крупных писателей XIX в., отдавших дань и чужому шаблону — русская литература говорит «свое слово»; но и у сказавших его — многое явилось результатом ассимиляции и претворения этого чужого в свое: многое у Достоевского непонятно без Гофмана, Диккенса, Жорж-Санд; у Тургенева — без Ауэрбаха и Жорж-Санд и т. п. «Шестидесятые годы» проходят в значительной мере под влиянием увлечения европейской материалистической философией; возрождение романтизма и символизм — также стоят в тесной связи с аналогичными и притом — предшествовавшими явлениями в литературах Западной Европы. Отсюда, даже из этих немногих примеров видно, что исследование произведений русской литературы, как древней, так и новой, следует вести всегда имея в виду возможные влияния, неоднократно менявшиеся в течение многовековой истории и подсказывавшиеся условиями культурной жизни и международных сношений. Преувеличение ценности «своего», «оригинального» может повлечь за собою неправильное представление об истинном положении вещей в области истории нашей литературы.

§ 41. Изучение истории русской литературы. Общие обзоры.

Под источниками истории русской литературы наука разумеет самые памятники словесного творчества, древние свидетельства о них, данные, предлагаемые культурной историей, близко относящиеся к истории словесного творчества и к истории просвещения. Таковы произведения древних и новых авторов и критиков, рукописные и печатные; описи библиотек, документы по истории школ, учебных учреждений и книжного дела в России, и т. п.

Пособиями являются довольно многочисленные в настоящее время ученые исследования, посвященные разработке отдельных вопросов истории литературы и обзоры целых эпох литературной жизни; термины «источник» и «пособие» не следует смешивать. Вся масса известных ныне источников и пособий явилась итогом упорной работы историков и филологов, которые сначала несознательно, а позже с сознанием важности своего дела подготавливали материал для науки нашего времени.

Первые русские библиографические труды относятся (если не считать описи книг. кн. Владимира Васильковича, Ип. летоп. 1288 г.) к XV в. Мы знаем опись книг Слуцкого монастыря 1494 г.; к 1473 и 1545 г.г. относятся описи библиотек Иосифова Волоколамского монастыря; к 1575—1584 г.г. относится опись царского архива; в 1557 г. — описаны книги Суздальского мол. В XVII веке описи книг — вещь обычная. Но это все инвентар-

ные описи; настоящими библиографическими трудами могут считаться лишь немногие: 1) Опись книг Кириллова-Белозерского мон., составленная в последней четверти XV в.; здесь подробно описаны 957 сочинений, находившиеся в рукописных сборниках; причем приведены начальные слова каждой статьи (издан ак. Н. К. Никольским). 2) В 1584 г. книгохранителем Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Арсением Высоким составлен «указец», своеобразное библиографическое пособие; составитель избрал из книг все, что читается на праздники и памяти святых по порядку календаря. 3) В конце XVII в. было составлено «Оглавление книг, кто их сложил», приписывавшееся Сильвестру Медведеву, но, повидимому, принадлежащее перу Епифания Славинецкого или его ученика Евфимия; здесь перечислено около 300 памятников, указывается автор, приводятся начальные слова.

В XVIII в. над вопросами библиографии работает член Академии Наук Коль, Иоган Вернер Паус, проф. Баузе; Н. И. Новиков издает «Древнюю Российскую Вивлиофику» (1-е и 2-е изд.), где напечатано много памятников, выясняющих состав и характер древне-русской письменности. Академия издавала летописи, напечатала обширный сборник драматических произведений XVIII в. «Российский Феатр»; прот. П. Алексеев и Дамаскин Руднев трудились над библиографическими разысканиями. Известный немецкий ученый Авг. Шлещер своим исследованием о летописи Нестора — проложил филологической критике путь в область изучения памятников древне-русской литературы. Но, вообще говоря, историко-литературные исследования в XVIII в. лишь намечались; большею частью они тесно примыкали к исследованиям историческим и археологическим. Но все же, вступая в XIX ст., русские ученые уже знали различные виды летописи, «Слово о полку Игореве», старинные путешествия русских людей за границу, некоторые памятники русской драмы к. XVII и н. XVIII в. и т. д.

Начало XIX в. также занято, главным образом, разысканием и собиранием памятников старинной литературы. Возникшее в 1804 г. при Московск. Университете «Общество истории и древностей Российских» издает «Русские Достопамятности» (I—III, 1813, 1843, 1844 г.г.); «Чтения Общества», издававшиеся с 1846 по 1918 г., подарили науке громадное количество материала. Отдельные ученые первой половины XIX ст. — П. Строев, митр. Евгений, Калайдович, Максимович, отчасти Сахаров — положили не мало труда на разыскание, опубликование и исследование памятников древней литературы (см. о них у Пыпина, «История Русской Этнографии», 1892 г., т.т. I—II). Вслед за ними потянулся ряд любителей самоучек; и только после выступления Белинского стали появляться опыты

осмыслить, обобщить отдельные явления не только в области древней, но и новой русской литературы. Проф. С. Шс в ы р е в пытается создать историю древней русской литературы; вслед за ним Б у с л а е в — приобщает русских ученых к методам европейской науки, но еще в большей степени своим блестящим талантом заохочивает молодежь к изучению литературной старины. Он с любовью раскрывал ее предания и вникал в ее загадочный смысл, тесно связывая древнюю литературу с русской народной словесностью, искусством и аналогичными явлениями западно-европейских литератур. Вслед за Буслаевым работали: в Петербурге—П ы п и н («Очерк литер. истории сказок и повестей», 1858 г.), апокрифы в «Памятн. стар. русск. лит., III; соч. Лукина и др. более близкие к нам труды); в Москве — Т и х о н р а в о в («Памятники отреченной литер.», I—II; «Драмат. произведения 1672—1725 г.г.»: см. и «Собр. сочин.», I—III.. В трудах Пыпина и Тихонравова вопросы истории литературы были поставлены в том широком объеме, как их понимала новая школа европейских ученых. Параллельно с названными — работал преимущественно в области изучения народной словесности и европейских литератур ак. А. В е с е л о в с к и й, касавшийся неоднократно, и всегда плодотворно, явлений русской литературы («Южно-русские былины», «Разыскания в области дух. стиха», «О Соломоне и Китоврасе», «Опыты по истор. христианской легенды», «Из истории романа и повести», I—II. «В. А. Жуковский» и др., см. «Указатель» его трудов).

Нельзя миновать и деятельности ак. И. П. С р е з н е в с к о г о, развившего в 1850—1870-х г.г. энергичную деятельность по изучению русского языка и древнейших памятников письменности; ак. С у х о м л и н о в а, автора разысканий о летописи, Кирилле Туровском и др.; ак. Л. М а й к о в а, ак. И. Ж д а н о в а и других, трудившихся над углублением историко-литературных знаний, порою при весьма трудных обстоятельствах, в тяжелой атмосфере враждебного отношения и заподозриваний; отметим только, что Тихонравову не было разрешено цензурой напечатание апокрифических евангелий; с трудом прошли цензуру сочинения кн. Курбского и повести о смутном времени..

Громадное количество материала для истории русской литературы древней и новой, а также научных исследований было напечатано в «Известиях отд. русск. яз. и слов» Академии Наук, в «Сборнике» того же отделения Академии; в отчетах о присуждении наград; в издании «Пушкин и его современники». Много издано было и «Обществом любителей Древней Письменности» в 2-х сериях: «Памятники» и «Издания»; в Чтениях Общ. Ист. и Древн. Росс.; в Журнале Министерства Народн. Просвещения. Русском Филологическом Вестнике, Ученых записках и Известиях Университетов (Петерб., Моск., Киевск., Казанск., Ново-

российского, Юрьевск., Варшавск); в Этнографическом обозрении, Живой Старине, Архиве Славян. Филологии ак. Ягича (на немецк. яз.), Византийском Временнике, Byzantinische Zeitschrift, Русской Старине, Русском Архиве, Старине и Новизне, Историческ. Вестнике, Минувших Годах, Православном Собеседнике, Правосл. Обозрении, Богословском Вестнике, Христианском Чтении, Стражнике, Вере и Разуме, Трудах Киевск. Дух. Академии, «Древностях» Моск. Археол. Общ. (Слав. Комиссия), Трудах Археологическ. Съездов; в изданиях ученых обществ при Харьковск., Новоросс. Универс., при Нежинском Институте, в Чтениях Общ. Нестора Летописца и мн. др.

Благодаря энергичной работе русских ученых, более столетия разрабатывавших историко-литературные проблемы, мы имеем, в настоящее время, ряд общих курсов, систематических обзоров истории русской литературы; важнейшими и не утратившими еще научного значения являются:

«История русской словесности» — лекции Ст. Шевырева, три издания; последнее 1885 г. Ценно—введение.

А. Галахов, «История русской словесности»; 2-е издание 1875 г., 3-е — 1894 г.; три книги. Цена § 27 о древне-русских повестях и отчасти 2-й том (нов. литер.).

И. Порфирьев, «История русской словесности», I (древн.), II (3 вып.—новый период); ценна, как самостоятельный труд во многих отделах.

А. Пыпин, «История русской литературы», I—IV т.т., 3-е изд., 1906 г.; важные вводные главы, библиограф. примечания; в изложение внесены итоги новейших исследований; дополнением является труд того же автора «Характеристика литературных мнений 1820—1840 г.г.».

П. В. Владимиров, «Введение в историю русской словесности», 1896 г. и «Древне-русская литература киевского периода XI—XIII в.в.», 1900 г. Обе книги отличаются всеми достоинствами самостоятельных научных трудов; ценны любовно собранные литер. факты XI—XIII в.в., освещенные трудами автора и др. ученых.

Е. В. Петухов, «Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода», 1-е изд. Юрьев, 1911 г., 3-е — 1914 г. Интересно, хотя и не всегда приемлемо методическое введение. Достоинство работы—строгая фактичность и стремление познакомить учащихся с литературой предмета. Некоторые отделы (древнейшего периода) изложены слишком бледно; сведения о переводной литературе отсутствуют; зато другие—написаны заново, по свежим ученым монографиям.

«История русской литературы», изд. Сытина. 1908—1910 г.г., т. I. Русская литература до XIX в., под редакц. проф. А. К. Бу-

роздана; т. II, Народная словесность, под ред. Е. В. Аничкова. В I т. полезное введение, прочее — посредственно; II-й том — слаб; хороша техническая сторона издания, снимки, факсимиле.

Проф. М. С. Сперианский, «История древней русской литературы». Сочинение к лекциям. 1-е изд. М. 1914 г.; было 2-е и в двух частях выходит 3-е изд. Содержит полезное введение в ист. русск. древн. литературы, в котором, кроме общих замечаний — история изучения русской литер., и очерк вспомогательных наук (библиография и палеография); далее — характеристика Киевского и Московского периодов р. литературы, главным образом, идейных течений в связи с культурной историей древней Руси.

Фактический историко-литературный материал в изобилии дает:

В. А. Келтуяла, «Курс истории русской литературы», т. I, кн. I и II (2-е изд.), 1911—1913 г.г. Полезное справочное издание и для самообразования, и для подготовки к специальным занятиям.

Н. Н. Булич, «Очерки истории русской литературы и просвещения с нач. XIX в.», 2 тома; несколько устарели.

А. Кабичевский, «История новейшей русской литературы», с 1893 г. несколько изданий; это — сборник публицистических в народническом духе оценок русских писателей XIX в.

Н. Энгельгардт, «История русской литературы XIX ст.», 2 тома; мало самостоятельна и консервативно тенденциозна.

Андреевич (Евг. Соловьев), «Очерки по истории русской литературы XIX в. 1902 г. — значительно выше предыдущего труда; здесь впервые выдвинуты классовая точка зрения при оценке писателей и литературных явлений; но есть фактические ошибки.

«История русской литературы», под ред. А. Грузинского, Овсянко-Куликовского и Сакулина. Изд. тов. «Мир». Москва. 1916 г. I. Допетровская литература; неисчерпывающая, но составленная авторитетными учеными картина древне-русской литературы; недостаток — фрагментарность, как и всегда при коллективных трудах.

«История русской литературы XIX в.», под ред. Овсянко-Куликовского, при ближайшем участии Грузинского и Сакулина, т.т. I—V, 1911—1916 г.г. Хорошо задуманный план: каждому очерку литературной эпохи предшествует исторический очерк и характеристика журнальной литературы. Недостатки — те же, что и у предыдущего издания, но в большей мере. Не всегда выдержана историческая точка зрения. Некоторые авторы сбиваются на партийную публицистику.

С. Венгеров, «Общий очерк истории новейшей русской литературы» в «Оч. по ист. русск. литер.», 1907 г., стр. 25—160 в.; изложение публицистическое.

«История русской литературы XIX века», под ред. С. А. Венгерова. Сборник характеристик и автобиографических материалов, не могущий, однако, претендовать на название «истории».

§ 42. Рукописные источники.

Средством для ознакомления с рукописными источниками являются специальные труды, составленные учеными, «описания» и «каталоги» рукописей, хранящихся в государственных, общественных и реже—частных библиотеках. В России эти описания ведут начало от трудов А. Селля и др. ученых XVIII в. Первым научным трудом этого рода было «Описание рукописей гр. Д. Толстого, сост. Калайдовичем и Строевым, М. 1875 г. с двумя «Прибавлениями». С углублением палеографических и археографических знаний и с увеличением числа подготовленных научных работников—стало расти и число описаний, и можно сказать в настоящее время, что почти все сколько нибудь значительные коллекции уже описаны (хотя напр. Погодинское Древнехр. в Петр. Публ. библ., рукописи Петрогр. Унив., часть рукописей Синод. Библиотеки и др. остаются неописанными уже втечении многих десятков лет).

Более или менее полно исчислены существующие печатные описания славянорусских рукописей в моей книге «Из лекций по методол. истории литературы, 1914 г., стр. 403—411; в ст. Н. К. Симони, Энци. Слов. Брокг.—Ефр. (Нов. изд.); в ст. Н. М. Лисовского см. «Большая Энциклопедия»; в «Опыте русск. историографии» В. С. Иконникова; в ст. свящ. И. Смирнова «Указатель Описаний слав. и русск. рукописей отечественных и заграничн. книгохранилищ, 1916; о нем—см. С. Маслов, Крит.-библ. обзор новейших трудов по славяно-русской библиографии и палеографии. 1918 (Киев. Ун. Изв.). Ниже приведем перечень городов и монастырей, где можно было до событий последних годов найти уже описанный научно рукописный материал; несомненно, в этом перечне будут пропуски, но думается, для начинающих он будет достаточно полон.

Афон. Г. Ильинский, Рукописи Зографского мон. на Афоне, София. 1908; арх. Леонид, Славяно-русские книгохранилища на ст. Афонской горе в мон. Хиландаре и св. Павле. 1875. *Sava Chilandares. Rukopisy a starotisky Chilandarské. V Praze, 1896.*

Александра Свирского монастырь. Рукописи Ал. Св. монастыря. Петрозаводск. 1961.

Архангельск. Г. К. Бугославский, Рукописные Евангелия Древлехранилища Арханг. Епархиальн. Церк.-Археол. Комитета. Арх. 1904 (=Епарх. Арх. Ведом. 1903—1904 г.г.).

Белград (Сербия). Л. Стоянович, Каталог Народне Библиотеке у Београду. Рукописи и старе штампане књиге, 1903; е го же Каталог рукописа и старих штампаних књига. Збирка С. К. Академије, 1901; М. Сперанский, Белградские рукописи, Библиогр. Летопись, I, 1914.

Валаамский монастырь. «Валаамское Древлехранилище в Вал. мон. Краткое описание. Изд. иждивением Вал. Мон. СПб. 1913.

Витебск. Описание предметов древности, поступивших в Витеб. Епарх. Церк.-Археол. Древлехранилище по ноябрь 1897. Вып. I. Сост. Д. И. Довгялло и Н. Я. Никифоровский, Вит. 1899, стр. 47—64.

Владимир-Волынский. Краткая опись предметов, находящихся в древлехранилище правосл. Свято-Владим. Братства в г. Владимире Вол. Киев. 1892.

Вильно. Ф. Добрянский, Опис. рукоп. Вил. Публ. Библиотеки; П. Гильтебранд, Рукописный отдел. Вил. Публ. Библ., вып. I и II, 1871. «Отчеты» Библиотеки.

Владимир (губ.): Недешев, Краткое опис. рукоп. Церк.-ист. Древлехранилища при братстве св. бл. кн. Александра Невского, I, 1906.

Воронеж. Воронежский Губ. Музей, Труды Вор. Уч. Арх. Ком., I, 1902; II, 1905; А. Назаревский, Отчет о поездке для занятий в Ворон. Музее, 1912.

Воскресенский мон. (Новый Иерусалим) под Москвою: арх. Леонид, Описание славяно-русск. рукоп. книгохранилища ставропигиального Воскр., Нов. Иерус. именуемого мон. 1871, (Из Чт. Общ. И. и Др. Р., кн. I); арх. Амфилохий, Опис. Воскр. Новоиерус. Библ., с прилож. снимков. 1876.

Выгорецкий мон. (Олон. губ., Повенецк. у.): Е. Барсов, Описание рукоп. и книг, хранящ. в Выголексинской библ. 1874.

Дрезден. В. Ханыков, Дрезд. Королев. библ. и хранящиеся в ней рукописи, относящ. до русск. истории. Труды Росс. Акад. 1840, кн. III; С. Шевченко, Кирилловские рукоп. Дрезд. Королев. Публ. Библ. 1911.

Екатеринослав. Каталог Екатеринослав. Областн. Музея им. Поля, 1910; В. Перетц, Отчет об экскурсии семин. русск. филол. в Полтаву и Екатеринослав. 1910.

Житомир. Краткое опис. предметов древности, пожертвов. в Волинское Епарх. Древлехр. по июль 1893 г. Почаев, 1893; О. А. Фотинский, Краткое опис... с 1 июля 1893 г. по 1 авг. 1894 г., вып. 2. 1894; О. А. Фотинский и свящ. Бурчак-Абрамович, Краткое опис... от 1 авг. 1894 г. по 1 ноября

1898 г., вып. 3. 1899; В. Перетц, Отчет об. экскурсии семин. русск. филол. в Житомир, 1911.

Загреб (Хорватия): еп. Ник. Ружиичь, Стари српске рукописи у книжници Југо-слав. Академије у Загребу, Споменик Срп. Краљ. Акад., XXXVIII, други разред, 34. 1900; Г. Ильинский, Рукоп. собр. Верковича Загреб. Академии Наук, Русск. Фил. Вестн. LI, с. 151—161; Б. Цонев, Кирилски рукописи и старопечат. книги в Загреб. София, 1912.

Иерусалим: И. Красносельцев, Славянск. рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме, 1889.

Казань: Артемьев, Опис. рукоп. хранящ. в библи. Имп. Казан. Унив. СПб. 1892; Описание рукоп. Соловецкого мон., находящ. в библи. Казан. Дух. Академии, I, II и часть III т. 1881—1898; свящ. Игнатьев, Краткий обзор крюковых и нотно-линейных рукописей Солов. библи.; Прилож. к опис. Сол. библи. 1910.

Калужская епархия: архим. Леонид, Обзорение рукописей и старопеч. книг в книгохранилищах монастырей, городск. и сельск. церквей Калуж. епархии. М. 1865 (Чт. О. И. и Др. Р. IV, 1—115 стр.)

Каменец-Подольск: прот. Е. Сецинский, Музей Подольск. Церк. Историко-Археол. Общ. 2. Опись предметов старины (стр. 64—78).

Киев: Церк.-Археол. Музей при Дух. Акад.—Н. И. Петров, Опис. рукоп. Церк.-арх. Музея, I—IV, 1875—79, далее—сведения в «Отчетах» Ц.-А. Общ., в Тр. Киев. Дух. Акад.; нов. изд.—А. Лебедев, Рукописи Церк.-Археол. Музея Киев. Дух. Акад. I, 1916 (неоконч.); В. Березин, Опис. рукоп. Почаевской лавры, хранящ. в Библи. Киев. Дух. Акад. 1881.—Университет: С. Маслов, Обзор рукоп. библиотеки Имп. Унив. св. Владимира, 1910; его же, Опис. рукоп. Историч. Общ. Нестора Летописца, 1908.—Г. Крыжановский, Рукописи. Евангелия Киевск. книгохранилиц, 1889; А. Дмитриевский, Опис. рукоп. и книг, поступивших в Церк.-Археол. Музей при Киев. Дух. Ак. и из Нежинской Михайло-Архангельской церкви, Труды Киев. Дух. Ак., 1885, кн. 4 и сл.; Ю. Яворский, Опис. рукоп. имп. Александровской Киевской гимназии, 1915; Н. И. Петров, Опис. рукописн. собраний, находящ. в Киеве, I—III, 1891—1904; В. Перетц, Отчет об. экскурсии семин. русск. филол. в Киев. 1915 (рукоп. Выдубицк. мон.); С. Щеглова, Опис. рукоп. Киев. худож. пром. Музея, 1916.

Кострома: И. В. Миловидов, Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского мон., вып. 1—2, 1887—1888; И. Баженов, Сорок два старинных сборника Костр. Богоявл. мон. («Костр. Старина», изд. Костр. Губ. Арх. Уч. Ком., вып. IV, 1897).

Краков: Калужняцкий, *Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibl. Univers. Jagiell. inveniuntur*, 1871; *Catalogus codicum manuscriptorum Musei princ. Czartoryski*, v. I, Korzeniowski, 1887—93 (4 вып.); vol. II, Kutrzeba, 1909—13, (4 вып.); Czubek, *Katalog rękopisów Akademji Umiejętności w Krakowie*, 1906, см. наши «Новые труды по источниковедению и палеографии», 2-я серия.

Лондон: П. Сырку, *Слав. и русские рукописи Британского Музея в Лондоне*, под ред. А. Яцимирского, 1908.

Львов: Е. Калужняцкий, «Обзор славянорусских памятников языка и письма, находящ. в библиотеках и архивах Львовских. Труды 3-го Археол. Съезда в г. Киеве, т. II, 213—321; Каталог археол.-артистич. предметов, церк.-слав. рукописей и староц. книг кирилловского письма, находящ. в Музее Ставропигиального Института...», сост. по руководству д-ра И. С. Шараневича, 1890; П. Свенцицкий, *Церк. и русско-славянские рукописи Публ. Библ. Народн. Дома во Львове*, 1904; его же, *Опис. иноязычн. и новейш. карпато-русских рукоп. библ. Нар. Дома во Льв.*, 1905; *Опись Музея Ставропигиальн. Инст. во Львове*, 1908; *Рукописи Львівських збірок.*, вып. I, 1906; II—III, 1911; *Слав. и русск. рукоп. библ. Оссолинських—см. W. Kętrzyński, Katalog rękopisów bibl. zakładu narodowego im. Ossolińskich*, I—III, 1881—1898, и В. Перетц, *Отчет о занят. во время заграничн. командировки*, 1907.

Макарьевский Унженский мон. (Костр. губ.): И. К. Херсонский, *Опис. старинных рукописей, хранящ. в архиве Мак.-Унж. мон.*, 1887.

Минск: А. Снитко, *Опис. рукописного отдела и старопеч. книг библ. Минск. Ц. Истор.-Археол. Комитета*, в. I, 1909.

Москва: Моск. Публ. и Румянцевский Музей.—А. Востоков, *Опис. русск. и слав. рукоп. Рум. Муз.* 1842; Викторов, *Рукописи В. Ундольского*, 1840; его же—*Славянорусск. рукоп. Д. Пискарева*, 1871; *Собр. рукоп. И. Беляева*, 1881; *Собр. рук. Севастьянова*, 1881; Г. П. Георгиевский, *Рукописи Тихонравова*, 1913; его же, *Рукоп. Т. Ф. Большакова*, хран. в Публ. и Румян. Муз., 1915; прочее см. в годовых «Отчетах Музеев.—Синодальная (Патриаршая) библ.—нынче в Историч. Музее: арх. Савва, *Указатель для обозр. патриаршей ризницы и библиотеки*, изд. 2, 1858; Горский и Новоструев, *Описание слав. рукоп. Моск. Синод. Библ.*, I—IV, 1855—1869 г.г.; В. М. Ундольский, *Опис. слав. рукоп. Моск. Патр. библ.*, Чт. О. И. и Др. Р. 1867, кн. 2 (только 110 рукоп.); П. Петров, *Книгохранилище Чудова мон.*, 1879; Н. Попов, *Рукоп. Моск. Син. Б.*, I, Новоспасское собрание, б. г.; его же, *Собр. рукоп. Симонова мон.*, 1910; Калайдович, *Опис. рук. Моск. Син. Б. (№№ 1—120) «Сборн.» кн. Оболенского*; *Опис. библ. Моск. Успенск. Собора*, см. Чт. О. И. и Др. Р. 1895, кн. 3; прот. А. Ле-

б е д е в, Моск. кафедр. Арханг. Собор 1880.—Библиотека Моск. Синод. Типографии—опис. в 5 выпусках: I. А. Орлов, Сборники, 1896; II. В. Погорелов, Сборники и лексиконы, 1899; III. он же, Псалтыри, 1901; он же, IV, Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702—1727 г.г., 1903; V. А. Покровский, Календари и святцы, 1911. Библ. Общ. Ист. и Древн. Росе.: II. Строев, Библ. О. II. и Др. Р. 1845; Е. II. Соколов, Библ... вып. второй, опис. рук., поступивш. с 1846 по 1902 г., 1905.—Исторический Музей: «Отчеты» Музея; А. II. Яцимирский, Опись старинн. слав. и русск. рукоп. собрания Щукина I—II, 1896—97; А. Титов, Рукописи слав. и русские, принадл. II. В. Вахрамееву, I—VI, 1888—1907; арх. Леонид, Систематич. опис. славянорусск. рукоп. собр. гр. А. С. Уварова, I—IV, 1894—1894; (II. Строев), Каталог-славянорос. рукоп., принадл. моск. перв. гильдии купцу II. Н. Цирскому, 1848; Опис. некоторых южно-русских и зап.-русск. рукоп., находящ. в рукописн. собрании Е. В. Барсова, Чт. О. II. и Др. Р., 1884, кн. 2.—Е. II. Соколов, Опись 24 рукоп. Ф. II. Буслаева. ныне принадл. библ. Московского Универс., 1900.—Библиот. Никольского Единоверческ. мон.: А. Попов, Опис. рукоп. и каталог книг церк. печати библ. А. II. Хлудова, 1872; Первое прибавление—1875.

Мюнхен: G. Thomas, Catalogus codicum manuscriptorum bibl. regiae Monacensis, t. VII, 1858.

Нежин: М. Н. Сперанский, Опис. рукоп. библиотеки Ист.-филол. Инст. кн. Безбородко, 1900; то же, «Окончание» 1901 г.; М. Сперанский, Рукописное собр. библ. Ист.-фил. Инст. кн. Безбородко. Приобретения 1901—1905 г.г., 1905; Е. В. Петухов, Заметки о некоторых рукоп., хранящ. в библ. Ист.-Фил. Инст., 1895; еще—в «Отчете об экскурсии семин. русск. филол. в Нежин, В. Н. Перетца, 1914.

Одесса: Новоросе. Университет — В. Мочульский, Опис. рукоп: В. II. Григоровича, 1890 -(Детоп. Ист.-Фил. Об-ва при Новоросс. Ун.); А. В. Рыстенко, Рукописи, принадл. библиотеке Имп. Одесск. Общ. Истории и Древн., вып. I, 1910.

Оксфорд: П. Сырку, Заметка о славянских и русск. рукописях в Bodleian Library, Изв. отд. рус. яз. и слов: II. Акад. Наук, 1902, кн. 4 и 1907, кн. 4.

Орел: И. Е. Евсеев, Описание рукоп., хранящ. в Орловских древлехранилищах, вып. I, 1905; вып. 2, 1906; вып. 3, 1907.

Париж: Ф. Булгаков, Слав.-русск. рукописи Парижской библ. с выписками из них, сообщ. II. М. Мартыновым. Пам. Др. Письм., 1879 г. в. 4; Јов. Ристичь, Србски у царској библиотеци налазечи се рукописи, Гласник Друштва Србске словесности, свезка VI, Беогр. 1854.

Петроград: Публ. библиотека—рукоп. каталог, и инвентарь Погод. Древлехр., тут же—рукоп. Новг. Соф. Собора и Кириллова Белозерск. мон.; печатные описания: «Российские

рукописные книги, находящ. в Имп. Библиотеке Камера W, Шкап 20, 21, 22», 1743 г.; А. Бычков, Описание церк.-слав. и русск. рукоп. Сборников И. П. Б. ч. I, 1882; И. Бычков, Каталоги собраний рукописей Ф. П. Буслаева, П. Савваитова (2 вып.), П. Богданова (2 вып.); Калайдович и Строев, Обстоятельное опис. слав.-российских рукоп. гр. Ф. А. Толстова, М. 1825; 1-е Прибавл.—1825 г., 2-е Прибавление—1827 г.; Е. Берсенева, Каталог рукоп. и старинным книгам, принадл. Ржевскому поч. гражд. Е. В. Берсенева, М. 1864 (Чт. О. И. п Др. Р. I); см. ежегодные «Отчеты» Публ. библиотек и Сборник Росс. Публ. библиотек, 1920; Д. П. Абрамович, Опис. рукоп. И. В. Помяловского, 1914; его же, Новг. Софийская библиотека, I—III, 1905—1906; Курьянов, Обзорение пергам. рукоп. Новг. Соф. библиотек, 1857; Смирнов, Опис. 24 рукоп. сборн. Новг. Соф. библиотек (Летоисп. Археогр. Ком. III); А. Ттов, Опис. славяно-русских рукописей А. А. Тттова, гл. I—V, 1893—1906; П. Лавровский, Опис. семи рукоп. И. П. Б. 1859; В. Перетц, Отчеты об экскурсиях семинар. русск. филол. в Петербург, 1910, 1912 и 1914 г.г.—Библиот. Росс. Академии Наук: Каталог обстоятельный рукописным книгам... в академич. библиот. находящимся, сделанный ст. с. Соколовым, 1818; его же—Каталог обстоят. рукописн. книгам свящ. писания... 1818; В. С. Срезневский, Отчет о поездке в Вологод. губ. 1903; его же труды: Отчет о поездке в Олонецк., Вологодск. и Пермск. губ. 1904; Сведения о рукописях, печ. изд. и друг. предм., поступивших в рукописный отдел Библиот. И. Акад. Н. в 1900 и 1901 г.г.; тоже, Приложение 1-е, 1903 г.; Сведения о рукоп... поступивших в 1912 г.; тоже—в 1903 г.; Охранная опись рукоп. отд. библиот. И. Ак. Н., I. Книги свящ. писания. 1905 г.; Сведения о рукоп. поступивших в 1904 г. Описание рукописей и книг, собр. для И. Ак. Н. в Олонецком крае, 1913; В. С. Срезневский и Ф. Покровский, Описание рукописн. отделения библиот. И. Акад. Н. Рукописи, I. Книги свящ. Писания и богослужебные 1910; II, 1913.—Х. Лонарев, Опис. рукоп. Общ. I. Древн. Письменности, I—III, 1892—1899; Опис. рукоп. кн. П. П. Вяземского, 1902.—Н. Барсуков, Рукописи Археогр. Комиссии, 1882; Н. Сидоров, Рук. Археогр. Ком., первое прибавление, 1907.—Д. Прозоровский, Опись древн. рукописей, хранящ. в Музее Имп. Р. Археол. Общ-ва. 1879.—А. И. Никольский, Опис. рукоп., хранящ. в Архиве св. Синода, I и II (2 вып.) 1900—1910. Библиот. б. Петр. Духовн. Академии—Родосский, Описание 432-х рукоп., принадл. СПб. Дух. Академии и составляющих ее первое по времени собрание, 1894.

Петрозаводск: Олонецкий Музей естеств.-промышл. и историко-этногр., основ. при Губ. Стат. Комитете в 1871 г. Каталог предметов, поступивших в Музей с 1871 по 15 мая 1884 г., составл... Ф. Шелюковым, 1884.

Полтава: «Полтавское Епарх. Древлехранилище», сост. В. Трипольский, 1909; В. Перетц, Отчет об экскурсии семин. руссе. филол. в Полтаву и Екатеринослав, 1910.

Прага: М. Сперанский, Рукописи Павла Пос. Шафарика (Музей Крал. Чешского) в Праге, 1894.

Псков: И. А. Шляпкин, Опис. рукоп. и книг. Музея Археол. Комиссии при Пск. Губ. Стат. Комит. 1879; Каталог вещам и документам, хранящ. в Музее Псков. Археол. Об. 1891.

Путна (Румыния): Manastirea si comuna Putna cu doua appendice de Dimitrie Dan. Bucur. 1905.

Ржев: П. Ф. Симсон, Опис. рукоп. принадл. П. Ф. Симсону, Тверь, 1903.

Рим, Красносельцев, Сведения о некоторых литургических рукоп. Ватиканской библиотек. Каз. 1885.

Ростов (Ярослав. г.): А. Титов, Опис. рукоп. Ростовск. Музея церк. древностей, вып. 1 и 2. 1886; часть 2 (№№ 87—174). 1889; его же, Рукописи преосв. Амфилохия еп. Угличского (252 №№, в Спасо-Яковлевском мон.), Библиогр. Записки 1892, № 4; его же—Опис. рукоп. библиотек. Ростовск. Спасо-Яковлевск. мон., Библиогр. Записки 1892, № 10.

Рылский мон. (Болгария): Е. Спространов, Опись на рукописитѣ въ библиотеката при Рылския монастырь, 1902; Чолаков, Каталог на съхранены тѣ въ Рылской мѣнастырь рукописны книги. Българ. Книжници, 1859, ч. III, год. II, брой 21, сс. 688—92.

Саратов: А. Лебедев, Рукописи Братства св. Креста, вып. I. 1910 и II, 1913 г.; см. его же Рукописные Собрания в Саратове, Тр. Саратов. Уч. Архивн. Ком., XXV и отд.

Сергиев Посад: Г. А—й, Описание славянск. рукоп. библиотек св. Троицкой Серг. Лавры, I—III, 1876—79; арх. Леонид, Слав. рукописи, хранящ. в ризнице Св.-Тр. Серг. Л. 1880; его же, Сведения о слав. рукоп., поступивших из книгохранилища Св.-Тр. С. Л. в библиотек. Троицкой Дух. Семинарии в 1747 г. (ныне в библиотек. Моск. Дух. Акад.) вып. I, 1887; вып. II, Чт. О. И. и Др. Р. 1883—85; пером. Посиѳ, Опись рукоп., перенесенных из библиотек. Посиѳова мон. в библиотек. Моск. Дух. Акад. 1881 (Чт. О. И. и Др. Р. кн. 3); Муретов, Опис. рук. библиотек. Вифанской Дух. Семии. 1897.

Стокгольм: кн. В. Оболенский, Рукописи о России в Корол. библиотек. в Стокгольме, Пам. Др. Письм., 1880, вып. I; К. Якубов, Русские рукописи в Стокгольм. Госуд. Архиве, 1891.

Суздаль: И. А. Шляпкин, Опис. рукоп. Сузд. Спасо-Евфимиева мон., 1880, Пам. Др. Письм., вып. 4.

Суха (Галичица): Zmigródzki. Katalog rękopisow bibli. im. Branickich w Suchej.

Тверь: М. Сперанский, Опис. рукоп. Тверского Музея, вып. I, 1891; в. II, 1904.

Тихвин: Я. Бередников, Опис. четырех рукоп., хранящ. в библи.: Тихв. Успенск. мон. Журн. Мин. Нар. Пр., ч. LV (старой серии); Г. Куницевиц, Опись рукоп. Тихв. Усп. мон. 1908 (из Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Наук).

Упсала (Швеция): кн. В. Оболенский, Рукоп. по русск. истории в Упсальск. Университете. Пам. Др. II. 1880, в. I.

Флорищева пустынь (Гороховецк. у., Владим. губ.): В. Георгиевский, Флорищева Пустынь, 1896.

Чернигов: М. Лилеев, Опис. рукоп., хран. в библи. Черниг. Дух. Семина. 1880 (из Пам. Др. Письм.).

Ярославль: иером. Владимир, Ярославский Спасо-Преображенский мон., что ныне архиер. дом. 1881.

Кроме того, о славянских и русских рукописях, хранящихся в различных библиотеках русских и зарубежных — см.: П. Строев, Опис. рукоп. монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутьева Боровского, 1891; А. Викторов, Описи рукоп. собраний в книгохранилищах северной России, 1890; П. Владимиров, Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII в., 1890; Н. Рузский, Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в св. Землю русского игумена Даниила, 1891; А. Шолов, Опис. рукоп., содержащих летописные тексты, 1909 (Лет. занят. Археогр. Ком., XXII); И. Срезневский, Обзорение списков Кормчей книги, 1897; М. Халанский, Экскурсы в область древн. рукоп. и старопеч. изданий I—XXII, 1900—1902; Я. Бередников, О некотор. рукоп., хранящ. в монастырских и др. библиотеках. Журн. Мин. Нар. Пр. 1858, кн. 6; Куприянов, там же, 1853, кн. 12; В. Ундольский, Библиогр. розыскания, 1846; И. Сахаров, Славянорусские рукописи, 1839; А. Востоков, Опис. рукоп. и печатн. книг славянских, принадл. А. С. Порову, 1836 (из Ж. М. Н. Пр., кн. 9); С. Строев, Опис. памятников славяно-русск. литературы, хранящ. в Публичн. библиотеках Германии и Франции, 1841; В. Ламанский, О некотор. слав. рукописях в Белграде, Загребе и Вене, 1864; Гр. Воскресенский, Слав. рукописи, хранящ. в зарубежных библи.: Берлинской, Пражской, Венской, Люблинской, Загребской и двух Белградских, 1882; Я. Бередников, О слав. рукоп., хранящ. в германских и французских библиотеках, Ж. М. Н. Пр. 1844, № 5; М. Сперанский, Заметки о рукописях Белградской и Софийской библиотеки, 1898; В. Розов, Отчет о командировке в Австрию в 1907 г. (Львов, Краков, Прага); Г. Куницевиц, Перечень русских рукоп. герцогской библи. в Вольфенбюттеле, 1912; А. И. Яцимирский, Славянские и русские рукописи румынских библиотек 1905; это же — Слав. рукоп.

Нямецкого мон. 1898; Калужняцкий. Сборники Нямецкого мон. 1907 (Сборн. отд. р. яз. и слов. Акад. Н. LXXXIII).

Пользуясь данными указаниями нуждающийся в справках в описаниях и каталогах рукописей, конечно, расширит круг библиографических знаний и разыщет сведения и о тех библиотеках, сведения о коих не включены в этот бегло составленный список.

Изучая древнерусскую рукописную литературу, приходится часто обращаться к помощи описаний греческих рукописей, хранящих в себе оригиналы русских переводных памятников. О греческих рукописях — см. у Гардтаузена, *Griechische Paläographie*, 1879; другие указатели см. в нашей книге «Из лекций по методологии», 1914 г., с. 402 и сл.

§ 43. Печатные источники.

О печатных источниках для историко-литературного исследования мы узнаем из целого ряда библиографических работ. Подробности см. в названных и предыдущем § статьях Симоны и Лисовского и в «Опыте» Иконникова. Указываем ниже только то, что имеет и имело в свое время наибольшее значение.

Сопиков, Опыт о Российской библиографии, I—V, 1813; новое изд.—под ред. В. Н. Рогожина, с его указателем: сведения о старопечатн. книгах в I части. — Кеппен, Хронологическая роспись первопечатным славянским книгам, Библиогр. Листы, 1825; Соколов, Каталог обстоятельный богословск. книгам, находящ. в I-м отд. библиотеки Академии Наук, 1832; П. Строев, Обстоят. описание старопечатных книг славянских и российских, хранящ. в библ. гр. Ф. А. Толстова, 1829; его же, Описание старопеч. книг славянских, служащее дополнением к опис. библиотек гр. Ф. А. Толстова и И. Н. Царского, 1841; И. Сахаров, Обзорение слав.-русск. библиографии, 1849, вып. 4, 2-й книги I-го тома; И. Каратаев, Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730 г 1861; его же, «Описание славяно-русских книг, напечат. кирил. буквами, т. I. с 1491 по 1652 г. 1883 (Сборн. отд. р. яз. и слов. Акад. Н. XXXIV); В. Ундольский, Очерк славянорусской библиографии с дополн. А. Бычкова и А. Викторова, 1871; Я. Головацкий, Дополнения к «Очерку» В. Ундольского, 1874; его же, Библиографические находки во Львове, 1873; С. Голубев, Библиографические замечания о некотор. старопечат. церков.-славян. книгах, XVII—XVIII ст., 1876; А. Родосский, Сведения о некоторых редких экземплярах церк.-слав. книг XVII—XVIII ст., хранящ. в Петерб. Дух. Акад. 1880; его же, Описание старопечатн. и старославянских книг, хранящ. в библ. Петерб. Дух. Акад., I

(1491—1700) 1891; II (1701—1897), 1898; Э. Кааужняцкий, Еще несколько прибавлений к библиогр. русск. церкви. изданий, 1890; Токмаков, Хронологическ. каталог слав.-русск. книг церк. печати с 1517 и по 1821 г. библиотеки Моск. Главн. Архива Мин. Ин. Дел, 1879; Ф. Сециский, Музей Подольского Церк.-Археол. Общ. I. Опись старопеч. книг, 1904; И. Свенцицкий, Издавництво Церковного Музея у Львові, I. Каталог книг церкви.-слав. печати 1908; А. Миловидов, Описание славяно-русск. старопеч. книг Виленск. Публ. Библиотеки, 1481—1800 г.г., 1908; Каталог старопеч. книг Церк.-истор. древлехранилища при братстве св. бл. кн. Александра Невского (г. Владимир), Вязники 1898; См. еще в наших «Критико-библиографических обзорах трудов по источниковедению и палеографии», I и II серия, 1904—1914 г.г.).

О библиографии новых печатных книг см. в упомянутых ст. Симони и Лисовского, а кроме того, в примечаниях к вводной главе I-го тома «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина. Специально—об изданиях Петровской эпохи— у Пекарского, Наука и литература при Петре В., т. II, 1862; А. Бычков, Каталог хранящимся в И. Публ. Библ. изданиям, напечатанным гражданск. шрифтом при Петре В., 1867; Библиотека А. Петрова, Собрание книг, издаваемых в царств. Петра В., изд. 2-е, 1913; Соппков, «Опыт». Позднейший период—см.: Плавильщиков, Роспись росс. книгам для чтения из библ. В. Плавильщикова, I—III, 1820, с указателем 1821 г. и пятью прибавлениями, 1821—1826 г.г.; В. Анастасевич А. Смирдин, Роспись росс. книгам..., 1828, с 4 прибавлениями; В. Межов, Библиогр. указатель истории русской и всеобщей словесности, 1872; его же, Русская историч. библиография за 1865—1876 г. включительно, I—VIII, 1872—1890; А. Мезнер, Русская словесность с XI по XIX ст. включительно, I, 1899, II, 1902; С. Венгеров, Русские книги с библиогр. данными об авторах и переводчиках, I—III, 1897—1899 (А—Вавилов); Владиславлев, Русские писатели от Гоголя до наших дней, 3-е изд. 1918 г. Книжная Летопись Главн. Упр. по делам печати (с 1907 г.) и Книжной Палаты (с 1917 г.).

Важнейшие труды по обозрению периодической печати: А. Неустроев, Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 г., 1875; его же, Указатель к русским повременным изданиям и сборникам и к «Историческому розысканию» о них А. Н. Неустроева, 1898; Н. Лисовский, Русская периодич. печать 1703—1900 г. СПб. 1901—1913; В. Срезневский, Список русских повременных изданий с 1706 по 1899 г. со сведениями об экземплярах, принадлежащ. библ. И. Академии Наук, 1901; Н. Лисовский, Список указателей к русск. периодич. изданиям XVIII—XIX в.в., 1898; Н. Ульянова, Указатель журнальной литературы

1906—1910 г.г. I: Обзорные труды по славяноведению, сост. А. Бемом, М. Долобко, В. Дорошченко и др. под ред. В. Бенешевича, изд. Академии Наук, 1912—16 г.г.; А. Лященко, Указатель к Журн. Мин. Нар. Пр., I—II вып.

§ 44. Пособия по вопросам историко-литературной методологии и по истории русской литературной критики.

А. Выше не раз упоминались имена и сочинения различных авторов, касавшихся вопросов методологии, но упоминались без точных ссылок и цитации. Ниже считаем не лишним привести список тех книг и статей, которые могут быть полезны для ориентировки в вопросах методологии и для углубления сведений, почерпнутых из краткого руководства.

Прежде всего назовем общие труды по методологии исторических наук вообще: Ланглюа и Сеньобос. Введение в изучение истории (р. пер.) 1899; Сеньобос, Историч. метод в социологии, 1902; ЛакOMB, Социологические основы истории, 1895; Кареев, Историка; Бернгейм, Введение в историч. науку (р. пер.) 1908; Лаппо-Данилевский. Методология истории, I, 1910; II, 1913; В. Хвостов, Теория исторического процесса. 3-е изд. 1919.

По вопросам критики текста полезны статьи и книги: Бласс, Герменевтика и критика (р. пер.) 1893); Мандес, О филологич. методе изучения источников, Зап. Новоросс. Универс., т. 76, 1899; С. Бугославский, Несколько замечаний к теории и практике критике текста, 1913; ст. в Энци. Словаре Брокгауза-Эфрона «Критика» и «Критика текста».

По вопросам метода изучения литературных произведений и построения истории литературы: Гэн, О методе критики и об истории литературы (р. пер.) 1896 (= предисл. к Истор. англ. литер.); его же. «Чтения об искусстве» (р. пер.) 1889; Энке, Опыт построения научной критики. Эстетическая психология. 1892; Краиц, Опыт философии литературы 1904; Гюйо, Принципы искусства и поэзии, 1896; Guignetière, L'évolution des genres dans la littérature, 1890; Летурно, Литературное развитие различных племен и народов (р. пер.) 1895; E. Elster, Prinzipien der Litteraturwissenschaft. I B., 1897; II B., 19; Кареев, Литературная эволюция на Западе, 1886; Евлахов, Введение в философию худож. творчества. Опыт историко-литер. методологии, I, 1910; II, 1912; III, 1917; Веселовский, О методе и задачах истории литературы как науки, Ж. М. Н. Пр. 1870. кн. 2. и Собр. соч., I; Дашкевич, Постепенное развитие науки, истории литературы, 1877 (из Киев. Унив. Изв.); Колмачевский, Развитие истории литературы как науки, ее методы и задачи, Ж. М. Н. Пр., 1884; Берг, О методе историко-литерат. исследований, 1889 (из Уч. Зап. Казанск.

Уилль.); Архангельский, История литер. как наука, Русск. Фил. Вест. т. 38-й; Алпчиков, Научные задачи истории литературы, Киев. Ун. Изв. 1896, апр.; Сиповский, Истор. литературы, как наука, 1906; Пономарев, Об определении «литературы», Уч. Зап. Казанск. Ун. 1912, ноябрь; Шишмарев, О научн. задачах истории литературы, Филол. Зап. 1899, 1—2; М. Розанов, Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений, Р. Мысль 1900. I; Лазурский, Новое течение в русской историко-литературной науке. Изв. Одесск. Библиогр. Общ-ва, 1913, I. Особенно же следует ознакомиться с книжкой Лансоля, Метод в истории литературы (р. пер.) 1911 г. По частным вопросам методологии истории русской литературы—см. Истрия, рец. на «Истор. литер. Киевского периода» П. Владимирова, ЖМНПр. 1902 г.; его же, Опыт методологического введения в историю русской литер. XIX в., 1907; Бобров, Заметки по истории русск. литер. и просвещения XIX в., гл. I (Сборн. Учено-литер. Общ. при Юрьевск. Унив., XIII); Тихонравов, Рец. на Историю литер. Галахова, Отч. о присужд. Уваров. наград и Собр. сочин. т. I.

Для истории нашей науки много полезных сведений можно почерпнуть из следующих трудов: Сухомлинов, О трудах по истории русской литературы. ЖМНПр. 1871, авг.; Пынин. История русской этнографии, I—IV, 1892; Ибонников, Опыт русской историографии, 2 тома (4 книги) 1892—1912; Архангельский, Введение в историю русской литературы. 1913; отчасти—у Ягича, История славянской филологии, в Энци. слав. филол., изд. II. Акад. Наук, т. I.

Более подробные указания по всем перечисленным вопросам см. в нашей книге «Из лекций по методол. р. литер.» 1914 г.

Б. По истории русской критики указывается ниже небольшой список источников и пособий. С помощью последних—может быть отыскано и неупомянутое.

И. Иванов, История русской критики, 2 т.т. 1898—1900; А. Волинский, Русские критики, 1896; П. Морозов, Минувший век, лит. очерки. 1902; П. Белоруссов, Зачатки русской литературной критики, в I. 1890 (из Фил. Зап.); Э. К., Из истории критики и литерат. мнений до Белинского, 1889 (из Паит: Литер.); В. Н. Мочульский, Смена принципов в русск. критике XIX ст. 1906 (из Фил. Зап.); Н. Козмин, Из истор. русск. критики, 1902 (из ЖМНПр.); его же. Н. Н. Надежди, 1912; его же, Очерки по истор. русск. романтизма. Н. А. Полевой, как выразитель литер. направлений соврем. ему эпохи, 1903 (Зап. Ист.-Фил. Ф-та СПб. Универс.); В. Белинский, Сочинения под ред. С. Венгерова 1900 и сл., 8 т.т.; Письма, 1901; Пынин, Белинский, его жизнь и переписка. изд. 2-е, 1908; И. Панаев, Литер. воспоминания и воспомин. о Белинском, 1876; Ц. Балгалоп, Эстетика Белинского,

1898; В. Каллаш, Опыт пересмотра вопроса о Б-м, 1900; В. Сиповский, Б-й (1810—1910) его личность и творчество, 1910; «Памяти Б-го» Сборник 1899; Чернышевский, Очерки Гоголевского периода рус. литер. 1892 (из Соврем. 1855 г.); А. Шыпин, Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. Изд. 2-е 1890 и сл.; Вал. Н. Майков (1845—1847), Критические опыты, 1889 (изд. Папт. Литер.); Сочинения В. Н. Майкова, 2 т.т., 1901, с ст. Г. Александровского; Ап. Григорьев, Сочинения, со вст. ст. Страхова I, 1876; Аполлон Никол. Григорьев. Материалы для биотр. под редакцией В. Княжинина, 1917; Л. Шах-Паронианц, Критик-самобытник. А. Н. Григорьев, 1899; С. Венгеров, Очерки по истор. р. литер. 1907 и Собр. сочин.; С. Неведенский, Катков и его время, 1888; Сочинения Н. Г. Чернышевского. Н. Деицсюк, Критическая литература о произв. Н. Г. Чернышевского 1908; Г. Плеханов, Н. Г. Чернышевский, 1910; Ю. Стеклов, Н. Г. Ч—й, его жизнь и деятельность (1828—1889), 1909; Сочинения Н. А. Добролюбова, изд. Паптелесава, 4 т.т., 1885; ред. М. Лемке, 1912; 4 т.т.; П. Бибииков, О литер. деятельности Н. А. Добролюбова, 1882; Сочинения Д. И. Писарева, изд. Павленкова 1894 г. 6 томов, Дополн. том—1907 г.; Е. Соловьев, Д. И. Писарев, его жизнь и литер. деятельность, 1893; Н. Н. Страхов, Борьба с Западом в русск. литер. 2 т.т. 1882—83; его же, Критич. статьи, I—II, 1902; Н. Михайловский, Сочинения 10 т.т., 1896—97; Последн. сочинения 2 т.т. 1905; М. Протопопов, Критические статьи, 1902; С. Андреевский, Литерат. очерки, изд. 4-е, 1913; К. Арсеньев, Критич. этюды по русск. литер. 2 т.т. 1888—89; Ф. Батюшков, Критич. очерки, 2 чч. 1900—1902; В. Буренин, Критич. этюды 1888 и др. его соч.; Ю. Айхенвальд, Силуэты русск. писателей I—III, 1906—1912; О. Миллер, Русск. писатели после Гоголя, изд. 5-е, 1906—7; П. Перцов, Философские течения русской поэзии, 1896.

§ 45. Важнейшие источники и пособия для изучения русской народной словесности.

Ниже перечислим только то, что кажется нам наиболее важным, с помощью чего можно ориентироваться и в остальном, в области каждого вида народного (устного) творчества, и затем самостоятельно делать библиографические разыскания.

1) Пособия общего характера: М. Сперанский, Русская устная словесность, М. 1917; П. Владимиров, Введение в историю русской словесности, 1896; А. Лобода, Лекции по народной словесности, 1910; Ф. Буслев, Очерки русск. нар. словесн. и искусства, I—II, 1861; тоже, Сочинения, т. II, 1910; А. Веселовский, Три главы из историч. по-

этики, 1899, и Собр. сочинений, т. I. 1913; История русской литературы, под ред. Е. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсяннико-Куликовского, т. I, 1908; Журналы — «Живая Старина» и «Этнографическое Обозрение».

За сим — перечисляем по видам, минуя вопрос о русской мифологии, очень мало относящийся к изучению собственно словесного народного творчества; к тому же, в этой области все работы безнадежно устарели, а труд Д. Н. Зеленина — остановился на первой части...

2) **Заговоры.** Л. Майков, Великорусские заклинания, Зап. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., II; П. Ефименко. Сборник малоросс. заклинаний, 1874 (Чт. Общ. Ист. и Др., I); Новомбергский, Колдовство в Московской Руси XVII в., 1906; Сумцов, Заговоры, Библиогр. Указатель, 1892; Н. Виноградов, Заговоры, обереги, спасительные молитвы, вып. I—III; А. Ветухов, Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, 1907; Добровольский, Смоленский этногр. сборник, I; Е. Романов, Белорусский сборник, вып. 5; П. Шейн, Материалы для изуч. быта и языка русск. населения сев.-зап. края, II; Крушевский, Заговоры, как вид народн. поэзии, 1876 (Варш. Унив. Изв., кн. 2); Е. Елеонская, Колдовство и заговор в Московск. Руси XVII в., Р. Архив., 1912, IV; ее же, К изучению заговора и колдовства в России, 1917; M a n s i k k a, Ueber russische Zauberformeln, 1909 (здесь и библиогр.); В. Миллер, Ассирийские заклинания и русские народн. заговоры, Русск. Мысль, 1896, № 7; Зеленинский, О заговорах, Сб. Харьковск. Истор.-Филол. Общ., т. X; Познанский, Заговоры. Опыт исследов. происхождения и развития заговорных формул, 1917 (Зап. Ист.-Фил. Ф-та Петрогр. Унив., СХХХVI; с обзором литер.

3) **Причитания:** Е. Барсов, Причитания северного края, I, 1872; II, 1884; III, 1892; Веселовский, Три главы из истории поэтики, 1896; А. Котляревский, О погребальных обычаях языческих славян, 1888 (Сочинения, т. III); П. Свенцицкий, Похоронные голосиния, Етногр. Збірник, XXXI—XXXII, 1912.

4) **Загадки:** Д. Садовников, Сборник загадок, вопросов, притч и загадк, 1878; И. Сахаров, Сказания русск. народа, I 1849; Е. Жданов, Загадки русского народа, 1887; Н. Иванецкий, Загадки, собр. в Вологодск. губ., Волог. Сборник, 1883 г., III; П. Носович, Белорусские загадки, Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, 1869; Е. Романов, Белор. сборник, I—II, 1886; Сементовский, Малоросс. и Галицкие загадки, 1851; 2-е изд.—1872; Номис, Українські приказки..., 1864; М. Комаров, Нова збірка народн. малорус. приказок, прислівів, загадок і замовлянь, 1890.

5) **Песни**: А. Соболевский, Великорусские нар. песни, 7 томов, 1895—1902; тут же — и библиография; П. Шейн, Русские народн. песни, 1868 (Чт. О. II. и Др.); его же, Великорусс в песнях и обрядах, I—II, 1898—1900; Песни, собр. П. Киреевским, нов. серия I, 1911; П. Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции в юго-западный край, 1872—1878, особ. т. V-й; Д. Эварницкий, Малорусские народн. песни, 1909; Е. Романов, Белор. сборн., т. I и сл.; Я. Головацкий, Народные песни Галицкой и Угорской Руси, I—IV, 1878; П. Шейн, Материалы для изуч. быта и яз. р. насел. сев.-зап. края; его же, Белор. песни, Зап. Р. Геогр. Общ. по отд. Этн., II; Носович, там же; Агреева-Славянская, Описание русск. крестьянской свадьбы, 3 части, 1887—89 г.г.; Симанов, Частушки, 1913; Князев, Частушки-коротушки, 1914; Елеонская, (ред.), Сборник великорусских частушек, 1914; Зачиняев, К вопр. о коломыйках, 1907; П. Снегирев, Русск. простонар. праздники и суеверные обряды, I—IV, 1837—1839; Калининский, Нар. Месяцеслов, 1877; А. Веселовский, Сочин. I; Е. Аничков, Весенняя обрядовая песня, I, 1903; II, 1905; Сумцов, О свадебн. обрядах, преимущ. русских, 1881; Ящуржинский, Лирические малор. песни, 1880 (из Р. Фил. Вестн.); А. Потемня, Объяснения малор. и сродных нар. песен, I, 1883; II, 1887 (из Р. Фил. Вестн.); его же, О некоторых символах в славянск. поэзии, 1860, нов. изд. 1914; В. Перетц, Современная народная песня, 1893; Материалы и исслед. по изуч. нар. песни, под ред. Янчука, 4 т.т., 1906—1914. Статьи в «Живой Старине» и «Этногр. обозр.».

6) **Старины (былины)**: А. Лобода, Русский богатырский эпос, 1896; Machál, O bohatyrskem epose slovanském, 1894; Тихонравов и Миллер, Былины старой и новой записи, 1894; Ровинский, Русские народные картинки, I 1881 г.; Сборник Кирши Данилова (Древние российские стихотворения), под ред. П. Шеффера, 1901; Рыбников, Песни, собр. Рыбниковым, 4 тома, 1861—67 г.г.; 2-е изд., 1909 г., 3 тома; Гильфердинг, Онежские былины, 1873, 2-е изд., в 3-х т.т., 1894; Киреевский, Песни, собр. Киреевским, 10 вып., под ред. П. Безсонова, 1862—74; Марков, Беломорские былины, 1901; Ончуков, Печорские былины, 1904; Истомин и Дютш, Песни русск. народа, собр. в Арханг. и Олонецк. губ. с 1886 г., 1894; Гуляев, Былины или побывальщины, Изв. II отд. Акад. Н., 1854, III. — Белинский, Соч., рец. на «Киршу Д.» и «Сказ.» Сахарова; К. Аксаков, Соч., рец. на «Киршу Д.» и «Сказ.» Сахарова; К. Аксаков, Богатыри времен Владимира по русск. песням, Сочинения, I, 1861; Л. Майков, О былинах Владимиров цикла, 1863;

О. Миллер, Илья Муромец и богатырство Киевское, 1869; Н. Квапилин-Самарин, О русск. былинах в истор.-географическом отношении, Беседа, 1871, №№ 4—5; Н. Петров, Следы северно-русского былевого эпоса в южно-русск. народн. литературе, Тр. Киевск. Дух. Акад., 1878, № 5; А. Веселовский, Южно-русские былины, 1881 (Сборн. отд. р. яз. и слов. Акад. Наук, XXII и XXVI); П. Жданов, К литературной истории русской былевой поэзии, 1881, и Сочинения, т. I; В. Стасов, Происхождение русских былин, Вестн. Евр. 1868 г. и Собрание сочин., т. III; Н. Дашкевич, К вопросу о происхождении русск. былин, 1883, Киевск. Унив. Изв.; М. Халанский, Великокорусские былины Киевского цикла, 1885 (из Русск. Фил. Вестн.); П. Созонович, Песни о девушке войне и былины о Ставре Годиновиче, 1886; Ф. Буслаев, Народная поэзия, 1887; В. Миллер, Экскурсы в область русск. нар. эпоса, 1892; М. Халанский, Южно-славянские сказания о Кралевице Марке в связи с произвед. русск. былевого эпоса, 1893 (из Русск. Фил. Вестн.); П. Жданов, Русский былевой эпос, 1895; П. Созонович, К вопросу о западном влиянии на славянск. и русск. народн. поэзию, 1898; А. Лобода, Русские былины о сватовстве, 1904 (Киевск. Унив. Изв.); В. Миллер, Очерки русской народной словесности. Былины, I, 1897; II, 1910; Г. Потанин, Восточные мотивы в средневековом европ. эпосе, 1889. См. мелкие ст. в Этн. Обзор., Жив. Стар. и Известиях отд. р. яз. и слов. Академии Наук.

7) **Исторические песни:** П. Киреевский, песни, V—X; А. Григорьев, Арханг. былины и историч. песни; Вс. Миллер, Историч. песни русск. народа XVI—XVIII в.в., 1915; Разбойничьи песни, сообщ. Простосердовым и Мациевичем, Этнографический Сборник, вып. 6; П. Симонин, Песни, записанные для Рич. Джемса в 1819—20 г.г., 1907; Н. Аристов, Об историч. значении русск. разбойничьих песен, Фил. Зап., 1874 и отд.; П. Вейнберг, Русск. народн. песни об Иване Васильевиче Грозном, 2-е изд., 1908; П. Лавровский, Критический обзор песен Петровской эпохи, 1872; С. Шамбинаго, Песни времени ц. Ивана Грозного, 1914.

8) **Сказка:** С. Савченко. Русская народн. сказка, 1914; П. Владимиров, Введ. в истор. русск. словесности, 1896; М. Халанский, Сказка. Истор. русск. лит., под ред. Аничкова, Бороздина и Овсяннико-Куликовского, I, 1908; Вс. Миллер, Всемирная сказка в культурно-историч. освещении, Русск. Мысль, 1893, кн. XI; Cosquin, Contes populaires de Lorraine, s. a. I—II, и Дмитриев, Исследов. о происх. и распространении народн. сказок, 1907—перев. введения Коскена; Ф. Буслаев, Перехожие повести, сборн. «Мои Досуги»; В. Клоустон, Народні казки та вигадки, їх вандрівки та переміни, 1896;

Е л е о н с к а я, К вопросу о возникновении и сложении сказки, Этногр. Обзор., кн. 72; В. К л и н г е р, Сказочные мотивы в «Истории» Геродота, 1903; А ф а н а с ь е в, Народн. русские сказки, М., 1855—63; 1897—2 тома; 1914—5 томов; И. Х у д я к о в, Великорусские сказки, 1860, 3 вып.; Е. Ч у д и н с к и й, Русск. нар. сказки, прибаутки и побасенки, 1864; Д. С а д о в н и к о в, Сказки и предания Самарского края, 1884 (Зап. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., XII); А. Э р л е н в е й н, Нар. русские сказки, собранные сельским учителем Тульск. губ., 1883; Н. О п ч у к о в, Северные сказки, 1909; Д. З е л е н и н, Великор. сказки Вятской губ., 1915 (там же, XII); Ю. и Б. С о к о л о в ы, Сказки и песни Белозерского края, 1915; А. С м и р н о в, Сборник великорусск. сказок из Архива Р. Геогр. Общ., I—II, 1917; Е. Р о м а н о в, Белорусский Сборн., вып. 3, 1887; 4, 1891; 6, 1901; В. Д о б р о в о л ь с к и й, Смоленский этногр. сборн., I, 1891; П. Ш е й н, Материалы для этногр. русск. населения сев.-зап. края, Сб. отд. русск. яз. и слов. Акад. Н., VII; П. Р а д ч е н к о, Народные южно-русские сказки, 2 вып., 1869—70 г.г.; П. Ч у б и н с к и й, Труды этногр.-стаг. экспедиции в юго-зап. край, т. II, 1878; Б. Г р и н ч е н к о, Из уст народа, 1900; Б. Г р и н ч е н к о, Рассказы, сказки, предания..., собр. в Черниговск. губ., I, 1895; Н. М а н ж у р а, Сборн. Ист.-фил. Общ. при Харьк. Унив., т.т. II и VI; А. М а л и н к а, Сборн. материалов по украинскому фольклору, 1902; П. Г н е д и ч, Сказки, легенды, рассказы. Материалы по народн. слов. Полтавск. губ., 1915; Ю. Я в о р с к и й, Памятники галицко-русск. народн. словесности, 1915 (Зап. Геогр. Общ. по отд. этн., XXXIII); Етнограф. Збірник I, IV, VI, XXX, вид. Наук. Тов. у Львові; А. П ы л и н, Очерк литер. истории стар. повестей и сказок русских, 1858 (Уч. Зап. 2 отд. Ака. Наук); Ф. Б у с л а е в, Славянские сказки, Очерки нар. слов., I, 1861; Л. К о л м а ч е в с к и й, Животный эпос на Западе и у славян, 1882; Н. Д а ш к е в и ч, Происхожд. и развитие эпоса о животных, 1883 (Киевск. Унив. Изв.); А. К о т л я р е в с к и й, Русская сказка, Сочинения, т. II; Б о б р о в, Русск. нар. сказки о животных, Р. Фил. Вестн., 1906, 1—3; 1907 г., 1—3; 1908 г., 1—3; С у м ц о в, Малорусск. сказки по сборн. Кольберга и Мошинской. Этно. Отд., кн. XXII; В. П е р е т ц, Из истории р. нар. сказки, 1894 (из «Библиографа»).

9) **Легенда:** А. А ф а н а с ь е в, Нар. русские легенды, 1859; 2-е изд., 1914; М. Д р а г о м а н о в, Малорусск. народн. предания и рассказы, 1876; П. Ш е й н, Материалы...; В. Д о б р о в о л ь с к и й, Смоленский этногр. сборн.; Е. Р о м а н о в, Белор. сборн.; Н. С у м ц о в, Очерки истории южно-русских апокрифических сказаний и песен, 1887 (из Киевск. Старины); А. В е с е л о в с к и й, Опыты по истории развития

христианской легенды, Журн. М. Н. Пр., 1875, 4—5; 1876, 2—4; 1877, 2—5; Н. Сумцов, Легенда о грешной матери, 1893 (из Киевск. Старши); Ф. Буслаев, Историч. очерки, 1861; Етногр. Збірн., III, IV, XII, XIII, XXX, XXXIII—XXXIV.

10) **Духовный стих:** П. Киреевский, Дух. стихи, Чтения Общ. Пет. и Др. Росс. 1848 г.; В. Варенцов, Сборник русск. духовн. стихов, 1860; П. Безсонов, Калекн переходные, 1—6, 1861—1864; К. Романов, Белор. сборн., вып. 5, 1891; В. Добровольский, Смоленский сборн., ч. IV, 1909; Истомин, Песни русск. народа, 1894; Опчужков, Печорские стихи и песни, 1908; Чубинский, Труды этно-стат. экспед., I, вып. I, 1872; Метлинский, Народн. южно-русские песни, 1854; Етногр. Збірник, II. — В. Андрианова, Житие Алексея челов. Божия в древней русской литер. и народной словесности, 1917 (обзор литературы о дух. стихах); В. Мочульский, Историко-литерат. анализ стиха о Голубиной Книге, 1887; его же, «Следы народной Библии», 1894; А. Кирничников, Св. Георгий и Егорий Храбрый, 1879; А. Веселовский, Розыскания в области дух. стихов, Сб. отд. р. яз. и слов. Акад. Наук, 1879—91; И. Срезневский, Дух. стихи о св. Николае, Сведения и заметки о неизвестн. и малоизвестных памятниках, вып. IV, 1867 г., гл. XXXII; Ф. Батюшков, Спор души с телом в памятниках средневеков. литературы, 1891; А. Рыстенко, Легенда о св. Георгии и драконе, 1909; Т. Рождественский и М. Успенский, Песни русских сектантов, 1912.

11) **Украинские думы и истор. песни:** кн. Цертелев, Опыт собрания старины малор. песней, 1819; М. Максимович, Украинские нар. песни, 1834; его же, Сборн. укр. песен, 1849; П. Лукашевич, Малоросс. и червонорусские нар. думы и песни, 1836; Метлинский, Народн. южно-русские песни, 1854; Истор. песни украинского народа, объясн. В. Антонович и М. Драгоманов, I, 1874; II, 1, 1875; К. Арабажиц, Истор. песни и думы. Ист. р. лит., изд. Сьтина, II, под ред. Анничкова, 1908; Драгоманов, Нові укр. пісні про громадські справи, 1764—1880, Женева, 1881; Я. Новицкий, Малорусск. историч. песни, собр. в Екатеринославщине 1873—1903, 1908; П. Житецкий, Мысли о малор. думах, 1893; Ив. Ерофеев, Укр. думы і їх редакції, Зап. Науков. Тов. у Києві, VI, VII; Н. Даникевич, Олексій Попович думы про «бурю на Чорному морі», 1905; С. Томашівський, Маруся Богуславка в Укр. літер., 1907; М. Халайский, Малор. думы про Байду, 1905; Ив. Каманин, Укр. богатири козацької доби, 1913; Евг. Тимченко, До питання про стосунок українських дум до південно-слав. епосу, Зап. Науков. Тов. в Києві, II, там же и др. работы о думах;

Н. Сумцов, Заметки о малор. думах и дух. виршах, 1895 (Этн. Обзор., XXIV); Гв. Франко, Студії над укр. нар. піснями, I, 1913; П. Маринович, Українські записи, 1906 (из Киевск. Стар., 1904); Н. Дашкевич, Несколько следов общения Южн. Руси с юго-славянами в литовско-польский период, между прочим—в думах, «Киевский Изборник» в честь Т. Д. Флоринского, 1905; П. Житецкий, Заметки о разных методах изучения народн. малор. дум. Этногр. Обзор., 1895; Ф. Колесса, Ритмика українських народн. пісень, Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка у Львові, т.т. 71—74, 76 и отд.; Н. Костомаров, «Богдан Хмельницкий», 1874; его же, Исторія козачества в памятниках южно-русского письменного творчества, Р. Мысль, 1880 и 1883; П. Кулиш, Записки о Южн. Руси, 2 т.т., 1856—57; Лисовский, Опыт изуч. малор. дум, 1890; В. Перетц, Українські думи, Літер.-Науковий Вістник, 1907, IV; Д. Ревуцький, Укр. думи та пісні історичні, 1919. Итоги изучения—с прекрасным указателем.

12) **Пословицы:** П. Симонн, Старинные сборники русских пословиц XVI—XVIII ст., 1909; Курганов, «Письмовник» 1769 г.; Собрание 4291 древних русск. пословиц, 1870 г.; И. Снегирев, Русские в своих пословицах, 4 части, 1831; его же, Русские нар. пословицы и притчи, 1848; его же, Новый сборник пословиц и притч, 1857; В. Даль, Пословицы русск. народа, 1862; 2-е изд., 1879; П. Носович, Сборн. белор. пословиц, Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, 1869 и Сборн. Отд. р. яз. и слов. Акад. Н., т. XII; Е. Романов, Белор. Сборн., вып. I—II; Номис, Українські приказки, прислів'я і таке инше, 1864; Этногр. Збірник, Галицько-руська нар. прислів'я, т. X, XVI, XXVI; И. Тимошенко, Литературные прототипы и первоисточники 300 русск. пословиц, 1897; Ф. Буслаев, Русский быт и пословицы, Истор. Очерки, т. I; А. Потебня, Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка, 1884; Н. Сумцов, Опыт истор. изуч. малор. пословиц, 1896; В. Перетц, Из истории пословицы, 1898; П. Сирот, Параллели. Библейские тексты и отражение их в изречениях русск. народной мудрости, I, 1897.

§ 46. Важнейшие пособия по истории русской литературы XI—XVIII в.в.

Кроме общих курсов и обзоров, указанных мною выше (§ 41), в дальнейшем я перечислю, как пособия, книги и брошюры с одной стороны — справочного характера, с другой — расширяющие представления об изучаемых памятниках. Справочные книги у нас немногочисленны: акад. Н. К. Никольский, Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI в.в., 1906; Библиологический словарь—Строе-

на; Обзор духовн. литературы арх. Филарета, 2-е изд.; Древние памятники русского яз. и письма, 1882, ак. И. Срезневского; иногда бывает полезна Историческая Хрестоматия Ф. Буслаева (1861 г.), а также обзоры Истории русской церкви Е. Голубинского (2-е изд., 4 книги) и митр. Макария, 12 томов и рядом эпиграмм калягоццад кизар, гл. 1881—2281 'Уѣи' 'нок группам памятников.

1) Для объяснения переводных, подражательных и оригинальных памятников древнейшего периода, книг священного писания, богослужебных и творений отцов и учителей церкви, известных в древне-русской письменности, служат с пользою: Сендерленд, Свящ. книги ветхого и нового завета, 1907; П. Юнгеров, Общее историко-критическое введение в свящ. ветхозаветные книги, 1910; его же, Частное введение в свящ. ветхозаветные книги, I—II, 1907; Е. Жебелев, Евангелия канонические и апокрифические, 1919; П. Евсеев, Рукописное предание славянской библии, 1911; К. Никольский, Пособие к изучению Устава богослужения правосл. церкви, 1907; М. Скабалланович, Толковый Типикон, I, 1910, II, 1913; арх. Филарет, Исторический обзор песнопевцев и песнопения греч. церкви, 3-е изд., 1902; для справок при изучении отцов церкви—лучшее пособие—Vardenhewer, Patrologie, 3-е изд., 1910; его же, Geschichte d. altchristlichen Litteratur, 3 тома, 1902; К. Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Litteratur, 2-е изд.; акад. Ф. П. Успенский, Очерки по истории византийской образованности, 1892, и его же, История Визант. Империи, I, 1912; А. Архангельский, К изучению древне-русской литературы. Творения отцов церкви в древне-русской письменности, общий обзор, 1888; его же, Творения о.о. церкви в др.-русск. письм., I—II, 1889; III и IV, 1890; ак. А. И. Соболевский, Древняя церковно-славянская литература и ее значение, 1908; его же, Юго-славянское влияние... (в кн. Перев. литер. Моск. Руси); арх. Филарет, Историческое учение об отцах церкви, I—II.

2) **Древне-русские сборники:** В. Виноградов, Уставные чтения, I, 1914; В. Малинин, Исследование Златоуструя, 1878; его же, Десять слов Златоуструя XII в., 1910; Е. Петухов, Древние поучения на воскресные дни Великого поста, 1886; А. Орлов, Сборники Златоуст и Торжественник, 1905; Е. Петухов, Материалы и заметки из истории др.-русск. письменности. К вопросу о Златых Цених, 1894; В. Истрин, Исследов. в области др.-русск. литер., 1906; В. Яковлев, К литер. истории др.-русск. сборников. Опыт исследования Измарагда, 1893; Архангельский, Твор. о.о. церкви, вып. IV, 1890; В. Изергин, Материалы для истории древне-русск. сборников, I—III, 1905; А. Михайлов, К вопр. об «Учительном Евангелии» Константина, сн. бол-

гарского, 1894; о том же — еп. Антоний, Из истории христ. проповеди, 1892; Архангельский, — о том же и о Маргарите, см. Очерки из истории западно-русской литер., 1888; А. Карцов, Азбуковники ио спискам Соловецк. библ., 1878; Ваталин, Древне-русск. Азбуковники, Филол. Зап., 1873, 3—5; ак. Ягич, Рассуждения старины о славянск. яз., Иссл. по русск. яз. Изд. Акад. Наук, I, 1885—95. «Святославов Изборник» 1073 г.—изд. Общ. Л. Др. Письм. «Святосл. Изборн.» 1076 г., изд. В. Шмаповским; К истории древне-русских говоров, 1887.

Приточная литература: М. Сперанский, Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности, 1904; С. Щеглова, Пчела по рукописям Киевских библиотек, 1910; С. Розанов, Материалы по истории русских Пчел, 1904; В. Семенов, Древне-русск. Пчела по пергаменному списку. 1893 (Сборн. отд. р. яз. и слов. Акад. Н.).

Древне-русская полемическая литература: А. Попов, Историко-литер. обзор др.-русск. полемических сочинений против Латынян, 1875; А. Павлов, Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемич. литер., 1878; Щербина, Литературная история русских сочинений о Флорентийской Унии, 1902; Памятники полемич. литер. в Зап. Руси, I—III (Русск. Истор. Библ.); Е. Аничков, Язычество и Русь. 1914; Гальковский, Борьба христианства с остатками язычества в древн. Русп, 1913; Пономарев, Памятники церк.-учительн. литер., вып. III, 1897; (А. Попов), Древне-русск. полемич. сочинения против протестантов, I, 1878; II, 1879; С. Вилнинский, Послания старца Артемия, 1906; Д. Цветаев, Литературная борьба с протестантством в Московск. государстве, 1887 и его же, Памятники к истории протестантства в России, ч. I; «Толковая Палея» по списку, сделанному в Коломне, Труд учеников Н. С. Тихонова, I—II, 1892—96; В. Андрианова, К литерат. истории Т. Пален, 1910 (здесь обзор литер.).

Апокрифическая литература: Н. С. Тихонов, Отреченные книги древней Руси, Сочинения, т. I, 1898; его же, «Памятники отреченной русской литературы, I—II, 1863; II. Порфирьев, Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях, 1872; его же, Апокр. сказ. о ветхозав. лицах и событиях по рукоп. Соловецкой библ., 1877; его же, Апокр. сказ. о новозаветных лицах и событ., 1890 (Сборн. отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 52); П. А. Лавров, Апокриф. тексты, 1899 (там же, 67); Ив. Франко, Апокрифи і легенди з українських рукописів, I—IV, 1897—1906; Пыпин, Ложные и отреченные книги русск. старины (Пам. стар. р. литер., изд. Кушелевым - Бэзбородко, III, 1862); А. Яцимирский, Из слав. рукописей, 1898; М. Соколов, Материалы и заметки по старин.-слав. литературе, I—V, 1888; М. Сперанский,

Слав. апокрифич. евангелия, 1895; П. Владимиров, Научное изучение апокрифов в русск. литер. во втор. полов. (XIX) столетия, 1900; М. Соколов, Слав. Ки. Епоха, 1910; А. Веселовский, Слав. сказания о Соломоне и Китоврасе, 1872; В. Адрианова, Ев. Фомы в украинск. литер., 1909 (Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 1); Смирнов, Апокр. сказания о деяниях Божией Матери и деяниях апостолов, Правосл. Обзор., 1873, апр.; М. Сперанский, Апокр. деяния ап. Андрея в слав. списках, 1894 («Древности» Моск. Арх. Общ.); К. Истомин, Из слав. рукоп. об Ап. Андрее, 1904 (Вестн. Арх. и Ист., XVI); С. Балухатый, о том же, Отчет экскурсии семин. русск. филол. проф. Перетца в Киев, 1915; П. Щеголев, Сказание Афродитиана, Известия отд. р. яз. и слов., 1899—1900; С. Соловьев, Истор.-литер. этюды. К легендам об Иуде Предателе, 1895; А. Назаревский, Хождение Богородицы по мукам, Зап. Украинск. Науков. Товариства в Киіві, II; Л. Шенелевич, Очерки по истор. средне-веков. литер. и культуры, I, 1890; его же, Этюды о Данте. I Апокриф. Видение Павла, I—II, 1891—92; В. Истрин, Откровение Мефодия Патарского и апокриф. Видение Даниила, 1897; В. Мочульский, Истор.-литер. анализ стиха о Голубиной книге, 1887; его же, Следы народной Библии, 1893; И. Жданов, Беседа 3-х святителей... (Сочин., I); М. Сперанский, Гадание по Псалтыри, 1899; его же, Треники, 1899; Лопаточник, 1900; Аристотелевы врата, 1908 (все — в Пам. Др. Письм.); В. Перетц, К истории Громника, 1899; К истор. Лунника, 1901; А. Архангельский, К истор. немецкого и чешского Луцидарусов, 1897; его же, К истор. древне-русского Луцидаруса, 1899.

Агиографическая литература: Е. Голубинский, История канонизации русск. святых, 1894; арх. Сергей, Полный Месяцеслов Востока, I—II; Н. Барсуков, Источники русской агиографии, 1882; Хр. Лопарев, Греческие жития свв. VIII и IX в.в., I, 1914; Шестаков, Исследов. в области греческих народных сказаний о святых, 1910; П. Безобразов, Византийские сказания, ч. I, Рассказы о мучениях, 1917 (прод. в Ж. М. Н. Пр., 1917); В. Ключевский, Древне-русские жития свв., 1871; Н. Петров, О происх. и составе славяно-русского печатного Пролога, 1875; М. Сперанский, Сентябрьская минея четья до-макариевского состава, Известия, 1886; его же, Октябрьская минея четья... Известия, 1901; Великие Четьи Миней, изд. Археогр. Комиссии; Д. Красин, Четьи Миней свящ. Иоанна Милутина, Моск. Унив. Изв., 1870, № 8; арх. Леопид, Сведения о слав. и русск. переводах Патериков, Чт. О. И. и Др. Р., 1890, кн. 4; «Лавсанк» Палладия, еп. Еленопольского, 1873; Палестинский Патерик, вып. 1—8, изд. Палест. Общ.; Лимонарь (Луг Духовный) Иоанна Мосха, пер.

Хитрово, 1896; В. Преображенский, Славяно-русский Скитский Патерик, 1909; Н. М. Смирнов, Синайский Патерик. в древне-славянском. переводе, I—II, 1917; Киево-печерский Патерик, изд. Археогр. Комиссией, 1911; В. Яковлев, Древне-киевские религиозные сказания, 1875; еп. Макарий, Обзор редакций Киево-Печ. П., Изв. отд. р. яз. и слов., т. IV старой серии; Д. Абрамович, Исследование о Киево-Печ., П., как историко-литературном памятнике, 1902; А. Шахматов, Киево-Печ. П. и Печерская летопись, Известия, 1898, кн. 3. Об отд. житиях см. указания у Барсукова и в Опыте русск. Историографии Иконникова, за сим: Буслаев, Истор. Очерки; П. Некрасов, Зарождение национальн. литер. в северной Руси, 1870; И. Яхонтов, Жития свв. северно-русских подвижников, как историч. источник, 1882; Коноплев, Святые Вологодского края, Чт. О. И. и Др., 1845, кн. 4 и отд.; Н. Серебрянский, Древне-русские княжеские жития, 1915; В. Яблонский, Пахомий Серб и его агиографические писания, 1908; В. Мансикка, Житие Александра Невского, 1913; С. Бугославский, К вопр. о характере и объеме литер. деятельности пр. Нестора, Известия, 1914, кн. I и отд.; некоторые жития соч. Епифанием — в Пам. стар. русск. литер. Кушелева-Безбородко, 1861; Л. Кадлубовский, Очерки по истории др.-русск. литературы житий свв., 1902; С. Розанов, Жития пр. Авраамия Смоленского и службы ему, 1912; Абрамович, Жития св. муч. Бориса и Глеба, 1916.

Древне-русская проповедь и послание: общие пособия — Памятники древне-русск. учительной литер., под ред. А. Пономарева, 1894, I—IV; Н. Никольский, Повременный список...; П. Николаевский, Русская проповедь XV—XVI в.в., Ж. М. Н. Пр., 1868, февр.; о некоторых авт. — С. Бугославский, Поучение Луки Жидяты, Изв. отд. р. яз. и слов., 1913, кн. 2; И. Жданов, — об митр. Иларионе, Сочинения, т. I; еп. Макарий, Преп. Феодосий, как писатель, Изв. отд. р. яз. и слов., IV, 1855; В. Чаговец, Пр. Феодосий Печ., его жизнь и сочинения, 1901; Н. Никольский, О литер. трудах митр. Климента Смолятича, 1892; о сочин. Кирилла, еп. Туровского — М. Сухомлинов, Исследования по др.-русск. литературе, 1908 (Сборн. отд. р. яз. и слов. Ак. II., т. 85 и Рукописи гр. Уварова, т. II, вып. I, 1858; Е. Петухов, Серапион, еп. Владимирский, русский проповедник XIII в., 1888; И. Шляпкии, Слово Даниила Заточника, 1889; Миндалев, Моление Дан. Заточника и связанн. с ним памятники, 1914 (здесь обзор литер.); Н. Лихачев, Инок Фомы слово похвальное о благов. вел. кн. Борисе Александровиче, 1908; А. Яцимирский, Григорий Цамблан, 1904, и К вопросу о слав. проповеди в Молдавии, 1906; В. Жмакин,

Митрополитъ Даниилъ, 1881; В. Иконниковъ, Пр. Максим Грекъ, 2-е изд., 1914; Сочинения М. Грека — изд. Каз. Дух. Акад., I—III, 1850-х г.г. и нов.; П. Яхонтовъ, Русскій проповедник XVII в. и несколько статей из его соч. «Сатир», 1883.

Летопись и историч. литература: главные библиогр. данные: тексты см. в Полном Собр. р. летоп., изд. Археогр. Комиссии; за сим М. Сухомлиновъ, О древне-русск. летописи, как памятнике литературном, 1857 (и Исследования, 1908); К. Бестужев-Рюминъ, О составе русских летописей до к. XIV в., 1874; Н. Костомаровъ, Лекции по русской истории, 1862; И. Срезневскій, Статьи о древн. русских летописях (1853—1866), 1903; Русские летописи I—III. с предисл. С. Белокурова, 1898 (из Чт. О. И. и Др. Р.); А. Шахматовъ, Разысканія о древнейших русских летописных сводах, 1908; его же, Пов. временных лет, т. I, Введение, текст, примеч., 1916; его же, К вопр. о происхождении хронографа, 1897 (Сб. отд. р. яз. и слов.); А. Поповъ, Обзор хронографов русск. редакци, I—II, 1866—69; В. Истринъ, Хронографы в русск. литературе, Визант. Временник, V, 1898; П. Васенко, Книга Степенная царского родословия, 1904; подробная библиогр. — в «Опыте русск. историогр.» В. Иконникова.

Хождения и путешествия: общие обзоры — А. Шыпинъ, Древне-русское паломничество. Чтения о св. Земле, вып. XXXVI, 1896 и XXXVII, 1897; А. Плагонъ, Древне-русске паломники из среды духовенства и мирян, Сообщения Прав. Палестинскаго Общества, 1906, XIII, вып. 4; арх. Леонидъ, Паломники писатели петровскаго и послепетровскаго времени, М., 1874 (из Чт. Общ. П. и Др. Р.); Житие и хоженье Данила русьскя Земли игумена 1106—8 г.г., под ред. Веневитинова, Прав. Палест. Сб. I, вып. 3 и 9, 1883; «Книга Паломникъ» Антонія архиеп. Новгород. 1200 г., под ред. Х. Лопарева Пр. Палест. Сб. XVII, в. 3, 1899; Хождение Агрефення архим., там же, XVI, в. 3, 1896 г.; Игнатия Смольнянина — там же, под ред. С. Арсеньева, IV, в. 3, 1887; Елифанія мниха 1415—17 г.г.—там же, V, в. 3, 1887; Хоженье инока Зосимы 1419—22 г.г., под ред. Лопарева, там же, VIII, в. 3, 1889; Хоженье гостя Василя 1465—66 г.г., под ред. арх. Леонида, там же, II, в. 3, 1886; Хожд. инока Варсонофия 1456 и 1461—62 г.г., там же, XV, в. 3, 1896 и Сообщения Палест. Общ., 1895, окт.: Хождение Василя Познякова 1558 г. под ред. Лопарева, там же, VI, в. 3, 1887; Хождение Трифона Коробейникова 1593—4 г.г., под ред. Лопарева, там же, IX, в. 3, 1889; Житие и хождение Василя Гагары 1634—37 г.г. под ред. С. Долгова, там же, XI, в. 3, 1891; Повесть и сказаніе о походе Иоанна Маленькаго 1648—1652 г.г., под ред. Долгова, там же, XIV, в. 3, 1895; Проскинитарій Арсенія Суханова, там же, VII, 1889, и С. Белокуровъ, Арс. Суханов, I—II, 1891—94; Пелгрима-

ция Инокрита Вишенского, Пр. Пал. Сб., вып. 61, 1914; Афанасий Никитин, Хождение за три моря 1466—1472, Срезневский, Уч. Зап. Отд. р. яз. и слов. Ак. Наук, II, 1857; Путешествие Авраамия, еп. Суздальского и инока Симеона, Попов, Полемич. соч. против латинян: Делекторский, Критико-библиотр. обзор др.-русск. сказаний о Флорент. Унии. Ж. М. Н. Пр., 1895, июль; прочее — Сахаров, Сказания, II, и наша кн. Из лекций по методологии, 1914.

Московская религиозная и политическая литер. XV—XVI в.в.:
 Общие пособия — П. Миллюков, Очерки по истории русской культуры, III; А. Архангельский, Образование и литерат. в Моск. госуд. XV—XVII в.в.; В. Жмакин, Митр. Даниил; Соболевский, Образованность Моск. Руси XV—XVII в.в.; его же, Переводная литература Моск. Руси, 1903 (из Сб. отд. р. яз. и слов. Акад. Н.). Засим: А. Архангельский, Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, 1882; Предание ученикам пр. Нила Сорского, изд. М. Боровковой-Майковой, 1912; П. Хрущов, Князь иннок Вассиан Патрикеев, Древн. и Нов. Росс., 1875, вып. 3; Грандицкий, Геннадий архиеп. Новгород., Правосл. Обзор., 1878, 9 и 1880, 8; И. Хрущов, О сочинениях Иосифа Санина, 1868; «Просветитель» Иосифа — изд. Казанск. Дух. Акад., 4-е изд., 1904 г., послания его — Русск. Истор. Библ., VI; В. Дружинин и М. Дьяконов, Беседа Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, 1889; Н. Гудзий, К вопросу об авторе «Беседы С. и Г.», 1913 (из Русск. Фил. Вестн.); Бельченко, К вопр. о составе и об авторе Бес. С. и Г., 1914; Б. Гречев, Пр. Нил Сорский и Заволжские старцы, Богосл. Вестн., 1907, № 7—8; 1908, № 5, 9, 11; 1909, № 5; Сочинения Максима Грека, изд. Казанск. Дух. Акад., I—III, 1858—62 г.г., есть нов. переиздание; В. Иконников, Пр. Максим Грек, 1914; В. Малинин, Старец Елеазарова мон. Филофей и его послания, 1901; Ф. Калугин, Зиновий Отенский и его богосл.-полемич. и церковно-учительные произведения, 1894; К. Заусеницкий, Макарий, митр. всея России, Ж. М. Н. Пр., 1881, окт., ноябрь; «Стоглав» — изд. Казанск. Дух. Акад., 1887, 1890; Д. Стефанович, О Стоглаве; его происхожд., редакции, и состав., 1909; И. Шляпкин, Ермолай Прегрешный, нов. писатель эпохи Грозного, 1911 (из Сборн. в честь С. Ф. Платонова); В. Ржигга, И. С. Пересветов, публицист XVI в., 1908; С. Вилинский, Литер. деятельность старца Артемия, 1905; Голохвастов и арх. Леонид, Благовещенский поп Сильвестр и его писания, 1874 (Чт. О. И. и Др. Р.); Домострой — изд. Яковлева, 1867 и 1887; А. Орлов, Домострой по Коншинскому списку, I, 1908; II, 1910; П. Некрасов, Опыт истор.-литер. исследования о происх. др.-русск. Домостроя, 1873 (из Чт. О. И. и Др. Р.); А. Михайлов, К вопр. о редакциях Д-я, его составе и про-

исхождении. Ж. М. Н. Пр., 1889, февр., март; 1890, авг.; И. Жданов, Сочинения ц. Ивана Васильевича, Сочинения, т. I, 1904; Сочинения кн. А. Курбского и ц. Ивана Вас. Грозного — Русск. Истор. библиот., 1914; А. Горский, Жизнь и историч. знач. кн. А. М. Курбского, 1854; М. П(етровск)ий, Кн. А. М. Курбский, Историко-библиогр. заметки..., 1873 (Уч. Зап. Казанского Унив., № 4); Н. Иванншев, Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, I—II, 1849—50; О ереси жидовствующих. Новые материалы, собр. С. Белокуровым и др., 1902 (Чт. О. И. и Др. Р.); В. Перетц, Новые труды о «жидовствующих» XV в. и их литературе, 1908 (Киевск. Унив. Изв.); М. Сцераиский, Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, 1907; С. Неверов, Логика иудействующих по рукоп. 1482 г., 1909 (Киевск. Унив. Изв.); ак. Кокорев, К вопр. о «Логике Авнасафа», Ж. М. Н. Пр., 1910.

Древне-русская повесть: А. Пыпин, Очерк. литерат. истории повестей и сказок русских, 1858 (Уч. Зап. Акад. Н. по II отд.); его же, Для любителей книжной старины, 1888; Ф. Вуслаев, Перехожие повести (Сб. «Мои Досуги», 1876); его же, Очерки, I—II; Памятники стар. русск. литер., изд. Кушелева-Безбородка, I, II, IV; В. Сиповский, Русские повести XVII—XVIII в.в., 1905; А. Соболевский, Переводн. литерат. Моск. Руси, 1903; И. Хрущов, О древне-русск. историч. повестях и сказаниях, 1878; А. Потемня, Слово о полку Игореве, 1878, есть и нов. изд.; А. Смирнов, Слово о п. Игореве, I—II, 1879; Е. Барсов, Сл. о п. Иг. как худож. памятник киевской дружиной Руси, I—III, 1887—89; Н. Гудзий, Литература о Сл. о п. Иг., 1914 (из Ж. М. Н. Пр.); Огонювский, Слово о п. Иг., 1876; А. Орлов, Об особенностях формы русских воинских повестей, 1902; С. Шамбинаго, Повести о Мамаевом побоище, 1910; Тимофеев, Сказания о Куликовск. битве, Ж. М. Н. Пр., 1885, № 8—9; А. Григорьев, Повесть об Акире премудром, 1913; В. Истрин, Александрия русских хронографов, 1893; А. Веселовский, Из истории романа и повести, I—II, 1886; о Девгениевом деянии—Тихомиров, Сочин., I; А. Кирпичников, Греческие романы в новой литер., 1876; о Варлааме и Иоксафе — Гв. Франко, Записки Науков. Товар. ім. Шевченка, VIII, X, XVIII и XX и отд., 1897; В. Истрин, Сказание об Индейском царстве. Труды Слав. Ком. Моск. Археол. Общ., I; о том же — Баталин, 1875 (Филол. Зап. и отд.); Лопарев, Слово о гибели русск. земли, 1898; С. Розанов, Повесть об убийении Батая, Изв. отд. р. яз. и слов., 1916, кн. I; А. Рыстелко, Сказание о 12 снах царя Мамера, 1904 и «Addeida» (Летоц. Ист.-Фил. Общ. при Новоросс. Унив., X, XIII); Повести о Вавилонском царстве, Жданов, Р. былевой эпос, 1895; Н. Гудзий, Прение живота и смерти и нов. украинский его список;

1910 (Р. Фил. Вестн.) и Жданов, Кист. былевого эпоса, Соч. 1; Хр. Лопарев, Древне-русск. сказания о птицах, 1896; о том же — А. Багрий, Р. Фил. Вестн., 1912 и отд.; И. Шляпкин, Сказка о Ерше, Ж. М. Н. Пр., 1904, авт и отд.; С. Платонов, Древне-русск. сказания о Смуте 1888, 2-е изд., 1913; о том же — Русск. Истор. Библ., т. XIII, 2-е изд.; Римские Деяния, изд. Общ. Л. Др. П., 1877 и 1878; С. Пташицкий, Средне-вековые зап.-европ. повести в русск. и славянск. литер. (о Римск. Д.), 1897; П. Владимиров, Великое Зерцало, 1884 (Чт. О. И. и Др. Р.); Повесть о семи мудрецах, изд. Общ. Люб. Др. Письм., 1878—80 г.г., 2 вып.; История о Мелюзине, то же, 2 вып., 1878—80 г.г.; И. Шляпкин, Повесть о Василии Златовласом, 1882; М. Петровский, Пов. о Брунцвике, 1888; Фацеции — изд. в Пам. Др. Письм., 1878—79; А. Орлов, Историч. и поэтич. повести об Азове, 1906 его же, Сказочные повести об Азове, 1906; Е. Петухов, Очерки из литературной истории Синодика, 1895; Де-Витт, Сказание о посаднике Шиле, Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 1913, кн. 2; Хр. Лопарев, Сказание о молодце и девице, 1894; Повести о Соломоне — см. в «Летописях» Тихонравова, IV; о Повести о Василии Кориотском — см. Л. Майков, Счерки; А. Пыпин, Из истории народной повести. Гистория о шляхтиче Долторне, 1887; П. Симони, Повесть о Горе Злочастье, 1907; о том же — Буслаев, Очерки; А. Сонни, Горе и Доля в народн. сказке. Киевск. Унив. Изв., 1906, № 10; Пов. о царевне Персике, Яцимирский, Изв. отд. р. яз. и слов., 1911, кн. 3; о Гистории о росс. дворянине Александре — Сухомятинов, Исследования, 1908 г. Более детальные указания — в нашей кн. «Из лекций по методологии», 1914, сс. 464—479.

Литература Южной и Западной Руси XV—XVIII в.в.
Общие обзоры: С. Ефремов, История украинского письменства (было 3 издания); Н. Петров, Очерки украинской литературы, преимущественно драматической, XVII и XVIII в.в., 1911; М. Грушевский, История Украины-Руси, особ. т. VI; П. Чистович, Очерк истории западно-русской церкви, I—II, 1882—84; Е. Карский, Белоруссы, I—III, особ. два посл. вып., 1914—1921; статьи Перетца и Ефремова в Сборнике «Отечество» 1916 г.; П. Владимиров, Обзор рукописей; П. Владимиров, Доктор Франциск Скорина, 1888; А. Архангельский, Очерки из истории западнорусск. лит. XVI—XVII вв., 1888; его же Борьба с католичеством в зап.-русск. литер. в XVI и перв. полов. XVII в., 1888; К. Харлампович, Правосл. зап. русск. школы, 1904; В. Завитневич, Палинодия Захария Копыстенского, 1883; В. Перетц, Историко-литерат. исследования, I, 1900; С. Голубев, История Киевской Академии, 1887; его же, Петр Могила I—II, 1880—1900; И. Франко, И.) Вишневецкий, 1899; Н. Петров, Киевская Академия во

втор. полов. XVII в. 1895; Ф. Терновский, Южнорусское проповедничество, 1869; Н. Сумцов, Лазарь Баранович 1883; его же, Иннокентий Гизель 1889, Киев. Стар. и отд.; его же, Иоанникий Голятовский, там же и отд. 1884; Огиенко, Русск. Историч. Библиотека, тт. IV, XIII и XIX; М. Марковский, Антоний Радивиловский 1894 (из Киев. Ун. Изв.); П. Шляпкин, св. Димитрий Ростовский и его время, 1891; А. Титов, Незданные сочинения св. Димитрия м. Р., Душеполезн.: Чтение 1910 № 5 и отд.; его же, Проповеди св. Д. м. Р. на украинском наречии 1909; В. Резанов, Школьные действия и театр иезуитов. 1910; П. Житецкий, Мысли о малор. думах, 1893, и Энеида И. Котляревского в связи с обзором литер. XVIII ст. 1900.

Религиозная и общественная литература в Москве XVII в.:

А. Архангельский, XVII век в истории русск. литер., 1884; Н. Тихонравов, Новая русск. литер. (XVII и XVIII в.), Сочинения, II, 1898; Д. Цветаев, Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразования, 1890; его же, Памятники к истор. протестанства в России, 1888; В. Ключевский, Западное влияние в России XVII в., Очерки и речи, 1913; П. Милюков, Оч. по истории русск. культуры, II, 1897 и след. изд.; С. Любимов, Борьба между представителями великор. и малорус. направления в Великороссии к. XVII и XVIII в., Ж. М. Н. Пр. 1875, авг., сент.; М. Владимирский-Буданов, Государство и народн. образование в России с XVI в. до учрежд. министерств, 1894 (из Ж. М. Н. Пр.); П. Шляпкин, К истории полемики между Моск. и малорус. учеными к. XVII в., там же, 1885, окт.—С. Кедров, Авраамий Палицын, М. 1880; его же, Авр. П. как писатель, Р. Арх. 1886, кн. 8; С. Платонов, Древнерусск. сказания о смуте, 1913; Голубцов, Прения о вере, вызванн. делом королевича Вальдемара и цар. Ирины Мих., 1891; С. Белокуров, Арсений Суханов, I, 1891, II, Сочинения Арс. С. 1894; В. Колосов, Старец Арсений Грек, Ж. М. Н. Пр. 1881, сент.; П. Ротар, Епифаний Славинецкий, литер. деятель XVII в. 1900 (из «Киев. Старины»); Л. Майков, Симеон Полоцкий, Очерки из ист. русск. литер. XVII—XVIII в., 1889; А. Маркевич, Григ. Карп. Котошихин и его соч. о Моск. госуд. в полов. XVII в., 1895; И. Яхонтов, Иеродиакон Дамаскин, 1884; А. Прозоровский, Сильвестр Медведев, 1897 (из Чт. О. И. и Др. Р.); П. Соколов, Первый придворный стихотворец, Чт. Общ. Люб. Дух. Просвещ., 1886, 6; С. Брайловский, Один из фестрых (Карион Истомино), 1902; А. Смеловский, Братья Лихуды и направление теории словесн. в их школе, Ж. М. Н. Пр., 1841, I; Сменцовский, Бр. Лихуды. 1899, с прилож. церк. историч. материалов 1899; И. Шляпкин, Св. Димитрий Ростовский, 1892.

Патр. Никон и литература старообрядцев к XVII и н. XVIII в.: митр. Макарий, Истор. русск. церкви, т. XII—XIII: Гиббнет, Историч. исследов. дела патр. Никона, I—II, 1882—84; Н. Каптерев, Патр. Никон, как церковн. реформатор, и его противники, 1912; его же, Патр. Никон и царь Алексей Мих. I—II, 1909—10; А. Дялов, О так называемой Кирилловой Книге, 1858; Г. Деметьев, Критический разбор так называемой Книги о Вере, 1883; Э. Калужняцкий, Игумена Нафанаила Книга о Вере. ее источники и значение в истер. южно-русс. полемич. литературы, Чт. О. И. и Др. Р. 1886. IV; В. Перетц, Слухи и толки о патр. Никоне. Иссл. и Матер. II, вып. I. 1902; П. Субботин, Материалы для истории раскола, I—VIII; В. Дружинин, Писания русск. старообрядцев, 1913 (из Летоп. Зап. Археогр. Ком. 1912); Барсков, Памятники первых лет русск. старообрядчества, I, 1912; то же, т. II, изд. С. Веселовский; то же, т. III, изд. В. Дружинин, 1914 (из Летоп. Занят. Археогр. Ком. 1913); Х. Лопарев, Отразительное писание, 1895; А. Бороздин, Протопоп Аввакум, 2-е изд. 1901; П. Смирнов, Внутренние вопросы в расколе XVII в. 1898; его же, Из истории раскола перв. полов. XVIII в., 1908; Е. Барсов, Семен Денисович Вторушин, предводитель русск. раскола XVIII в.; В. Дружинин, Словесные науки в Выговской поморской пустыни, 1911; И. Румянцев, Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»), 1916.

Старинное стихотворство XVI—XVIII в.: А. Соболевский Из истории русск. лит. XVII в., Библиограф, 1891. № 3—4; Л. Майков, О начале русск. вирш. Ж. М. Н. Пр. 1891. июнь; В. Перетц, Историко-литер. исследования и материалы, т. I, вып. 1 и 2, 1900; т. III, 1902; его же, Заметки и материалы для истории песни в России, I—VIII, 1901 (из Изв. отд. р. яз. и слов.); его же, Новые данные для истории старинн. украинск. лирики. 1907 (оттуда же); П. Житецкий, Энеида Котляревского в связи с обзором малор. литер. XVIII в., 1900; П. Бессонов, Калекы переходные, 1—6, 1863; Антонович и Драгоманов, Историч. песни малорус. народа I—II, 1874—73; В. Перетц, Вирши иеромон. Климентия. 1902 (Памятки укр.-руськ. лит. і мови); С. Щеглова, Вирши праздничные и обличительные на ариан, по рук. к. XVII и н. XVII ст. 1914; ее же, «Богогласник», историко-литер. исследование. 1918. См. также в трудах о Сим. Полоцком, о Карионе Истомино, Сильвестре Медведеве и в нашей кн. Из лекций по методологии. 1914.

Старинный театр: В. Адарюков, Библиогр. указатель книг... по истор. русск. театра, 1904; В. Всеволодский-Гернгросс, Библиогр. и хронологич. указатель материалов по истории театра в России в XVII—XVIII в.в., Сборник

Историко-театр. секции, I, 1918. Б. Варнеке, История русского театра I—II, 1908—10, 2-е изд. 1913 г. в I томе: История русского театра под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса при близж. участии А. А. Бахрушина и Н. А. Попова, I, 1914; П. Пекарский, Наука и литер. при Петре В. 1861, т. I; Н. Тихонравов, Начало русск. театра, Летоп. р. лит. и древн., кн. 5; его же, Русские драмат. произвед. 1672—1721 г.г., 1874; П. Морозов, История русск. театра, I, 1889; Н. Петров, Очерки из истории украинск. литер. XVII и XVIII в., 1910; В. Перетц, Памятники р. драмы эпохи Петра в., 1903; его же, Итальянские комедии и интермедии представленные при дворе имп. Анны Иоанновны 1733—1735 г.г., 1917; его же, К истории польского и русск. народн. театра, Изв. отд. р. яз. и слов. 1905—1911, и отд.; его же, Кукольный театр на Руси. 1895 (из Ежегодн. имп. театр.); И. Шляпкин, Царевна Наталия Алексеевна и театр ее времени, 1898; его же, Старинные действия петровского времени, 1921; С. Богоявленский, Московский театр при царях Алексее и Петре, 1914; В. Резанов, Из истор. р. драмы, 1. Школьные действия XVII—XVIII в. и театр иезуитов, 1910; 2. Экскурс. в область театра иезуитов, 1910; 3. Памятники русск. драмат. литер. Школьные действия XVII—XVIII в.в. 1907; его же, Из ист. р. драмы. Акт о Калеандре и Неонильде, 1905; его же, Действие о Петре Златых Ключах, 1906; Н. Петровский, Комедия о графе Фарсоне, 1900; Г. Георгиевский, Две драмы Петровск. времени, 1905 (из Изв. отд. р. яз. и сл. кн. I); В. Всеволодский-Гернгросс, Театр в России при имп. Анне Иоанновне и имп. Иоанне Антоновиче. 1914 (= Ежег. Имп. Театров. 1913. III, V, VI).

Литература эпохи Петра I: П. Пекарский, Наука и литер. при Петре В., 1862, I—II; А. Архангельский, Духовн. образование и дух. литер. в России при Петре В. 1883; М. Сухомлинов, О литер. переходного времени XVII—XVIII в., Исследования, 1908; Ф. Терновский, Русское проповедничество при Петре I, Рук. для сельск. пастырей, 1870; Н. Тихонравов, Сочинения, II; И. Чистович, Ф. Прокопович и его время, 1868 (Сборн. отд. р. яз. и слов.); П. Морозов, Ф. Прокопович как писатель, 1880; И. Морев, Камень веры м. Стеф. Яворского. 1904; П. Морошкин, Феофилакт Лопатинский, Р. Стар. 1886, кн. 1—2; Е. Петухов, Проповеди Гавриила Бужинского, 1901; С. Брайловский, Ф. Поликарпов-Орлов, директор Моск. Типографии, Ж. М. Н. Пр. 1894 сент.-дек.; Н. Попов, В. Татищев и его время, 1861; его же, Ученые и литерат. труды В. Н. Татищева, Ж. М. Н. Пр. 1880, июнь; А. Царевский, Посошков и его сочинения, 1883; Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра В., 1897; Н. Кедров, Духовный Регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра В.,

1886; Сочинения кн. А. Д. Кантемира, со статьей В. Стоюнина, 1867—68, I—II; Л. Майков, Материалы для биографии кн. А. Кантемира, 1903; Т. Глаголева, Материалы для полн. собр. соч. кн. А. Кантемира 1906; В. Дружинин, Три неизвестные произведения кн. Кантемира; В. Перетц, Очерки по истории поэтического стиля эпохи Петра В. I—VIII, Ж. М. Н. Пр. 1905—7 и отд.; его же, Историко-литерат. исслед. и материалы, т. III, 1902. О повести, драме, журналистике—при Петре I, см. в соотв. списках пособий. О вульгарной литературе послепетровского времени, см. у Ровинского. Русские народные картинки, особ. т. I, IV и V, 1881.

Роман и повесть XVIII в. и нач. XIX в.: А. Пыпин, Для любителей книжной старины, 1888 г.; дополн. в Сборнике «Почин»; П. Владимиров, К исследованию о Великом Зерцале. 1885 (из Уч. Зап. Каз. Ун. 1884 г.); Е. Щепкина, Популярная литер. в сред. XVIII ст. Ж. М. Н. Пр. 1886, апр.; А. Кирпичников, Курганов и его Письмовник, (см. Очерки по истор. нов. русск. литер., изд. 2-е, 1903); Ровинский, Русск. нар. жарт. I—V, 1881; Благосветлов, Историч. очерк русск. романа, Сын Отеч., 1856; В. Сиповский, Из истории русск. романа и повести. Материалы по библиографии и теории русск. романа, 1903; его же, Очерки из истор. русск. романа, I, 1909; II, 2, 1910; А. Лященко, К истор. русск. романа 1898; Чечулин, Русск. социальн. роман XVIII ст. 1900; Н. Белозерская, В. Т. Нарезный 1896; И. Кубасов, А. Е. Измайлов: далее см. в указателе статей о русских писателях-романистах XIX в.

Журналистика XVIII—XIX в.: Общие указатели—А. Неустроев, Историч. розыскание о русск. повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 г.г., 1875; его же, Указатель к русск. поврем. изд. и сборн. за 1703—1802 и к Историч. розысканию о них, 1898; Н. Лисовский, Русск. периодич. печать 1703—1900 г.г., вып. I—III, 1901—1913; В. Срезневский, Список русск. поврем. изд. с 1703 по 1899 г. со сведениями об экземплярах, принадл. библ. Имп. Акад. Наук, 1901; «Ведомости» времени Петра В., I—II, 1903—1906 г. под ред. А. Покровского; Шлосберг, Начало периодич. печати в России, 1911 (из Ж. М. Н. Пр.); Н. Булич, Сумароков и современ. ему критика, 1854; Пекарский, Редактор, сотрудники и цензура в русск. журнале 1755—1764 г. Зап. Имп. Акад. Наук XII, кн. 2, 1868; А. Незеленов, Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 г., 1875; А. Афанасьев, Русские сатирич. журналы 1769—1774 г.г., 1859; Н. Добролюбов, Собеседник любит. рос. слова, Сочинения, I; В. Солнцев, «Всякая Всячина» и «Спектатор», 1892 (из Ж. М. Н. Пр.); его же, «Смесь». сатирич. журнал 1769 г., Библиограф, 1893, I—II и отд.; Автономов, Всякая Всячина, Чт. О. И. и Др. Р., 1913; кн. 2; В. Семенни-

ков, Русск. сатирич. журн. 1769—74 г.г., 1914; В. Мочудьский, Новиковские журналы XVIII в. «Трутень» и «Живописец», Р. Фил. Вестн. 1909, кн. 3 и 4; его же, К истор. журналистики XVIII в., там же, 1913, кн. 1 и 1914, кн. 1, М. Погондин, Н. М. Карамзин, I, 1866; Весин, Очерки по истор. русск. журналистики 1820—1830 г.г., 1881; Скабичевский, Очерки по истории р. цензуры 1892; М. Лемке, Очерки по истор. р. ценз. и журналистики XIX ст., 1904; его же, Эпоха цензурных реформ 1859—65 г.г., 1904; Николаевские жандармы и литература 1846—1855 г.г., 1908.

§ 47. Писатели XVIII—XIX вв.

В. К. Треднаковский (1703—1769). Сочинения, 3 тт. изд. Смирдина. 1849 г.; Венгеров, Русская поэзия вып. I; в вып. VI, библиогр. о Треднаковском; Пекарский, Жизнеописание В. К. Тред., История Академии Наук, II, 1873; И. Введенский, Треднаковский. Материалы для истории русск. литер. Сев. Обзор. 1849, II; А. Куник, Сборн. материалов для истории Имп. Академии Наук в XVIII в., ч. I, 1865; М. Петровский, Библиографические заметки о некоторых трудах Тр. Страницка из истории русск. стихосложения, Каз. 1890; В. Перетц, Истор.-лит. иссл. и матер. III, 1902; И. Иванов, Истор. русск. критик, I, 1898 (= «Мир Божий», 1897, № 3—4).

М. В. Ломоносов (1711—1763): Сочинения с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова 5 тт. 1891—1902; С. Пономарев, Материалы для библиогр. литературы о Ломоносове. Сб. отд. р. яз. и слов. VIII, 1872; Куник, Сборн. материалов, I и II, 1865; Пекарский, История Имп. Акад. Наук, II, 1873; А. Будилович, Ломоносов, как писатель, 1871 и Сб. отд. р. яз. и слов. VШ; его же, Ломоносов как филолог и натуралист; «Празднование двухсотлетней годовщины рожд. М. В. Л—ва Имп. Моск. университетом, 1912; Ломоносовский Сборн. изд. Акад. Наук, 1911; В. Ламанский, М. В. Ломоносов. биограф. очерк. 1864, и От. Зап. 1863, № 1—2; Н. Тихонравов, О литер. деятельности Л—ва, Собр. Соч. Тихонравова, III, ч. I, 1898; А. Соболевский, Ломоносов в истор. русск. яз. 1911; Е. Карский, Значение М. В. Л—ва в истории развития русского литер. языка. 1912 (Р. Фил. Вестн.); Е. Петухов, Эпиграмматические, сатирические и шуточные стихотв. Л—ва, 1898 (Сборн. учено-лит. общ. при Юрьевск. Унив.); А. Кадлубовский, Об источниках ломоносовского учения о трех стилях. Сборн. ст. в честь М. С. Држднова. 1905; И. Замотин, Две стихии в литер. и обществ. деятельности М. В. Л—ва, 1911; И. Иванов, Ист. русск. критик, 1898, I; Т. Глаго-

лева, Отзывы современников и потомства о литер. деят. Л—ва; Собр. ст. под ред. В. В. Сиповского. 1911.

А. П. Сумароков (1718—1777): Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, 10 тт., изд. Новикова, 1781; 2-е—1787; Венгеров, Русская поэзия, I и VI (библиогр.); Н. Тихонов-равов, А. П. Сумароков. Современная его характеристика. Собр. Соч. III, ч. 2, 1898; Р. Стар. 1884, № 3; Геннадн, Библиогр. указания для биографии С-ва, Музык. и Театр. Вестн. 1856, № 41; В. Стоюнин, А. П. Сумароков, 1856; Д. Языков, Нов. материалы для биогр. С-ва, Истор. Вестн. 1885, № 5; Лаговский, Сумароков, как писатель и драматург, Пантеон и Реперт. русск. сцены. 1851, т. I, кн. 2; т. II, кн. 3 и 4; В. Солнцев, А. П. С—в как драматург, Ежегодн. Имп. Театров, год 3-й, 1894; Б. Варнеке, А. П. С—в и слезная комедия, Р. Фил. В. 1906, № 1—2; Э. Берг, Русская комедия до появления А. Н. Островского, 1912 (из Р. Фил. В.); Заусцинский, Басни Сумарокова, Варш. Ун. Изв. 1884, № 3 и 5; Н. Булич, С—в и соврем. ему критика, 1854; И. Иванов, Ист. рус. критики I; А. А. Веселовский, Любовная лирика XVIII в., 1908.

Екатерина II. Сочинения, изд. Академии Наук I—XII тт. 1901; изд. «Севера», 3 тт. 1893; А. Архангельский, Имп. Екатерина II в истории русск. литер. и образования. 1897 (Уч. Зап. Каз. Ун.); П. Пекарский, Материалы для истор. журнальн. деят. Е. II, 1863 (Зап. II. Акад. Н. III); П. Морозов, Ек. II, как писательница, «Заря», 1869 г., №№ 2, 3, 5, 6, 8, 9; 1870 г., №№ 3, 6, 7, и отд. отд.; его же, Драматич. и правоописат. сочинения Ек. II, Русс. Вестн. 1871, №№ 5—6; В. Солнцев, «Всякая Всячина» и «Спектатор», Ж. М. Н. Пр. 1892; Лазурский, Рус. Библиофил, 1914, №№ 7—8; Незеленов, Литер. направления Екатерининской эпохи, 1889.

Я. Б. Княжнин (1742—1791): Сочинения, 2 тт. изд. Смирдина 1847—48; А. Галахов, О соч. Княжнина, Отеч. Зап., 1850, №№ 4, 8, 12; В. Стоюнин, Княжнин—писатель, Библи. для Чит. 1850, №№ 5—7; Истор. Вест. 1881, №№ 7, 8, 10; Рус. Вестн. 1860, № 10.

Н. П. Николев: Творения, 5 чч. 1795—1798; А. Чебышев, Н. П. Николев. Истор.-литерат. очерк. Воронеж. 1891; М. Лонгинов, Николев, Современн. 1856 г., № 7.

В. И. Лукин: Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Ельчанинова, под ред. Ефремова 1868 (ст. о П-не Пыпина).

М. М. Херасков: Полные творения, изд. Пономарева, 1807—1812; Венгеров, Русск. Поэзия III, ст. Хмирова; Сиповский, в Рус. Биогр. Слов.; М. Лонгинов, М. М. Х—в, его жизнь и сочинения, Рус. Арх. 1873, 8.

М. Д. Чулков: Сказки изд. 1870—83, 10 тт., Собр. песен 1788; Сочинения, I, 1913; Венгеров, Русск. поэзия I и VI; Забе-

и н, М. Д. Ч—в, биограф. заметки о русск. пис. XVIII в., Летопись лит. и др., т. I, кн. 2; Шыиин, Истор. русск. этногр. I, 1892.

А. А. Аблесимов: Сочинения, изд. Смирдина, 1849; Венгеро в, Р. Поэзия. IV, V.

Н. И. Новиков: Лонгинов, Новиков и моск. мартинисты, 1867; Незелено в, Н. И. Н—в, издатель журналов, 1875; Г. Вернадский, Н. И. Н—в, 1918, из Рус. Биограф. Словаря; В. Боголюбов, Н. И. Новиков и его время, 1916; М. Сухомлинов, Исследования и статьи, II, 1889.

Г. Р. Державин: Сочинения, 9 тт. 1864—83, ред. Грота; изд. «Севера», 4 тт. 1895; Я. Грот, Жизнь Державина по его сочин., письмам и историч. документам, 2 тт. 1880—83 (тт. VIII и IX Соч.); его же, Характеристика Державина как поэта, 1866; А. Лазаревский, Анакреонтические песни Д., Библ. Зап. 1858, № 6; Н. Полевой, Д. и его творения, Оч. рус. лит. I, 1839; М. Сухомлинов, История Росс. Академии, I, 1875; Ф. Буслев, Иллюстрации стихотв. Д., Мои Досуги 1886, II.

Е. И. Костров: Сочинения, изд. Смирдина, 1849; Венгеро в, Р. Поэзия, I; П. Морозов, Е. И. К—в, его жизнь и литер. деятельность, 1876 (из Фил. Зап.); Н. Тихо правов, Сочинения, III, ч. I; М. Лонгинов, Материалы... Р. Арх. 1866, №№ 11—12.

В. П. Петров: Сочинения, 1781. и 1811; Венгеро в, Р. Поэзия II (ст. Шляпкина); его же, ст.—В. П. Петров, «карманный стихотворец» Екатерины II. См. Истор. Вести. 1885, № 11.

Д. И. Фонвизин: Сочин., письма и избранные переводы, изд. Глазунова, по ред. Ефремова, со вступ. статьей А. Пятковского, 1866; Тихо правов, Материалы для полного собр. соч. Ф-на. Изд. Акад. Н. 1894; его же, Сочинения, III, 1898; Кн. П. А. Вяземский, Фонвизин, Собр. соч. V, 1880; А. Веселовский, Этюды и характеристики, 1894; И. Жданов, Сочинения, II, 1907; А. Пятковский, Из истор. нашего литерат. и обществ. развития. I, 1876 и 1889.

В. В. Капнист: Сочинения, изд. Смирдина, 1849; изд. Севера, 1894; Венгеро в, Р. Поэзия, IV.

И. Ф. Богданович: Сочинения, изд. Смирдина, 2 тт. 1848; Карамзин, О Б. и его сочинениях, Вести. Евр. 1803, №№ 9, 10; Галахов, Сочин. И. Ф. Б-ва, Отеч. Зап. 1849 г, № 5; Венгеро в, Крит.-биограф. словарь и Р. Поэзия, III; В. Слонимский, «Душенька» Б-ва, Истор. Вести. 1903, Д. Языков, И. Ф. Богданович, 1903.

В. И. Майков: Сочин. и переводы, ред. Ефремова, с биограф. оч. Л. Майкова 1 т. 1857; Венгеро в, Р. Поэзия II и VI; Пекарский, Любитель литературы екатерининских времен, Отеч. Зап. 1855, т. 105, отд. I; Л. Майков, Очерки по ист. лит. XVII и XVIII в. 1889.

И. И. Хемницер: Сочинения и письма по подлин. рукописям, с биогр. ст. и примеч. Я. Грота, изд. Ак. Н. 1873; Н. Терновский, И. И. Хемницер и язык его басен, Фил. Зап. 1884. № 6; И. И. Х-р. Новые о нем известия по рукоп. и источникам, сообщ. Наджин, Р. Стар. 1872, т. V.

А. Н. Радищев: Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Суворина 1888, и др.; Сочинения, изд. под ред. В. И. Каллаша, 1907; Сочин. под ред. Бороздина, Лапшина и Щеголева, 2 тт. 1907; Н. Радищев «А. Н. Р—в», биогр. очерк, сост. его сыном, Р. Стар. 1872, VI; М. Сухомлинов, Исслед. и статьи по русск. литер. и просвещ., т. 1, 1889; А. Незеленов, А. Н. Р—в, литерат. характеристика, Ист. Вестн. 1883. кн. 4; В. Мякотин, Из истор. русск. общества, 1902; В. Якушкин, Учебные годы Р—ва, сборн. «Под знаменем науки», 1907.

И. А. Крылов: Сочинения под ред. В. Каллаша, 4 тт. изд. «Просвещения», 1903, Л. Майков, Первые шаги Крылова на литерат. поприще. Ист.-лит. Очерки, 1895; В. Перетц, Крылов, как драматург, 1895 (Ежег. Имп. Т.); Ф. Витберг, Первые басни Крылова, 1900, изд. 2-е; П. Владимиров, Крылов и его басни, 1895; А. Пыпин, Крылов и Радищев, Вестн. Евр. 1868, № 5; Чтения в Академ. Наук в память Кр. (Сборн. отд. р. яз. и слов. VI, 1868.

И. И. Дмитриев: Сочинения, 2 тт. 1893, ред. А. А. Флоридова; кн. П. Вяземский, Известие о жизни и стихотв. И. И. Дм., Сочинения, I; М. Лонгинов, О соч. Дм., Р. Архив 1864, №№ 11—12; В. Чулицкий, И. И. Дм., Ж. М. Н. Пр. 1903, Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Н. 1904 и отд.

А. С. Шишков: Собрание сочинений, 17 частей, 1818—1839; Записки, мнения и переписка адмир. А. С. Шишкова, 2 ч. Берлин, ред. Ю. Самарин; В. Стоюнин, А. С. Шишков, 1880.

Н. М. Карамзин: Сочинения, изд. Смирдина 7 тт. 1834—1835 г.г., 3 тт.—1848; Неизд. соч. I, 1868; Переводы К.—9 тт. 1834—35 г.г.; Записка о Др. и Нов. России, 1905; Пономарев, Материалы для библиогр. литературы о К. 1883, (Сб. отд. р. яз. и слов. XXXII); М. Погодин, Н. М. К—н, 1866; Е. Соловьев, Карамзин. Его жизнь и учено-литер. деят., изд. Павленкова; Н. Булич, Биогр. очерк. К. и развитие его литер. деят. 1866; Я. Грот, Очерк деят. и личности К—на, Сб. отд. р. яз. и слов. 1867, I, и Труды Я. Грота; В. Сиповский, К—н как автор «Писем русск. путешественника», 1899; Грот, Карамзин в истории рус. литер. яз., Труды т. II.

В. А. Озеров: Сочинения, изд. Смирдина 1846; А. И. Селлин, Значение О. в истории русск. литер. 1870 (Киев. Унив. Изв.); Потапов, Из истории р. театра. Жизнь и деятельность Озерова. 1915.

А. Е. Измайлов: Сочинения, 1890, 3 чч.; И. Кубасов. А. Е. Измайлов, 1901 (из Р. Стар.).

А. С. Грибоедов: Собр. сочинений 2 тт., изд. Акад. Н., ред. Пиксанова и Шляпкина, 1911—12 г.г.; Изд. Шляпкина 2 тт. 1889; Горе от ума, рукоп. комедии (Истор. Муз.), ред. Якушкина, 1906; Жандровская рукопись, 1912; Н. Пиксанов, Материалы для библиогр. и указателя произвед. Гр. и литературы о нем, (1889—1920) Уч. Зап. Юр. Унив. 1903, № 4 и отд.; его же, «Грибоедов». биогр. очерк 1911; А. Веселовский, Этюды и характеристики, 2-е изд.; его же, Этюды о Мольере, 1881; Гончаров, Миллион терзаний (В. Евр. 1872 и Сочин. изд. Маркса, т. XI); П. Щеголев, Гр. и декабристы, 1905.

В. А. Жуковский: Сочинения, 1902 г. ред. Архангельского, изд. Маркса, 12 кн.; изд. 1901 г., ред. Ефремова; Дневник Ж. 1903, ред. Бычкова; Письма Ж., Русск. Библиофил 1912, № 8, 1913, № 1; Загарин, (Л. Поливанов), Жуковский, жизнь и сочинения, 1886; Тихонравов, Сочинения III, I; Зейдлиц, Жизнь и поэзия Ж-го, 1888; А. Веселовский, Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения, 1904; В. Резанов, Из розысканий о сочин. Ж-го, в. I, 1906; в. II, 1916 (из Ж. М. Н. Пр.); Чешихин, Ж. как переводчик Шиллера, 1895; Козмин, О переводческой деят. Ж-го, 1904; В. Лазурский, Зап.-европ. романтизм и романтизм Ж-го, 1901; И. Замотин, Романтические течения в русск. общества 20—30 тт. XIX ст. 1908; В. Каллаш, Жуковско-Гоголевская юбил. литер., 1907.

Н. И. Гнедич: Сочинения, 1887; С. Пономарев, К изд. Илиады в перев. Гнедича, 1886; И. Тиханов, И. Н. Гнедич, 1884; И. Жданов, Сочинения, II, 1907.

К. Н. Батюшков: Сочинения, ред. Л. Майкова и В. Саитова, 3 тт. 1887; Л. Майков, К. Н. Б-в, его жизнь и соч. изд. 2, 1896; Н. Мевзоров, Русск. худож. литер. XIX в. Батюшков, 1888.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий: Сочинения, изд. Смирдина; М. Лонгинов, Материалы для полн. собр. соч. некотор. известных писателей, Р. Арх. 1866, №№ 11—12; С. Полторацкий, Ю. А. Н.-М., Очерк его жизни, бумаги и переписка, р. Арх. 1867, № 1; Кн. П. Вяземский, Соч. II. Записн. кн. 48 г.

Кн. П. А. Вяземский: Сочинения, 12 тт. изд. гр. Шереметева, 1879—1887 г.; Остафьевск. Архив кн. Вяз-го, ред. В. Саитова 4 тт. 1899; Сухомлинов, кн. П. А. В-кий.

К. Ф. Рылеев: Сочинения, изд. Ефремова, 1874 г.; Полн. собр. соч., 2 тт. 1906, под ред. Мазеева, изд. Севера, 1893 г.; Н. Котляревский, К. Ф. Р-в, 1908 (или Р. Бог. 1905, № 7);

В. Маслов, Литерат. деятельность Рыльева, 1912 (Киев. Ун. Изв.).

В. Т. Нарезный: Романы и повести, 10 ч. изд. Смирдина, 1835—36; Н. Белозарская, В. Т. Н-й, историко-литер. очерк, 1893 и 1896; Ю. Соколов, Н-й и малорусская литерат. традиция; Н-й и Гоголь, «Беседы», Сборн. Литер. Общ. в Москве. I, 1915.

Д. В. Давыдов: Сочинения. изд. Севера, 1893, ред. А. Круглого; Записки Д. В. Давыдова, 1860; Жерве, Д. В. Д-в, 1912.

И. И. Козлов: Полн. собрание сочинений, изд. Маркса, 1892, ред. А. Введенского; К. Труш, Очерк лит. деятельности И. И. К-ва, 1899 (с библиограф. указат.); Н. Данилов, И. И. Козлов, 1914; Б. В. Нейман, Отражение поэзии К-ва в творчестве Лермонтова, Изв. отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 1914 г., кн. 1.

А. С. Пушкин: Сочинения в изд.: Академии Наук (неполн.); Брокгауза-Эфрона, ред. Венгерова, 6 тт., 1907—1915; т-ва «Просвещение», ред. Морозова, 10 тт.; изд. Суворина, ред. Ефремова, 8 тт.; В. Межов, Puschkiniana. Библиогр. указатель статей о жизни П., его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства, 1886; В. Сиповский, Пушкинская юбилейная литература (1899—1900), 2-е изд. 1902; В. Каллаш, Puschkiniana, 1902—3; «Пушкин и его современники». Материалы и исслед. Изд. Акад. Наук. 27 тт., 1903—1916; М. Гофман, Пушкин. Первая глава науки о П-не, 1922; П. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху: его же. Материалы для биограф. П. 1873; Л. Майков, Пушкин, 1899; Я. Грот, Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, 1887; Шляпкии, Из неизданных бумаг Пушкина, 1889; Лернер, Труды и дни П-на, 2 изд. 1910; В. Сиповский, Пушкин. Жизнь и творчество, 1907. П. Владимиров, Пушкин и его предшественники, 1899; Овсянко-Куликовские, Пушкин, Сочин. т. IV; С. Трубачев, Пушкин в русск. критике, 1889; А. Незеленов, А. С. Пушкин 1888; В. Н. Никольский, Идеалы Пушкина, 1888; Н. Сумцов, Этюды о П. 1900; В. Розов, П. и Гете, 1908; П. Щеголев, Пушкин, 1912; Сборники памяти П-на—С.-Петербургского, 1900; Киевского, 1899; Московского, 1899; Харьковского, 1909; Юрьевск. Учено-литер. Общ. 1899; Академии Наук. 1900.

А. А. Дельвиг: Сочинения изд. Севера, ред. В. В. Майкова и М. Н. Мазеева, 1893; В. Гаевский, А. А. Дельвиг, Современник 1855—56 г.г.; Дельвиг, Неизданные стихотворения, под. ред. М. Л. Гофмана, 1922.

Е. А. Боратынский: Полн. собрание сочинений, ред. М. Гофмана, 2 тт. 1914—15 г.г. Изд. Акад. Н.; М. Гофман, Лирика Боратынского, Р. Слово, 1914, №№ 4—7; его же. Поэмы Б-го, там же, 1915, № 1; Н. Котляревский, Старинные портреты, 1907; А. Рачинский, Татевский Сборник, 1899;

«Е. А. Боратынский» материалы для его биогра. Введ. и примеч. Ю. Верховского, 1916; В. Саводник, Е. А. Б-й, 1900.

Н. М. Языков: Стихотворения, ред. Перевлеского 2 тт. 1883, 1844, 1845, 1858 г.; изд. Суворина, 1898; Письма к родным за дерптский период его жизни ред. и прим. Е. Петухова («Языковский архив» I, 1913); В. Шенрок, Н. М. Языков, Вестн. Евр. 1897, №№ 11—12; Р. Стар. 1903, № 4; В. Смирнов, Жизнь и поэзия Н. М. Языкова. Критико биогра. исслед. 1900, и Р. Обзор. 1898, №№ 2—4.

Д. М. Веневитинов: Собр. сочинений (Боратынский и Веневитинов) изд. «Жизнь для всех»; Полн. собр. соч. ред. А. Пятковского, 1862; Пятковский, Одоевский и Веневитинов, 1901; Н. Котляревский, Старинные портреты, 1907.

А. И. Полежаев: Стихотворения, ред. Ефремова, изд. Суворина, 1889; под ред. А. Введенского, изд. Маркса, 1892; Е. Бобров, Из истории жизни и поэзии А. И. Полежаева, Варш. Унив. Изв. 1904, № 2; 1905, № 6; Р. Стар. 1903, №№ 8—9; его же, А. И. П—в, как переводчик, Р. Фил. Вестн. 1903, №№ 1—2; его же, О байронизме А. И. П—ва, Р. Фил. Вестн. 1905, № 4; В. Якушкин, Полежаев, его жизнь и поэзия, Вест. Евр. 1897, № 6; А. Пыпин, Забытый поэт, Вестн. Евр. 1889, № 3; П. Устимович, А. Полежаев, 1888, (библиогра. указатель), см.: также в Соч. Белинского и Добролюбова.

М. Ю. Лермонтов: Сочинения, изд. Акад. Наук, ред. Д. Абрамовича, 5 тт. 1910—19; изд. под ред. П. Висконтова, 1891; под ред. А. Введенского, 1891; А. Семяка, М. Ю. Лермонтов. Библиогра. указатель за 1814—1914 г., 1914; А. Багрий, Лермонтов в юбилейной литературе, Ж. М. Н. Пр. 1915, № 6 и отд.; Э. Дюшен, Поэзия Лермонтова в ее отношении к русской и западно-европ. литературе (M. I. Lermontov, sa vie et ses oeuvres, 1910), перев. с франц., под ред. Миндалева, 1914; Н. Котляревский, Лермонтов, личность поэта и его произведения. 4-е изд. 1912; Д. Овсянников-Куликовский, Лермонтов, 1914, 1897; В. Спасович, Байронизм у Лермонтова. 1910; В. Евр. 1904, № 2; M. Zdzieschowski, Byron i jego wiek, I—II, 1897.

Кн. В. Ф. Одоевский: Сочинения, 1844; Русские ночи, 1913; Н. Сумцов, Кн. В. Ф. Одоевский 1884; А. Пятковский, Кн. В. Ф. Одоевский и Веневитинов, 1901; П. Сакулин, Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, мыслитель-писатель, I—II, 1913.

А. В. Кольцов: Сочинения, изд. Акад. Н. ред. А. Лященко; Де-Пуле, А. В. Кольцов в его частной жизни, 1878; П. Владимиров, А. В. К—в, 1894.

Ф. И. Тютчев: Полн. собр. сочин., ред. Быкова, изд. Маркса 1911; Д. Языков, Ф. И. Т—в, библиография, 1904; И. Аксаков, Ф. И. Т—в, 1886; В. Покровский, Ф. И. Т—в,

1904; Р. Брандт, Материалы для исследования «Тютчев и его поэзия». Изв. отд. р. яз. и слов. т. XVI, кн. 2—3; Д. Дарский, «Чудесные вымыслы». О космическом сознании в лирике Т—ва. М. 1914; В. Соловьев, Поэзия Т—ва, Вестн. Евр. 1895, № 4 (= Сочин., т. VI); А. Горнфельд, На пороге двойного бытия. О русских писателях, I, 1912.

А. А. Фет: Полн. собр. стихотворений, 3 тт. ред. Б. Никольского, изд. Маркса 1900; 2-е изд. 1910; Воспоминания А. А. Фета (1849—1889), 2 тт. 1890; Н. Лернер, Поэзия Фета, Прилож. к Ниве 1912, № 1; Федина, А. А. Фет-Шеншин, 1915 (с библиогр. указат.); В. Соловьев, О лирич. поэзии. Русск. Обзор. 1890, № 12 (= Сочин. т. VI); Д. Дарский, Радость земли. Исследов. лирики Фета. 1916; Л. Майков, Историко-литер. очерки, 1895.

В. Г. Бенедиктов: Сочинения, 2 тт., ред. Я. Полонского, 1902; Ю. Айхенвальд, Силуэты русск. писателей III, Б. Садовский, Поэт-чиновник, Рус. Мысль, 1909, № 11.

Гр. А. К. Толстой: Полн. собр. сочинений, изд. Маркса 4 тт. 1908; Н. Денисюк, Критическая литер. о произвед. А. Толстого, вып. I—II, 1907; А. Lirondelle, Le poète Alexis Tolstoï 1912; Н. Соколов, Иллюзии поэтического творчества, Эпос и лирика гр. А. К. Толстого, 1890; В. Соловьев, Поэзия Т—го, Вестн. Евр. 1895 (= Сочин. т. VI); М. Соколов, Князь Серебрянный гр. А. К. Т—го, 1897; Н. Котляревский, Старинные портреты, 1907; А. Кондратьев, Гр. А. К. Т—й Материалы для истории жизни и творчества. 1912.

А. Н. Майков: Полное собр. сочинений, изд. Маркса 4 тт. 1893; изд. 8-е, 1913; М. Златковский, А. Н. М—в, бисгр. очерк. 1898; Е. Ляцкий, А. Н. М—в и его поэзия, Читатель, 1898; М. Сухомлинов, Особенности поэтич. творчества А. Н. М—ва, объясненные им самим. Русс. Старина. 1899, № 8 и отд.; Д. Мережковский, Вечные спутники, 3-е изд. 1908; Бородкин, Поэтич. творчество Майкова, 1908; Ор. Миллер, А. Н. М—в, Рус. Мысль, 1888, кн. 5; Гр. А. А. Голенщев-Кутузов, А. Н. М—в. 1898; Брюханов, Майков как поэт, 1903 (из Фил. Зап.).

И. С. Никитин: Полн. собр. сочин. в 1 томе, ред. Гершензона, 1912; Собр. сочин. 3 тт., ред. А. Фомина, изд. «Просвещение» 1912—1915; Де-Пуле, Биография И. С. Никитина, 1869; Бельский, И. С. Никитин, 1902; И. Иванов, Поэт горькой правды, Р. Мысль, 1869, № 1; И. Камов, Характер и содержание поэзии Никитина, Рус. Фил. Вестн., 1899, № 1; 1900, №№ 1—2, 3—4; 1901, № 1—4; В. Покровский, Литерат. влияние и отзвуки в поэзии Никитина, 1911; Б. Нейман, Отзвуки поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Никитина. Фил. Зап. 1912, № 3—4.

Н. П. Огарев: Стихотворения, 2 тт. 1904; Д. Тихомиров, Материалы для библиогр. указателя соч. Н. П. О—ва, 1908; Гершензон, Образы прошлого, 1912.

Л. А. Мей: Сочинения, изд. Мартынова 5 тт. 1887; Полн. собр. соч. изд. Маркса 5 тт. ред. Быкова, 1911—1912; Б. Садовский, Поэзия Мей, Р. Мысль, 1908, № 7; М. Гр., Забытый поэт, Сев. Вестн. 1889, I; И. Жданов, Сочинения, II, 1907.

Н. А. Некрасов: Полное собр. стихотворений, 2 тт., изд. Суворина (12-е) 1914; А. Скабичевский, Некрасов, его жизнь и поэзия, Сочинения Ск., II; П. Сакулин, Творчество Н—ва, Научн. Слово, 1903, № 1; А. Пыпин, Некрасов, 1905 (с библиогр. указат.), В. Максимов, Литературные дебюты Н-ва, I, 1908; В. Евгеньев, Н. А. Н—в, Сборник статей и материалов, 1914; В. Покровский, Н. А. Н—в, 1906 (Сборн. крит. статей).

А. Н. Плещеев: Стихотворения, ред. Быкова, изд. 4-е, Маркса, 1905; Повести и рассказы 2 тт. ред. Быкова, изд. Маркса 1896—7; Неизданные стихи и письма, Минувшие Годы, 1908, № 7; П. Заболотский, Поэт гуманности и светлых идеалов, Зап. Общ. Ист.-Фил и Пр. при Варш. Унив., вып. III (1904) II отд.; М. Протопопов, Два поэта (Плещеев и Голенищев-Кутузов) Русск. Библ. 1894, № 11.

Я. П. Полонский: Полн. собр. сочинений, 10 тт., 1885—86; Полн. собр. стихотворений, изд. Маркса 5 тт., 1896; Повести и рассказы, 2 тт. 1895; Н. Аммон, Ветеран русск. поэзии, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 2; М. Халанский, Полонский в его поэзии, 1900 (Сб. Харьк. Ист.-Фил. Общ. XII); Е. Гаршин, Поэзия Полонского, Критич. Опыты, 1888; В. Соловьев, о том же, Прил. к «Ниве» 1896, № 2 и «О лирич. поэзии», Сочин. VI.

А. Н. Апухтин: Стихотворения, 2 тт. 1912; А. Круковский, Поэзия А. Н. Апухтина, Фил. Зап. 1914; Н. Коробка, На пороге упадка. Очерки литер. настроений, 1903 (или Рус. Мысль, 1898, № 6).

С. Я. Надсон: Стихотворения, изд. Литер. Фонда. 1914; Недопетые песни, 1902; Проза. Дневник. Письма, 1913 (с библиогр. указат.); Автобиография В. Евр. 1887, № 3; А. Царевский, С. Я. Надсон, 1895; Н. Трубицын, Один из восьмидесятников—Надсон. 1908 (Р. Фил. Вестн.).

А. Н. Островский: Полн. собр. сочинений, изд. «Просвещения», ред. М. Писарева, 10 тт., 1903—5; тоже, т. XI и XII, Драматич. сочин. напис. совместно с Н. Соловьевым и П. Невежинным, 1909; Переводы, 2 тт. 1888; А. Незеленов, Островский в его произведениях, 1888; И. И. Иванов, А. Н. Островский. 1900; Н. Кашин, Этюды об А. Н. Островском, I—II, 1912—13. Rafoillet, Ostrovski et son théâtre de moeurs russes, 1912; Сочинения—Добролюбова (т. III), Ап. Григорьева: О. Миллер, Рус. писатели после Гоголя.

А. И. Герцен: Сочинения, изд. Павленкова 7 тт., 1905; ред. М. Лемке—16 тт.; В. Смирнов, Жизнь Герцена, 1897; Батуринский, Герцен, I, 1904; Ч. Ветринский, Герцен, 1908.

И. А. Гончаров: Собр. сочинений, изд. Глазунова, 1884; и Маркса 12 тт. 1899; Е. Ляцкий, И. А. Гончаров. Жизнь, личность и творчество, 1904 и 1912; А. Мазон, Матер. для биогр. и характеристики Гончарова, 1912; Мазон, Un maître de roman russe I. Contchaïov. 1914; В. Азбукин, И. А. Г—в в русск. критике, (1847—1912), Орел. 1916.

И. С. Тургенев: Полн. собр. сочинений, изд. Глазунова, 10 тт., 7-е изд. 1914; Маркса, 10 тт. 1898; Гутьяр, Хронологическая канва для биогр. И. С. Тургенева, 1910; его же, Тургенев, 1907; И. Иванов, Тургенев. Жизнь, личность, творчество. 1896 и 2-е изд. 1913; А. Неземелов, Тургенев в его произведениях, 1885; Ч. Ветринский, Тургенев, 1894; Д. Овсяннико-Куликовский, Этюды о творч. Т—ва, 1904 (и Сочинения, т. II); К. Истомина, «Старая манера» Тургенева. (1834—55 г.г.). Опыт психологии творчества. Изв. отд. р. яз. и слов. 1913. № 2, 1914. № 3 и отд.; В. Буренин, Литерат. деят. Т—ва, 1894; В. Чижев, Т—в как психопатолог, 1899; Н. Котляревский, Тургенев—драматург, Старинные портреты, 1907.

А. Ф. Писемский: Полн. собр. соч. 2-е изд. Вольфа, 14 тт., 1895—96; И. Иванов, А. Ф. П-й, 1898 (Мир Божий, 1896, №№ 7—12); А. Измайлов, Писемский, Очерк. Прил. к «Ниве» 1909, № 11; А. Кирпичников, Достоевский и Писемский. Опыт сравнит. характеристики. Очерки по ист. нов. рус. лит. 1903.

Ф. М. Достоевский: Полн. собр. сочинений, изд. посм. 14 тт. 1882—3; 1903, изд. 8-е «Просвещения» 21 тт., А. Достоевская, Библиографич. указатель сочинений и произв. искусства относящ. к жизни и деят. Д—го, 1906; О. Миллер, Материалы для жизнеопис. Д-го, 1883; В. Соловьев, Воспоминания о Д—м. 1881; его же, Три речи в память о Д—м, 1884; бар. А. Врангель, Воспомп. о Ф. М. Д—м в Сибири, 1854—56 г. 1912; А. Волынский, О Достоевском, изд. 2-е, 1909; Д. Мерзковский, Толстой и Достоевский, 2 тт. изд. 4-е, «Общ. польза», 1909; Н. Н. Булич, Д—й и его произведения, 1881, I; В. Вересаев, Живая жизнь. О Д—м и Льве Толстом, 1911; Болжский, Гл. Успенский и Достоевский, 1902; В. Чижев, Д—й как психопатолог, 1885; М. Зайдман, Д—й в западной литературе, 1911; Л. Шестов, Д—й и Ницше, 1904; о том же. прот. А. Смирнов, 1903; В. Розанов, Легенда о великом инквизиторе, 1894; К. Национализм и религия Д—го, 1906; Т. Ганжулевич, Д—й и Герцен в истор. русск. самосознания, 1907; А. Кирпичников, Д—й и Писемский, 1894.

Гр. Л. Н. Толстой: Полн. собр. сочинений, ред. Бирюкова, 20 тт., изд. Сытина, 1912—13, и др.; Посмертные художе-

ственные произведения 3 тт., изд. А. Толстой, 1911; Толстовский Ежегодник, 3 тт., 1911—13; Нов. сборн. писем Л. Н. Т—го, собр. П. Сергеевко, ред. А. Грузинского, 1912; Письма к жене, ред. Грузинского, 1913; Переписка с Страховым, 1913; Ю. Битовт, Гр. Л. Н. Т—й в литер. и искусстве, подробн. библиогр. указатель I—IV, 1912—1915; А. Бем, Обзор библиогр. работ о Т—м, «Библиографич. Сборник» изд. Рус. Библиол. Общ. I, 1916; П. Бирюков, Л. Н. Т—й. Биография и Письма. I—II, 1911; В. Зелинский, Русск. критич. литер. о произвед. Л. Т—го, чч. I—VШ, 1911; Д. Мережковский, Толстой и Достоевский, 1909, т. I; Д. Овсянников-Куликовский, Толстой, как художник, 1905; его же—К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характер его гения и произведений, 1908; Булгаков, Гр. Л. Н. Т—й и критика его произведений, 1886.

Д. В. Григорович: Сочинения, изд. Мартынова, 1878 и Маркса; А. Архангельский, Д. В. Григорович и русская критика сороковых годов, 1894.

П. И. Мельников—А. Печерский: Сочинения, изд. Вольфа, ст. П. Усова, 1887; Полн. собр. соч., изд. Маркса, 1910; Агафонов, Заволжская библиотека, 1887; Н. Невзоров, П. И. Мельников, 1883; Л. Багредов, Раскольнические типы в беллетрист. произведениях П. И. М—ва, 1904; А. Ильинский, П. И. Мельников (А. Печерский), Р. Фил. Вестн., 1912, № 1—2; А. Зморозич, О языке и стиле произведений П. И. Мельникова, Р. Фил. В., 1916, № 1—2 и отд.; Известия Нижегород. Губ. Уч. Архивн. Комиссии, т. IX.

Н. С. Лесков: Полн. собр. сочинений, изд. Маркса, 12 тт. 1897 и позже; А. Вотынский, Н. С. Лесков, 1898 (= Сев. Вестн. 1897, № 1—5); М. Протопопов, Большой талант. Р. Мысль, 1891, № 12, Фаресов, Против течения, 1904.

Гл. И. Успенский: Полн. собр. сочинений, 12 тт. изд. Маркса, 1908; М. Протопопов, Литер.-критические характеристики, 1898; Р. Мысль, 1840, № 8—10; Бельтов (Г. Плеханов), Наши беллетристы-народники, сборн. «За 20 лет», изд. 3-е. 1908.

М. Е. Салтыков (Н. Щедрин): Полн. собрание сочин., 12 тт., 5-е изд. Маркса, 1905; К. Арсеньев, Материалы для биографии Салтыкова, Вестн. Евр. 1890, № 1—2, и «Салтыков-Щедрин», 1908; Н. Денисюк, Критическая литер. о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина 5 вып., 1905—6; А. Пыпин, Салтыков, 1899 (В. Евр. 1889, №№ 6, 10, 12); С. Кривенко, М. Е. С—в. Его жизнь и литер. деятельность, 1915; В. Кранихфельд, Салтыков-Щедрин, «Мир Божий», 1904, №№ 4, 6, 7 и отд.; его же, Памятник российскому дворянству в сатирах Щедрина, Мир Б. 1906, № 10—11.

Н. И. Златовратский: Собр. сочинений, изд. «Просвещения», 1912; П. Сакулин, Народничество Н. И. З—го, Голос Минувш. 1913, № 1; М. Протопопов, Последовательный народник, Литер.-критич. характеристики, 1898; Русск. Мысль, 1891, № 5—6; Н. Златовратский, Детские и школьные годы, Вестн. Воспит. 1908, № 1—2; В 60-х годах, Вестн. Евр., 1910, № 9—10; Воспоминания, Сборн. «Друкаръ», 1910.

Н. Г. Помяловский: Полн. собр. сочин. 2 тт., изд. «Просвещения», 1913; Ю. Айхенвальд, Силуэты р. писат. I, Д. Писарев, Сочинения, IV и V.

А. И. Левитов: Собрание сочинений, 7 тт., изд. «Просвещения», 1911; А. Пыпин, Беллетрист-народник 60-х годов, Вестн. Евр. 1884, № 8; А. Скабичевский, Левитов, его жизнь и сочинения, Соч. Скабичевского, II или Отеч. Зап. 1877, № 6.

В. А. Слепцов: Собрание сочинений, изд. 3-е 1903; Ю. Айхенвальд, Силуэты, II. 1908; Д. Писарев, Подрастающая гуманность, Соч. V.

Ф. М. Решетников: Сочинения, 2 тт., изд. 3-е Павленкова, 1903; М. Протопопов, Решетников, как писатель и человек, Литер.-крит. характеристики, 1896.

П. Д. Боборыкин: Собр. сочинений, 12 тт. изд. Вольфа, 1885—87; За полвека (воспоминания), Рус. Мысль, 1906, №№ 2, 5, 11; 1908, №№ 4, 6, 11; 1913, № 2—3; С. Венгеров, Критико-биогр. словарь; М. Протопопов, Беллетрист-публицист, Р. Мысль, 1892, № 11—12 и Крит. статьи, 1903 г.

Д. Н. Мамин-Сибиряк: Собр. сочинений, прилож. к «Ниве» за 1915—17 г.г.; Е. Козтоновская, В стороне от главного русла. Д. Мамин-Сибиряк. Вестн. Евр. 1913, № 2; Е. Аничков, Д. Мамин-С., Мир Божий, 1905, № 10.

А. П. Чехов: Полн. собр. сочинений, изд. Маркса, 1900—1904; Собрание писем Чехова под ред. Брендера, 1910; Письма, собр. Б. Бочкаревым, 1909; Письма Чехова изд. М. Чеховой I—VI, 1912—1916; Ю. Соболев, Указатель литературы о Чехове за 10 лет. 1915; И. Масанов, Чехов в русск. критике. опыт библиогр. указателя (1887—1909), 1909; Волжский, Очерки о Чехове; 1903; В. Львов-Рогачевский, Чехов и его творчество. 1907; Образование, 1905, № 2—4; Д. Овсяннико-Куликовский, Этюды о творчестве Чехова, 1907; Вестн. Воспит. 1907, № 6—9; Вопросы психологии творч. 1902.

В. Г. Короленко: Собр. сочинений, 5 тт., прилож. к журн. «Нива» за 1914 г.; Ф. Батюшков, Короленко, как человек и писатель, по его произведениям. 1905; И. Иванов, Поэзия и правда мировой любви, 1899; Мир Божий, 1899, № 7—8.

Прочие указания на неупомянутых авторов конца XIX и нач. XX ст. см. у И. В. Владиславлева, Русские писатели XIX—XX ст. Опыт библиогр. пособия по новейшей русск. литер., 3 изд. 1918 и у С. А. Венгерова, История русской литер. XX столетия.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Предисловие	5

Общие замечания.

§ 1. Необходимость методологии	7
§ 2. «История» и «История литературы»	9
§ 3. Науки ли история и история литературы	10
§ 4. Виды изучений словесного творчества	12
§ 5. Задачи истории литературы	14
§ 6. Обстоятельства, благоприятствующие и мешающие историко-литературному исследованию	16
§ 7. Материал для истории литературы	18
§ 8. Все ли писатели ценны для истории литературы?	20
§ 9. Изучение литературы в древности и в средние века	21
§ 10. Изучение литературы под влиянием Возрождения	24
§ 11. Значение идей Бэкона, Декарта и Вико для нашей науки	25
§ 12. Роль бр. Гриммов в изучении истории литературы	28

Методы изучения литературы.

§ 13. Методы изучения истории литературы	29
§ 14. Эстетический метод	30
§ 15. Этический метод	32
§ 16. Публицистический метод	34
§ 17. Метод историко-политический	36
§ 18. Исторический метод	37
§ 19. Историко-психологический метод	39
§ 20. Культурно-исторический метод Тэна	41
§ 21. Этопсихологический метод	45
§ 22. Сравнительно-исторический метод	47
§ 23. Эволюционный метод	49
§ 24. Филологический метод	51
§ 25. Вспомогательные науки (библиография; палеография; история языка; хронология; биография; история; история античных, славянских и западно-европ. литератур; история искусства)	53

	стр.
§ 26. Источники и нахождение их	59
§ 27. Основания филологического метода. Критика текста..	62
§ 28. Анализ ошибок и их значение	64
§ 29. Установление состава и истории памятника	68
§ 30. Исправление и восстановление текста	70
§ 31. Примеры критики текста сравнительной и конъекту- ральной	72
§ 32. Примеры древне-русского творчества	76
§ 33. Определение времени и места написания памятника..	79
§ 34. Определение неназванного автора	82
§ 35. Изучение переводных памятников литературы	85
§ 36. Подделки и способы их обнаружения	91
§ 37. Научное издание памятников литературы	94
§ 38. Примерный путь историко-литературного исследова- ния	96
§ 39. Построение историко-литературного исследования ...	102
§ 40. Несколько спорных вопросов истории русской лите- ратуры (возможность построения научной истории русской литературы; возможность хронологического построения истории русской литературы; установле- ние периодов развития русской литературы; начало существования русской литер.; условия образования русской литер.; роль чужих литер. традиций в исто- рии русск. литер.)	105

Важнейшие источники и пособия.

§ 41. Изучение истории русской литературы. Общие обзоры	114
§ 42. Рукописные источники	119
§ 43. Печатные источники и пособия	127
§ 44. Пособия по вопросам: А) историко-литерат. методоло- гии и Б) истории литературной критики в России...	129
§ 45. Важнейшие источники и пособия для изучения р. на- родной словесности	131
§ 46. Важнейшие пособия по истории русской литературы XI—XVIII в.в.	137
§ 47. Пособия для изучения писателей XVIII—XIX в.в. ..	150